
БОЛГАРСКАЯ РУСИСТИКА

2016/2

Орган Общества русистов Болгарии
СОФИЯ 2016

Редакционный совет:

проф. д-р Валентина Аврамова, проф. д-р Ренета Божанкова, проф. д-р Гочо Гочев, проф. д-р Стефка Георгиева, доц. д-р Стефка Калева.

Международный редакционный совет:

проф. д.ф.н. Юрий Прохоров (Россия)
проф. д.ф.н. Елена Иванова (Россия)
проф. д.ф.н. Мария Котнорова (Россия)
проф. д.ф.н. Йенс Херлт (Швейцария)
проф. д.ф.н. Петр Буняк (Сербия)
проф. д.ф.н. Катажина Воян (Польша)
доц. д-р Ладислав Вибожил (Чехия)

Редакционная коллегия:

доц. д-р Илиана Вladoва (главный редактор), доц. д-р Ирина Захариева (зам.гл. редактора), доц. д-р Димитрина Лесневска (зам. гл. редактора), проф. Елена Стоянова, доц. д-р Христо Манолакев, Екатерина Солнцева-Накова (отв. секретарь), Радослава Лесневска (технический редактор).

ISSN 0323-9160 (print), ISSN 1313-3713 (online)

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Валентина Аврамова</i> ПРЕЗИДЕНТ МАПРЯЛ Л.А. ВЕРБИЦКАЯ В БОЛГАРИИ	7
<i>Академик Л.А. Вербицкая</i> РУССКИЙ ЯЗЫК СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	9
ЛИНГВИСТИКА	
<i>Ольга Павловна Сологуб</i> БИНАРНЫЕ КЛИШИРОВАННЫЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ ОФИЦИАЛЬНО-ДЕЛОВОЙ РЕЧИ	18
<i>Лилия Канафовна Муллагалиева</i> «ВАВИЛОНСКОЕ» СМЕШЕНИЕ АЛФАВИТОВ, ИЛИ КАК МЕНЯЕТСЯ ГРАФИКА РУССКОГО ЯЗЫКА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ	29
<i>Наталья Васильевна Соловьева</i> ОСЛАБЛЕНИЕ КРИТИЧНОСТИ МЫШЛЕНИЯ КАК ОДНА ИЗ ТЕНДЕНЦИЙ СОВРЕМЕННОГО НАУЧНОГО ДИСКУРСА	41
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ	
<i>Атанаска Симеонова Методиева</i> ПОЧЕРК ЧААДАЕВА: НАЧАЛО КОММУНИКАТИВНОГО БУНТА	55
<i>Светлана Анатольевна Скуридина</i> ОТРАЖЕНИЕ СВАДЕБНОЙ ОБРЯДНОСТИ В НЕКОТОРЫХ АНТРОПОНИМАХ У Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО	61
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ	
<i>Геннадий Филиппович Ковалев</i> РУССКОЕ ОТЧЕСТВО КАК ЭТНОЯЗЫКОВАЯ КАТЕГОРИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА	70
МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА	
<i>Елена Михайловна Маркова</i> ЧТО ЗНАЧИТ ОБУЧАТЬ КОММУНИКАЦИИ В КУРСЕ РКИ	79
<i>Нина Васильевна Баско</i> ИСТОРИКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ КАК ВАЖНЫЙ ЭЛЕМЕНТ В ОБУЧЕНИИ РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ	88
ВОПРОСЫ ПЕРЕВОДА	
<i>Людмила Вениаминовна Кушнина</i> <i>Елена Вадимовна Аликина</i> <i>Любовь Кимовна Гейхман</i> ФОРМИРОВАНИЕ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ КОМПЕТЕНЦИЙ В СВЕТЕ КОНЦЕПЦИИ ПЕРЕВОДЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА	97

ДЕБЮТЫ

Полина Андреева Димитрова

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ БИБЛЕЙСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В ЗЕРКАЛЕ
ПЕРЕВОДА 110

РЕЦЕНЗИИ

Атанаска Симеонова Методиева

ЗАХАРИЕВА И.П. ПЯТАЯ КНИГА ФОРМИРОВАНИЯ ЛИТЕРАТУРНОЙ
КЛАССИКИ XX ВЕКА: КАНОНИЗИРОВАННЫЕ ФОРМОСМЫСЛЫ,
ОБРАЗЫ И СЮЖЕТЫ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ. – СОФИЯ:
МУЛТИПРИНТ, 2016. – 380 с. 120

Димитрина Спасова Лесневска

ДИАЛОГ КУЛЬТУР. КУЛЬТУРА ДИАЛОГА: В ПОИСКАХ ПЕРЕДОВЫХ
СОЦИОГУМАНИТАРНЫХ ПРАКТИК. Материалы Первой международной
конференции (Москва 14 –16 апреля 2016 г.) /под общ. ред. Е.Г. Таревой,
Л.Г. Викуловой – Москва: МГПУ; Языки народов мира, 2016. – 621 с. 126

ХРОНИКА

Димитрина Спасова Лесневска

VI МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «РУССКИЙ ЯЗЫК И
КУЛЬТУРА В ЗЕРКАЛЕ ПЕРЕВОДА» К 125-ЛЕТИЮ СО ДНЯ
РОЖДЕНИЯ М.А. БУЛГАКОВА. 13.05. – 17.05.2016 г. АФИНЫ (ГРЕЦИЯ)
..... 130

СЛОВО РУССКОЯЗЫЧНЫХ ПИСАТЕЛЕЙ БОЛГАРИИ

Ирина Петровна Захариева

О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОЮЗА РУССКОЯЗЫЧНЫХ ПИСАТЕЛЕЙ
БОЛГАРИИ 135

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В БОЛГАРИИ

Любов Стефанова Мишева

133-я ШКОЛА ИМ. А.С.ПУШКИНА В СОФИИ..... 138

ЮБИЛЕИ

Нэлли Михайловна Шедрина

ИРИНА ЗАХАРИЕВА – ПРОНИЦАТЕЛЬНЫЙ ЛИТЕРАТУРОВЕД И
ТАЛАНТЛИВЫЙ УЧЕНЫЙ 143

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 145

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ 147

АДРЕС РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА 150

Уважаемые читатели!

Перед Вами – второй выпуск журнала «Болгарская русистика» за 2016 год.

Благодарим всех авторов материалов, опубликованных в этом выпуске, – русистов из Болгарии (Пловдив, София), Башкортостана (РФ; Уфа), России (Воронеж, Москва, Пермь), Словакии (Трнава), Тайваня (Китай; Тайбэй).

Председатель общества русистов Болгарии, д-р проф. В. Аврамова, комментирует визит академика Л.А. Вербицкой в Болгарию.

Мы публикуем масштабный доклад Президента МАПРЯЛ, д.ф.н., проф. Людмилы Алексеевны Вербицкой, зачитанный в Болгарской академии наук после торжественной церемонии вручения почетного звания «Доктор Хонорис Кауза».

Следующее событие, которое мы отмечаем на страницах этого выпуска, – юбилей д-ра доцента Ирины Захариевой, члена редколлегии журнала. Юбилею И. Захариевой посвящена рубрика «Юбилеи» (д.ф.н., проф Н.М. Щедрина), а в рубрике «Рецензии» опубликована рецензия на ее последнюю фундаментальную работу (д-р А. Методиева).

Предоставляем Вам новую постоянную рубрику журнала – «Слово русскоязычных писателей Болгарии» в связи с созданием в Болгарии нового союза – «Союз русскоязычных писателей Болгарии». Мы приветствуем создание в Болгарии этого литературного союза. Новому Союзу желаем доброго пути!

Рубрику «Лингвистика» открывает статья известного российского специалиста в области официально-делового стиля, д.ф.н. О.П. Сологуб. Представлены также статьи к.п.н Л.К. Муллагалиевой о смешении алфавитов и к.ф.н. Н.В. Соловьевой о проблемах научного дискурса.

Рубрика «Литературоведение» содержит статью д-ра А. Методиевой о философических письмах П. Чаадаева и статью к.ф.н. С.А. Скуридиной о свадебной обрядности в антропонимах Ф.М. Достоевского.

Рубрика «Лингвокультурология» представлена статьей основателя Воронежской школы славянской ономастики – д.ф.н., проф. Геннадия Филипповича Ковалева.

В Методической рубрике опубликованы статьи известных российских методистов д.ф.н. проф. Е.М. Марковой и к.ф.н. доц. Н.В. Баско.

В рубрике по вопросам перевода можно ознакомиться с новой теорией перевода в рамках совместной статьи крупных специалистов известного пермского вуза ПНИПУ – д.ф.н., проф. Л.В. Кушниковой, д.п.н., проф. Л.К. Гейхман, к.п.н., доц. Е.В. Аликиной.

В нашей рубрике «Дебюты» выступает со статей аспирантка Пловдивского университета им. П. Хилендарского Полина Димитрова.

Кроме рецензии на монографию И. Захариевой (д-р А. Методиева), рубрика «Рецензии» содержит также рецензию на Сборник «Диалог культур», включающий материалы фундаментальной по своему масштабу Первой международной конференции по проблемам межкультурной коммуникации Московского городского педагогического университета 14 – 16 апреля 2016 г. (д-р, доц. Д.С. Лесневска).

В Хронике отражена Международная конференция высшей школы перевода МГУ «Русский язык и культура в зеркале перевода» К 125-летию со дня рождения М.А. Булгакова 13 – 15 мая 2016 г. – Афины, Греция (д-р, доц. Д.С. Лесневска).

Рубрика «История изучения русского языка в Болгарии» посвящена истории 133-ей школы им. А.С. Пушкина в Софии (Л. Мишева).

Журнал «Болгарская русистика» выходит в свет благодаря поддержке Фондации «Славяне» и Федерации дружбы с народами России и СНГ.

Редколлегия

Валентина Аврамова
Председатель Общества русистов Болгарии

ПРЕЗИДЕНТ МАПРЯЛ Л.А. ВЕРБИЦКАЯ В БОЛГАРИИ

3 июня 2016 г. председатель Болгарской академии наук академик Стефан Воденичаров вручил почетное звание «Доктор Хонорис Кауза» профессору доктору филологических наук Людмиле Алексеевне Вербицкой – президенту Санкт-Петербургского государственного университета. В своем слове академик С. Воденичаров представил аудитории проф. Л.А. Вербицкую и ее научные достижения и в заключении сказал: «Я считаю, что присуждение президенту Санкт-Петербургского государственного университета проф. Вербицкой почетного звания «Доктор Хонорис Кауза» Болгарской академии наук является честью для академической общности». Проф. Л.А.Вербицкая поделилась мыслью о том, что бывают моменты, когда даже для филолога трудно говорить и поблагодарила за большую награду. «Быть почетным членом БАН для меня является огромной честью, потому что много лет назад я полюбила Болгарию, ваш удивительный народ, болгарских русистов, которые многое делают для того, чтобы русский язык жил в Болгарии». В своей лекции на тему «Русский язык в современной России» академик Л.А. Вербицкая подчеркнула, что «любая интеллектуальная деятельность связана с языком и нет образования без науки и науки без образования. Язык является не просто системой знаков, а инструментом для организации общества и отдельного человека. Он выражает душевность народа и является зеркалом современного его состояния».

На церемонии по вручению почетного звания проф. Л.А.Вербицкой присутствовали советник по вопросам науки, культуры и образования при посольстве Российской Федерации Кирилл Рынза, директор РКИЦ П. В. Журавлев, заместитель министра образования и науки Республики Болгарии проф. Иван Димов, ректор Софийского университета им. Св. Климента Охридского проф. Ст. Герджиков, заместитель председателя БАН академик Д. Дамянав, академик Б. Сендов, председатель БАН (1988-1991), академик Н.Сыботинов – председатель БАН (2008 – 2012), академики,

члены-корреспонденты, ученые институтов БАН, представители русского сообщества в Болгарии, а также представители общественных и неправительственных организаций.

Проф. Л.А. Вербицкая является президентом Русской академии по образованию, Санкт-Петербургского государственного университета и Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы, председателем Попечительского совета Фонда «Русский мир», вице-президентом Комитета по образованию при президенте Российской Федерации. Она является почетным доктором ряда русских и зарубежных университетов и научных институций. Проф. Л.А. Вербицкая является носителем ряда русских и иностранных наград и отличий.

Накануне церемонии в БАН состоялась встреча проф. Л.А.Вербицкой с представителями неправительственных и общественных организаций. На встрече присутствовали председатель Общества русистов Болгарии проф. В. Аврамова, зам. председателя д-р А. Пенчева, доц. И. Владова, проф. С. Георгиева и доц. Ц. Ралева. Состоялась беседа о распространении и преподавании русского языка в Болгарии, о деятельности болгарских русистов среди школьников и студентов и об ее результатах. Состоялся обмен мнениями о деятельности ОРБ в канун празднования 50-летия МАПРЯЛ и Общества русистов Болгарии, которое состоится в 2017 году.

Академик Л.А. Вербицкая
Президент МАПРЯЛ

РУССКИЙ ЯЗЫК СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ¹

Российская нация живет уже почти 12 веков. Нет нации без языковой общности; языковой признак наряду с экономическим, территориальным, этническим и психологическим, является одним из основных признаков нации. Мы часто недооцениваем значение языка как фактора объединения России, а ведь язык – это уникальный индикатор, по которому мы можем судить о состоянии нации. Язык и национальное сознание неразрывно связаны, и процессы, происходящие в языке, прямо указывают на те изменения, которые происходят в сознании носителей языка. С другой стороны, именно и только через язык возможно формирование и изменение общественного сознания.

Русский язык по общему числу говорящих занимает место в первой десятке мировых языков, однако точно определить это место довольно трудно.

Численность людей, которые считают русский родным языком, превышает 200 миллионов человек, 130 миллионов из которых живут на территории России. В 300-350 миллионов оценивается число людей, владеющих русским языком в совершенстве и использующих его в качестве первого или второго языка в повседневном общении.

Всего же русским языком в мире в той или иной степени владеют более полумиллиарда человек, и по этому показателю русский занимает третье место в мире после китайского и английского.

В живом языке народа отражается вся его жизнь, история его материальной и духовной культуры. По языковой картине можно изучать национальную. Воздействие культуры на язык очевидно, но и язык в свою очередь оказывает влияние на культуру, что дает возможность изучения культуры народов через язык и речь. Язык, с

¹ Лекция, прочитанная акад. Л.А. Вербицкой 3 июня 2016 г. в Большом зале Болгарской академии наук после торжественной церемонии вручения почетного звания «Доктор Хонорис Кауза».

одной стороны, выступает важным средством закрепления результатов практической и теоретической деятельности человека, он отображает уровень духовно-практического освоения человеком окружающего мира. В лингвистической культуре общества закреплён прошлый опыт действий и размышления о различных вещах определенными способами. Лексика общества воплощает в себе уровень культурного развития данного народа, способы восприятия мира. Лексика тесно связана с культурой общества и оказывает влияние на мировоззрение людей.

Роль и значение языка, речи, слова для народной жизни, здоровья и благоденствия общества огромно. Язык есть выражение народного духа, состояния интеллекта и образованности, общественного и личного настроения, воли, всех движений души, стиля жизни современного общества. Можно с уверенностью сказать: каковы слова, которые мы слышим и читаем вокруг себя, таков и наш внутренний комфорт, общественно-психологический настрой. Одним словом, каков язык, такова и жизнь.

Язык – не просто система знаков, а инструмент организации жизни общества и человека. Язык – средоточие и выразитель всей народной жизни, ее духа и сегодняшнего состояния.

Каков язык – таков и человек, таково и общество. Через язык выражается вся сущность человека: мысли, чувства, воля, дела.

Стиль жизни формируется стилем речи. Стиль речи создает общественный настрой.

Всякая интеллектуальная профессия связана с языком. Например, политика есть общение, искусство объединять людей, а достижение этого возможно только с помощью слова. Поэтому слово – главное орудие политика. Успех в предпринимательстве связан с речью, ибо всякое дело организуется через слово. То же самое можно сказать о речевом труде учителя, врача, юриста, военного.

Лидерство в культурном и экономическом соревновании получают те страны, в которых развит язык (точнее, технология и формы речевой коммуникации) и нормализована речевая этика общества.

Культура реализует себя через язык, а хорошая речь может основываться только на культуре. Культура обобщает

положительный опыт речевого творчества, указывает способы оптимального пользования речью.

Стиль жизни формируется стилем речи. В начале XXI века мы ясно ощущаем, что живем в новом стиле. Каков же он, этот новый стиль?

Мы не можем не замечать, что на наших глазах скудеет наш прекрасный, удивительно богатый, яркий, образный русский язык. Безграмотность, бедный словарь, отсутствие логики, грубость, ненормативная лексика, примитивная аргументация – вот черты современной русской речи. А ведь «...речь человека – это лакмусовая бумажка его общей культуры, владение литературным языком составляет необходимый компонент образованности, интеллигентности...» (К.С.Горбачевич).

Интеллигентный человек характеризуется особым, человеческим отношением к миру и людям, привязанностью к своему народу, к своей родине, к своей культуре и уважением к культуре других народов, развитым чувством справедливости, чести, совести, чувством независимости (в частности социально-независимой позицией и способностью отстаивать эту позицию).

Интеллигентность проявляется в желании не обидеть человека, в умении уважительно спорить, в умении незаметно помочь другому.

Академик Д.С.Лихачев для многих россиян является воплощением интеллигентности. В своих выступлениях Д.С.Лихачев подчеркивал: «Образованность живет старым содержанием, интеллигентность – созданием нового и осознанием. Больше того... Лишите человека всех его званий, образованности, лишите его самой памяти, но если при всем при этом он сохранит восприимчивость к интеллектуальным ценностям, любовь к приобретению знаний, интерес к истории, вкус в искусстве, уважение к культуре прошлого, навыки воспитанного человека, ответственность в решении нравственных вопросов, богатство и точность своего языка разговорного и письменного – вот это и будет интеллигентность. Нация, которая не ценит интеллигентности, обречена на гибель».

Культура – великое богатство, накопленное человечеством как в материальной, так, в особенности, в духовной жизни людей.

Мерой культуры и воспитанности человека и является его интеллигентность. Шекспир и Пушкин, независимо друг от друга пришли к одному выводу: причины всех бед человеческих – в невежестве. Именно интеллигентность – антипод хамству и невежеству. В каждой стране есть свои культурные традиции. Говорить о культуре – значит говорить о духовности как об одной из главных особенностей русского национального характера. Россия всегда была богата великими духоборцами, постоянными нравственными исканиями, возвышающими человека.

Язык – это форма существования сознания, и преобладание примитивного, агрессивного, грубого языка говорит о соответствующем состоянии сознания нации. «Обращаться с языком кое-как – значит мыслить кое-как: неточно, приблизительно, неверно». Единственный способ справиться с этими проблемами состоит в изменении отношения к языку, в нахождении способа выработать в людях способность пользоваться богатым, красивым языком, тем самым поднимая на другой уровень и их сознание.

Когда говорят о нормативной речи, чаще имеют в виду ее письменную форму («Тотальный диктант» – более 80% сделали ошибки в слове *интеллигент*), а ведь сегодня, как мне кажется, ещё важнее речь устная. Так считал и А.П. Чехов: «В сущности ведь для интеллигентного человека дурно говорить должно считаться таким же неприличием, как не уметь читать и писать», (А.П.Чехов. Полное собрание сочинений и писем в 30 т., М., 1974-88, т.16, с. 267).

Одной из наиболее важных лингвистических проблем, не оставляющих равнодушными не только лингвистов, но и представителей всех слоев российского общества, является проблема состояния современной русской речи.

Постоянное развитие, изменение языка создает большие трудности для описания современной языковой нормы.

Перестройка принесла вседозволенность, языковая культура резко упала. Средства массовой информации буквально захлестнул поток просторечных, жаргонных, а нередко – просто непристойных слов.

Нельзя не сказать и о том, что в последние 15 лет существенное, и отнюдь не лучшее влияние на язык оказывают телевидение и

мультимедийные средства, в том числе интернет. В последние годы появилось даже новое понятие, в отличие от литературы – сетература, литература сети, разрешающая ошибки и нарушение нормы разного рода.

Просторечные, сниженные формы проникли и в высокие, иногда официальные стили речи, в поэзию, в язык государственных и культурных деятелей, в информацию на международные темы, в хронику официальных событий.

Основные негативные тенденции в современной русской речи – это неправильное произношение, ударения, использование жаргона, иностранных заимствований и ненормативной лексики.

В наш язык за последние два десятилетия вошла не только неформальная лексика, но и особый лексикон, насыщенный вульгарной воровской терминологией. Благодаря «бандитским» сериалам, низкопробным кинофильмам, криминальным репортажам, сочинителям примитивных песен и эстрадных выступлений, а зачастую и благодаря политикам, в разговорную речь проник низкий стиль, и он упорно держится, расширяя круг пользователей и область применения. Это некий вульгарный примитивный язык, для которого характерны такие, например, выражения как *бабло, бабки, разборка, разрулить, водило, пацан, хавать, сечь поляну, заморачиваться, беспредел, отморозок, кинуть, стрелка* и пр.

Более вульгарными становятся даже слова-паразиты; если раньше самыми частотными выражениями были *это самое, так сказать, естественно, вот, то есть, фактически, на самом деле*, то теперь гораздо чаще звучат *блин, прикинь, типа, короче, как бы*.

Телевизионные каналы (а это значит, режиссёры, менеджеры и хозяева каналов) не обращают внимания на речь ведущих (может быть потому, что они довольно известные в России люди).

В результате – скудость словарного запаса современных молодых людей, в том числе и студентов.

Материал, использованный для проведения тестирования на знание лексического значения книжных слов, в аудитории университетских студентов-первокурсников вызвал серьёзные затруднения: многие не знали таких слов как *дилемма*,

компетенция, альтруист, всенощная, монолит, идентичность, альянс, аутентичный, периферия.

Интересно замечание Юрия Шевчука: «Читаю залу стихи и вижу по лицам – некоторых литературных русских слов уже не понимают».

Параллельно, по мере изменения жизненных реалий, мы наблюдаем возвращение в язык и более активное использование малоупотребительных в недавнем прошлом слов, таких как **губернатор, меценат, гувернер.**

Нельзя не сказать об огромном количестве заимствований, вошедших в наш язык в последние двадцать лет (и это не самое страшное!). В истории русского языка были периоды существенного пополнения лексики за счет заимствований. Из учебников мы знаем, что заметную роль в XVII-XVIII вв. (в связи с реформами Петра I) сыграли слова из германских языков (немецкого, английского, голландского), а также из романских языков (например, французского, итальянского, испанского).

К немецким относится ряд слов торговой, военной, бытовой лексики и слов из области искусства, науки и т.д.: **вексель, штемпель; ефрейтор, лагерь, штаб; галстук, штиблеты, верстак, стамеска, фуганок; шпинат, рюкзак, бутерброд, шлагбаум; мольберт, капельмейстер, ландшафт, курорт.** Голландскими являются некоторые мореходные термины: **буер, верфь, вымпел, гавань, дрейф, лоцман, матрос, рейд, флаг, флот** и др.

К французским относятся отдельные заимствования XVIII-XIX вв., например бытовые слова: **браслет, гардероб, жилет, пальто, трико; бульон, мармелад, котлета, туалет,** а также слова из военной лексики, искусства и т.д.: **артиллерия, батальон, гарнизон, канонада; актер, афиша, пьеса, режиссер.** Из английского языка вошли в русский некоторые морские термины: **мичман, бот, бриг;** слова, связанные с развитием общественной жизни, техники, спорта и т.д., как например: **бойкот, лидер, митинг; тоннель, троллейбус, баскетбол, футбол, спорт, хоккей, финиш; бифштекс, кекс, пудинг** и др. Особенно распространились английские слова (часто в американском варианте) в 90-е годы XX в. в связи с экономическими,

социальными и политическими преобразованиями в российском обществе (*компьютер, дисплей, бартер, брокер, дилер, римейк, ток-шоу, андеграунд, рейтинг, импичмент, лобби*).

Однако сегодняшний наплыв американизмов, переполнивших экономическую, коммерческую, финансовую, музыкальную лексику, язык рекламы и средств массовой информации, трудно сравнить с любым другим периодом развития русского языка. Некоторые заимствованные слова стали частотными и практически вошли в русский язык: *кофе-брейк, саммит, бренд, отель, гастарбайтер, топ-менеджер, холдинг* и т.д. Не могут не вызывать неприятия междометия *упс* и *вау*, хотя надо признать, пик их популярности миновал.

Вернулась и религиозная лексика.

Хочу подчеркнуть, что у многих заимствованных слов есть русские эквиваленты. Например, **бизнесмен** - *предприниматель, консенсус* – *согласие, легитимность* – *законность, толерантность* – *терпимость, киллер* – *убийца, стагнация* – *застой, шопинг* – *покупки, креативный* – *творческий, коммуникация* – *общение, парковка* – *стоянка, импонируют* – *нравится, инвестировать* – *вкладывать, тинэйджер* – *подросток, секьюрити* – *охрана*. Массовое распространение имеют только слова **бизнесмен, парковка, киллер**, хотя остальные тоже стали употребляться чаще.

Особенно курьезно иногда выглядят названия рабочих вакансий, среди которых главное слово – **менеджер**. Например, **менеджеры по клинингу** (уборщицы), **менеджеры по продажам, по работе с клиентами, сэйлзменеджеры, акаунт-менеджеры, ивент-менеджеры**.

Ярко выраженной тенденцией в современной русской речи является распространение жаргонных слов и выражений. В молодежной среде, как выяснилось, самыми частотными оказались слова: **прикольно, крутой, халява, клёво, стёб и кайф**.

После наступления 2000-го года довольно большая часть людей, считающих себя образованными, не могут правильно назвать год.

Мы часто наблюдаем затруднения в речевом выражении своих мыслей у школьников и у студентов.

Я вижу объяснение этому явлению в неуклонном снижении интереса к чтению среди детей и молодёжи, и эта тенденция кажется мне очень тревожной. Нельзя недооценивать важность и плодотворность чтения для развития интеллекта и становления личности. Приятнейшее занятие – чтение романов, оно развивает воображение, заставляет человека думать и сопереживать, автоматически делает человека грамотным, выстраивает в его мозгу систему понятий «что такое хорошо и что такое плохо». Не стоит пренебрегать этим. Ведь нам, просто потому, что мы русские, досталось богатейшее наследство – русская литература! Весь мир ценит эти сокровища, даже при том, что никто, кроме носителя русского языка, не может в полной мере оценить несравненное богатство русской поэзии.

Кстати, хочу с радостью отметить удивительное знание и понимание русской литературы китайскими коллегами.

Мы до сих пор не выработали достойную форму обращения к незнакомому человеку.

Слышь, мужик...

Эй, куда пошла?...

Эй, красотка!

Женщина!

Уважаемый!

Не подскажите...?

А ведь русский язык богат разнообразными вариантами форм вежливости, которыми можно пользоваться:

Господин...!

Госпожа...!

Сударь...!

Сударыня...!

Простите!

Извините!

Прошу прощения!

Скажите, пожалуйста...

Позвольте узнать...

Вам не трудно сказать...

Будьте добры...

Удивительно, что частотным приветствием стало *Хай!*, а фамильярная реплика *Ну, давай!* стала заключительным компонентом рамки неофициального разговора (первоначально эта реплика использовалась в основном при разговорах по мобильному телефону).

Довольно часто появляются панические призывы охранять, защищать русский язык, потому что он гибнет, портится, не развивается... Уверяю вас, он не погибнет. В истории русского языка бывали уже подобные периоды, когда менялся стиль, появлялось огромное число неологизмов, - взять хотя бы 20-е годы прошлого века. Появился даже термин «советизм», означающий слово, появившееся и использовавшееся в советскую эпоху. Какие-то из этих слов остались в языке, какие-то ушли за ненадобностью (*партактив, партбюро, обком, горком* и т.п. – ушли; *стройотряд* – возрождается).

А развитие языка идёт своим путем. При всем обилии новых заимствований, связанных с компьютерами, обратите внимание – в русском языке появилось немало новых, часто остроумных выражений: «*емеля*» и «*мыло*» - электронная почта, «*аська*» - интернет-пейджер, *ICQ (ай си кью)*, «*клава*» - клавиатура, «*собака*» - значок электронной почты; автомобилисты называют «*мерином*» - мерседес, «*авдюхой*» - ауди, «*пыжиком*» - пежо; продавцы одежды нежно называют размеры одежды «*L*» и «*M*» - «*элечка*» и «*эмочка*». Появилось слово «*себяшка*»... У глаголов «достать», «грузить», «забить», «зажигать» появились совершенно новые значения... У нашего языка есть огромный запас прочности и великолепные механизмы защиты. Он примет и «переварит» любые слова из других языков и приспособит их к своим нуждам. И нам повезло, что мы можем наблюдать и анализировать этот процесс. И чем лучше человек владеет языком, тем интереснее ему следить за тем, как меняется язык, как точно он отражает нашу жизнь.

«Необходимо сохранять и совершенствовать свой язык - это громадное удовольствие, не меньшее, чем хорошо одеваться, только менее дорогое», писал Д.С. Лихачев.

ЛИНГВИСТИКА

Ольга Павловна Сологуб
Национальный Тайваньский университет
Тайбэй, Тайвань

БИНАРНЫЕ КЛИШИРОВАННЫЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ ОФИЦИАЛЬНО-ДЕЛОВОЙ РЕЧИ

Аннотация: В работе производится анализ малоисследованного языкового материала – клишированных словосочетаний официально-деловой речи. Предлагаются критерии для их выявления, представлена попытка их типологизации.

Ключевые слова: официально-деловая речь, свободное словосочетание, бинарное клишированное словосочетание, слово

Olga Pavlovna Sologub
National Taiwan University
Taipei, Taiwan

BINARY CLICHÉD PHRASES OF OFFICIAL BUSINESS LANGUAGE

Abstract: The article provides analysis of little-investigated language material – clichéd phrases of official business language. It also proposes criteria for their identification, makes an attempt for their classification.

Keywords: official business language, free phrase, binary clichéd phrase, word

Официально-деловой текст представляет собой в большой степени стереотипизированную на всех языковых уровнях единицу. Обилие клише в официально-деловой речи отмечается как одна из ее наиболее отличительных черт. Однако исследователи, говоря об этом, зачастую ограничиваются лишь приведением примеров (порой бессистемным), детальный анализ феномена клишированности только начинает осуществляться [Лещак 2006]. Настоящая работа призвана восполнить в определенной мере обозначенную лакуну.

Объектом анализа избраны бинарные¹ клишированные словосочетания (КССч), широко используемые в текстах договоров купли-продажи. Выбор данного жанра обусловлен тем, что ситуация заключения договора купли-продажи является распространенной стереотипной ситуацией официально-делового общения, она предполагает урегулирование типовых деловых отношений на официальном уровне – это делает необходимым употребление стереотипных языковых средств, в том числе и КССч.

Анализ данных языковых единиц потребовал определения объема понятия «клишированное словосочетание». Эта проблема решается, с одной стороны, путем определения словосочетаний, относящихся к КССч, а с другой стороны, путем исключения из этого поля смежных языковых единиц. В связи с этим в работе производится сопоставление КССч с другими типами словосочетаний и с некоторыми типами слов.

КЛИШИРОВАННЫЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ – РАЗЛИЧНЫЕ ТИПЫ СЛОВСОЧЕТАНИЙ

I. Клишированные словосочетания – предикативные / полупредикативные словосочетания. Согласно устоявшейся точке зрения, предикативные словосочетания как ядро предложения (*Продавец продал, квартира принадлежит, никто не проживает*)² и полупредикативные словосочетания как основа осложняющих синтаксических конструкций (*под арестом (запрещением); совместная (долевая); мы, нижеподписавшиеся*) выводятся из состава словосочетаний и, следовательно, и из состава КССч.

II. Клишированные словосочетания – свободные – устойчивые словосочетания (фразеологизмы). Вопрос о

¹ Кроме двухкомпонентных КССч, в официальной речи широко используются и многокомпонентные КССч (*снимать с регистрационного учета, квартира общей площадью, договор на передачу (продажу) квартир в общую совместную (долевую) собственность граждан*). Характеристика «бинарный» часто опускается нами в целях избежания терминологической громоздкости, однако мы всегда имеем в виду именно эти языковые единицы.

² Из состава предикативных словосочетаний выводятся глагольно-именные словосочетания с глаголом в пассивной форме (*квартира продается → продавать квартиру, никто не зарегистрирован → никого не регистрировать, расчет произведен → производить расчет*).

разграничении свободных и устойчивых словосочетаний был поставлен еще М.В. Ломоносовым и имеет давнюю традицию изучения в трудах Н.И. Греча, Ф.Ф. Фортунатова, Ш. Балли, А.А. Шахматова, В.В. Виноградова, Н.М. Шанского и др. В.В. Виноградов создал широкоизвестную классификацию фразеологизмов на основе семантической связанности компонентов, при этом он обращал внимание и на устойчивые словосочетания нефразеологического характера. Развивая теорию В.В. Виноградова, Н.М. Шанский выделил в составе фразеологических выражений отдельную группу устойчивых словосочетаний, компоненты которых обладают прямым номинативным значением, а также свободной широкой сочетаемостью. Дальнейшие исследования (В.Н. Виноградова, Л.Ф. Коваленко, А.Н. Кожин и др.) были направлены на выявление состава этой группы³, определение лингвистического статуса выделенных подгрупп⁴. Наиболее утвердившейся является точка зрения, согласно которой устойчивые неидиоматические словосочетания обладают статусом фразеологизма и относятся к разряду фразеологических сочетаний. На этом основании представленная выше трехчленная оппозиция трансформируется в двучленную: **свободные (СССч) – устойчивые ← КССч**.

В лингвистической науке уже определен ряд критериев разграничения данных единиц, специфика анализируемого материала позволила выделить некоторые дополнительные критерии. В итоге мы можем произвести сопоставительный анализ бинарных СССР и КССч официально-деловой речи по следующим параметрам.

- **Характер выражаемых отношений, сторон ситуации.** В КССч выражаются важнейшие обстоятельства ситуации заключения договора купли-продажи, моменты, имеющие правовое значение. Таковыми являются словосочетания, обозначающие данную ситуацию: *заключать договор, совершать сделку, договор купли-*

³ Ученые говорят о составных бытовых, номенклатурных наименованиях, терминах, речевых штампах, клише.

⁴ Одни ученые наделяют эти единицы фразеологическим статусом (В.П. Жуков, Л.И. Ройзензон, Н.М. Шанский), другие считают их свободными словосочетаниями (Б.А. Ларин, С.И. Ожегов), третьи рассматривают их как единицы промежуточного характера (Ю.Р. Гепнер, А.П. Мордвилко, Е.А. Иванникова).

продажи – а также ее исходные, основополагающие моменты: *цена Договора, Стороны Договора, подписи Сторон*. Другие словосочетания выражают существенные для данной ситуации, юридически значимые смыслы: *регистрационный учет, свободный от прав, разрешать споры*. В СССч, как правило, выражаются сопутствующие отношения, конкретизирующая информация: *остальные договоры, объем соглашений, продавать квартиру, ремонт дома, крайне невыгодный*.

• **Частотность употребления единицы в ее устойчивой форме.** Устойчивые словосочетания употребляются в большом количестве речевых произведений, т.е. они частотны (СССч данное качество не присуще). Широта устойчивого частотного употребления словосочетаний может быть различной, мы имеем:

1) КССч, используемые преимущественно в текстах договоров (*договор купли-продажи, именуемый в дальнейшем, предмет договора*);

2) КССч, используемые в официально-деловой речи; при этом одни клише более активно употребляются в ситуациях правового регулирования (*третьи лица, право собственности, в судебном порядке*), другие выражают различные аспекты административного регулирования (*регистрационный учет, разрешать путем переговоров, действовать по доверенности*); третьи используются в различных ситуациях официально-делового общения (*год рождения, за свой счет, находиться по адресу*);

3) КССч, используемые в книжной речи (*нести бремя, суть дела, иметь значение*).

Формированию стереотипного характера ряда словосочетаний способствует то, что они используются в качестве заголовков как всего текста документа (*договор купли-продажи, договор на передачу, договор на продажу*), так и отдельных его рубрик (*условия Договора, Стороны Договора, подписи Сторон*), а также в составе клишированных предложений (например, в клишированном предложении *Мы, нижеподписавшиеся: ФИО, (дата) года рождения, паспорт (номер), выдан (дата, кем), зарегистрирован по (адрес), действующий по доверенности от (дата)...* выделенные словосочетания в силу постоянного употребления данного

предложения в текстах договоров приобрели стереотипный характер).

Некоторые словосочетания получают свойство клишированности в результате постоянной реализации в устойчивой форме функции организации текста, например: *именуемый в дальнейшем; с одной стороны, ..., с другой стороны, ...; Договор о нижеследующем*. В этой же функции выступают некоторые слова (чаще всего прономинализованные причастия *данный, вышеуказанный, следующий* и т.п.), которые в сочетании с неограниченным количеством знаменательных компонентов образуют СССч, например: *данная сумма, настоящий Договор, указанная квартира*.

• **Характер семантики компонентов.** Производя семантический анализ КССч, мы опираемся на процедуру сематического анализа фразеологических сочетаний Ю.А. Гвоздарева⁵, базирующуюся на трех параметрах: первичность / непервичность, конкретность / неконкретность, полноценность / неполноценность значения [Гвоздарев 1973]. Наш анализ показал, что первые два параметра обладают слабой различительной силой: компоненты и СССч, и КССч в большинстве случаев употребляются в прямом первичном / вторичном значении. При этом семантика одного / обоих компонентов приобретает специализированный характер. Ср., например, СССч *отменять предложение* (*отменять* – 1. Уничтожать, упразднять что-л. существовавшее (положение, закон и т.п.); *предложение* – 2. То, что предлагается вниманию, предложено для обсуждения, рассмотрения или исполнения) и КССч *исполнять обязанности* (*исполнять* – 1. Точно исполнять, осуществлять целиком; *обязанность* – 2. Служба, круг действий, связанных с исполнением какой-л. должности)⁶. В отдельных случаях лексико-семантический вариант может обособиться в своем специализированном употреблении, что вызывает появление

⁵ Автор использует для анализа в основном материал нейтральной или разговорной речи, официально-деловые клише в качестве примеров приводятся редко.

⁶ Толкование значений приводится по электронному Толковому словарю русского языка (<http://tolslovar.ru/i4129.html>).

омонима. Так, в КССч *установить режим* компонент *установить* в значении ‘назначить, утвердить, ввести в действие’ является омонимичным по отношению к употреблению данного слова в других значениях (‘доказать, выяснить, обнаружить’; ‘поставить, надлежащим образом смонтировать’, ‘устроить, осуществить’).

Иногда один их компонентов словосочетания может быть употреблен во вторичном переносном значении: а) метонимическом: *экземпляры Договора* (СССч) – *расторгать договор* (КССч) (*договор* – 1. Соглашение (обычно письменное), устанавливающее взаимные обязательства между государствами, учреждениями, отдельными лицами); б) метафорическом: *нести урон* (*нести* – б. *перен.* Терпеть ущерб, неприятности и т.п., страдать от чего-л.). Однако переносное значение в обоих случаях практически не ощущается из-за сильного влияния книжного, официально-делового характера окружающего контекста.

Компоненты СССч нередко обладают конкретной денотативной семантикой, представленной в а) атрибутивных словосочетаниях, включающих в свой состав относительные прилагательные (*кирпичный дом, Новосибирская область*), сложные прилагательные, образованные путем сложения числительного и существительного (*однокомнатная квартира, 12-этажный дом*), порядковые числительные (*шестой этаж*); б) глагольно-именных словосочетаниях с указанием прямого объекта (*принимать квартиру, покупать имущество*).

Нередко в СССч употребляются компоненты и с абстрактной семантикой (*содержать объем, препятствующий осознавать*). Особого внимания заслуживают примеры типа *сообщать Покупателю, принадлежать Продавцу, выдавать Сторонам*, в которых абстрактное значение компонента выражается посредством графического оформления с прописной буквы (ср. *выдавать договор – экземпляры Договора*). КССч также включают в себя компоненты как с конкретной, так и абстрактной семантикой. Первые связаны в большей степени с выражением производственно-управленческих отношений (*испытательный срок, заключать договор*), вторые – правовых и финансовых (*бремя содержания, существенное условие*).

Учет параметра полноценность / неполноценность значения позволил выделить специфическую группу клишированных глагольно-именных словосочетаний, в состав которых входит десемантизированный главный компонент: **осуществлять контроль, причинять вред, нести ответственность**. Такие словосочетания представляют единое понятие (*контролировать, вредить, отвечать*) в расчлененной форме, что способствует приданию языковой единице официального, книжного характера. В СССч также могут присутствовать десемантизированные компоненты (**являться условием, связывать с обслуживанием**), однако их функциональное предназначение иное: это либо грамматическая связка (*являться*), либо средство выражения широкого содержания (*связывать*). Такие словосочетания не подвержены процессам трансформации, сочетаемость их чрезвычайно широка – все это препятствует процессам стереотипизации.

• **Свободное / связанное употребление компонентов.**

Каждый из компонентов СССч, обладая самостоятельным, независимым значением, обладает и широкой, свободной сочетаемостью. Компоненты клише как разновидности фразеологических сочетаний обладают определенной семантической зависимостью. Степень такой зависимости и, соответственно, сочетаемостные возможности компонентов различны, на основании чего выделяются два основных типа:

1) КССч, сочетаемость компонентов которых ограничена пределами установления семантических (синонимических, антонимических) отношений между возможными сочетательными вариантами. В пределах этой группы выделяются:

а) КССч с ограниченной сочетательной способностью главного компонента (*в законодательном / судебном порядке, в устной / письменной форме, снимать с учета / ставить на учет, вторые / третьи лица*);

б) КССч с более широкой сочетаемостью, где указанные семантические отношения устанавливаются на уровне как зависимого (*суть дела / вопроса / проблемы*), так и главного компонентов (*действующий закон / правило / норма / нормативы / инструкция*), а также на уровне обоих компонентов (*заключать /*

подписывать договор / соглашение / контракт; разрешать / рассматривать / регулировать споры / разногласия / противоречия / конфликты; ущерб / урон / вред материальный / моральный);

2) КССч, сочетаемость которых ограничена предметно-тематическими рамками. Главный компонент таких словосочетаний, обладая широкой семантикой, развивает достаточно широкую и разнообразную сочетаемость, однако, тем не менее, существуют определенные предметно-тематические пределы, что является основанием для выделения подгрупп, в которых зависимый компонент обозначает:

а) различные производственные, административно-управленческие действия, отношения (*производить / осуществлять осмотр / ремонт / эксплуатацию ...; техническое / бытовое / сервисное / финансовое / кредитное ... обслуживание; страдать заболеваниями / циститом / астмой / аллергией / головными болями ...*);

б) положительный / отрицательный результат (*иметь силу / значение / воздействие, успех, авторитет, ...; достигать согласия / результата / эффекта, успеха ...; делать недействительным / неактуальным / проблемным / затруднительным ...; обнаруживать недостатки / проблемы / недостачу / изъян, брак, дефект...*);

в) значимые в правовом отношении свойства, характеристики, этапы, моменты деятельности гражданина, организации: *год рождения / смерти / бракосочетания ...; состоять в споре / под арестом / под запрещением ...; свободный от прав / от обязанностей / от обязательств....*

Таким образом, устойчивая сочетаемость компонентов словосочетания обуславливает его клишированный характер. Степень клишированности более высока в случае ограниченной сочетаемости и наличия минимального количества вариантов сочетаемости. При изменении указанного параметра в сторону увеличения степень клишированности снижается.

• **Соотнесенность словосочетания с функционально-стилевой сферой.** Большинство СССч обладают нейтральной стилистической окраской, официально-деловой стилистический оттенок они приобретают под влиянием окружающего контекста. В

КССч стилистический компонент является постоянным компонентом значения и проявляется вне зависимости от контекста.

Существенным фактором формирования клишированного характера словосочетаний является их закреплённость в терминологической или номенклатурной системе. В текстах договоров употребляются составные термины:

а) юридические (*жилая площадь, моральный вред, договор купли-продажи*);

б) документоведческие (*юридическая сила*);

в) финансово-правовые (*долевая собственность, третьи лица, недвижимое имущество*)⁷.

К группе составных терминов примыкают номенклатурные наименования: официонимы (*генеральный директор, нотариальная контора*), документонимы (*договор займа, Акт приема-передачи, договор на передачу*). Некоторые из таких словосочетаний являются членами оппозиций в различных системах обозначений: *договор купли-продажи – брачный договор, договор займа, договор о сотрудничестве; жилая площадь – общая площадь, полезная площадь; совместная собственность – долевая собственность, общая собственность*.

Отдельную группу образуют словосочетания, состоящие из компонентов терминологического характера⁸, но не зафиксированные в словарях как составные термины. При этом терминологическим характером могут обладать оба компонента (*цена_{ЮФ} договора_{ЮФДН}, Соглашение_Ю о цене_{ЮФ}, отчуждаемое (← отчуждение_{ЮФ}) имущество_{ЮФ}*), один из компонентов (*регистрировать в реестре_Д, действовать по доверенности_{ЮФДН}, кадастровый (← кадастр_Ю) номер*).

Рассмотренные клише обладают сложной стилистической окраской: с одной стороны, это средства научной речи, с другой стороны, они «обслуживают» официально-деловые отношения,

⁷ Терминологический характер приведенных КССч определялся по отраслевым терминологическим словарям.

⁸ Они обозначены соответствующими символами: Ю – юридический термин, Ф – финансовый термин, Д – документоведческий термин, Н – номенклатурная единица.

«работают» на формирование официального характера текста. Функционирование данных КССч является двухуровневым: на уровне оперативной работы с документом терминологический характер семантики таких единиц ощущается слабо, они воспринимаются как обычные официально-деловые клише; на уровне же правовой интерпретации документа терминологическая семантика становится актуальной.

Такова в нашем представлении система критериев, позволяющая выделять среди словосочетаний различных типов КССч. На следующем этапе исследования необходимо обозначить границу между КССч и некоторыми типами слов.

КЛИШИРОВАННЫЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ – РАЗЛИЧНЫЕ ТИПЫ СЛОВ

Клишированное словосочетание – полнозначное слово. Проблема разграничения устойчивого словосочетания и слова также связана с проблемой определения лингвистического статуса первых. Существует лингвистическая традиция, согласно которой целому ряду устойчивых словосочетаний (составные термины, составные бытовые названия, номенклатурные обозначения, средства предметной номинации и т.п.) придается статус слова (наиболее последовательно эта позиция представлена в работах З.Н. Левит, Г.И. Климовской и ее учеников). Однако нам более близка позиция тех исследователей, которые определяют подобного рода устойчивые словосочетания как фразеологические и относят их к фразеологическим сочетаниям (см. об этом выше).

Клишированное словосочетание – сочетание полнозначного слова с производным отыменным предлогом. Другой аспект проблемы касается определения лингвистического статуса двухкомпонентных единиц типа *в ходе заседания, по окончании срока, в результате переговоров* и т.п. А.М. Чепасова наделяет первые компоненты таких единиц в силу утраты ими знаменательности статусом отфразеологического предлога [Чепасова 2005]. В таком случае приведенные единицы необходимо рассматривать как предложно-падежные формы полнозначного слова.

Клишированное словосочетание – производный отыменной предлог. Из состава клише как словосочетаний, состоящих из знаменательных слов, выводятся и производные отыменные предлоги (*в течение, с момента, в размере*) в силу их незначительного характера.

Таким образом, мы имеем в произведениях официально-деловой речи пласт бинарных словосочетаний, обозначающих сущностные, имеющие правовое значение моменты ситуации официально-делового общения, обладающих устойчивой формой, частотностью употребления, специализированной семантикой, ограниченной в различных диапазонах сочетаемостью, книжной, официально-деловой окраской. Данные свойства позволяют квалифицировать такие словосочетания как клишированные. Клише официально-деловой речи в основной своей массе включены в состав более общего класса книжных клише, небольшая их часть обладает нейтральной стилистической окраской. Внутри данная группа подразделяется на: 1) общекнижные клише, 2) клише производственно-административного характера (официально-деловые клише) и 3) клише, связанные преимущественно с финансово-правовой и экономической сферами. Существенное место внутри последней группы занимают составные термины, номенклатурные единицы занимают промежуточное положение между второй и третьей группами.

Представленный анализ должен способствовать корректному выделению и описанию одного из наиболее «сильных» стилистических ресурсов официально-деловой речи.

ЛИТЕРАТУРА

Гвоздарев 1973 – *Гвоздарев Ю.А.* Фразеологические сочетания современного русского языка. Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та. – 104 с.

Лещак 2006 – *Лещак С.* Языковое клише: прагматика, семантика и структура аналитических номинативных неидиоматических знаков в современном русском языке. Кельце. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.ujk.edu.pl/~leszczak/jazklisze.doc> (дата обращения 16.05. 2015).

Чепасова 2005 – *Чепасова А.М.* Лексические и фразеологические предлоги современного русского языка. Челябинск: Изд-во Челяб. ун-та. – 149 с.

Олга Павловна Сологуб

БИНАРНИ КЛИШИРАНИ СЛОВОСЪЧЕТАНИЯ В ОФИЦИАЛНО-ДЕЛОВАТА РЕЧ

Резюме

Изследването е посветено на едно от най-ярките стилични средства на официално-деловата реч – бинарното клиширано словосъчетание. За източници служат писмените официално-делови текстове. Основно внимание се отделя на определението на обема на даденото понятие, а също така на описание на неговите лингвистични признаци, като се прави разграничение от думата. След обстоен анализ бинарното клиширано словосъчетание на официално-деловата реч се определя като словосъчетание, означаващо същностните, имащи правно значение моменти от ситуации на официално-деловото общуване в административната, финансово-правната и икономическата сфери. Бинарните клиширани словосъчетания в писмената делови текстове притежават устойчива форма, висока фреквентност в употребата, специализирана семантика, ограничена в различни диапазони съчетаемост, книжна, формална, официално-делова стилова окраска.

Ключови думи: официално-делова реч, свободно словосъчетание, бинарно клиширано словосъчетание, дума

Лилия Канафова Муллагалиева
БГПУ имени М. Акмуллы
Уфа, Россия

«ВАВИЛОНСКОЕ» СМЕШЕНИЕ АЛФАВИТОВ, ИЛИ КАК МЕНЯЕТСЯ ГРАФИКА РУССКОГО ЯЗЫКА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Аннотация: Статья посвящена проблеме вытеснения кириллицы латиницей в русском языке в эпоху глобализации. На материале эмпирического исследования автор размышляет о факторах алфавитных трансформаций в языке современной общественной жизни России.

Ключевые слова: кириллица, латиница, массовая культура, экономика, ономастическое пространство города, графическая стилизация, глобализация.

Liliya Kanafovna Mullagalieva,
Bashkir state pedagogical university n.a.M.Akmulla»,
Ufa, Russia

«BABYLONIAN» CONFUSION OF ALPHABETS, OR CHANGES IN GRAPHICS OF THE RUSSIAN LANGUAGE ON THE MODERN STAGE

Abstract: the Article is devoted to the problem of displacement of the Cyrillic alphabet by the Latin alphabet in the Russian language in the era of globalization. Empirical study the author reflects on the factors of alphabetical transformations in the language of modern public life in Russia.

Keywords: Cyrillic, Latin, popular culture, Economics, onomastic area of the city, graphic styling, globalization.

Прошло 1200 лет со времени рождения византийского просветителя Мефодия, одного из создателей славянского алфавита (815–885). Очевидно, что с появлением в IX веке общей славянской письменности появилась не просто система нового письма, а целое кириллическое культурное пространство. На кириллице создана уникальная русская классическая литература, этот алфавит стал своеобразным культурным маркером миллионов россиян.

Русский язык и славянская азбука, являясь важнейшим фактором этнической идентичности, в определенной мере сохраняют целостность российского народа. По мнению писателя В.Т.Чумакова: «Русский язык, русская литература, весь огромный пласт культуры, наработанный у нас на кириллице, которая перешагнула в своё второе тысячелетие, крепко цементирует 145 млн. россиян на территории России и 200 млн. русскоязычных на просторах бывшего СССР и почти во всех странах мира, где есть русские диаспоры»¹.

¹ Чумаков В.Т. Латиница: вторжение в русский язык. URL: <http://www.yomaker.ru/latinita.htm>

Однако с изменениями в общественной жизни происходят изменения и в языке, и в его алфавите. Уже в конце 20 века кириллическое пространство сократилось (некоторые бывшие республики СССР перешли на латиницу, например Узбекистан). Переход на латиницу уже несколько лет осуществляется внутри России – в Республике Татарстан, Карелии.

В других российских регионах позиции кириллицы также оказались не такими уж незыблемыми.

Алфавитные реформаторы внутри России полагают, что латиница в век глобализации и компьютеризации в большей мере отвечает требованиям прогресса и позволяет носителям языка приобщаться к ценностям цивилизованного мирового сообщества.

На фоне усиливающейся англоязычной экспансии понятий и слов латиница всё сильнее проникает в славянские языки. Наиболее заметные трансформации в системе письма произошли в динамично развивающихся и расширяющихся сферах общественной жизни России: массовой культуре (кино, музыка, средства массовой информации, спорт и др.), экономике, торговле, образовании и т.д. Интернет, англоязычный по определению, почти полностью оформлен на латинице.

Экспансия латиницы в русском языке распространяется на такие области, как технический компьютерный язык, вынужденная транслитерация в интернет-переписке, ономастикон города, а также языковая игра (каламбуры). Согласно мнению Г. Трофимовой, «взрывчатое сочетание смеховой стихии, демократизации языка, особенно в речевой интернет-коммуникации, и стремление показать свое владение английским породило новую языковую моду – умение каламбурить, включая в слова латинские буквы и слоги (например, «кRUтая игра») или обыгрывая омографичность (www.deneg.net). Этим приемом часто пользуются авторы рекламных текстов, создатели интернет-сайтов»². Иными словами, воздействие латиницы в большей степени ощутимо в изначально англоязычных высоких технологиях, глобальной паутине, ономастическом пространстве города.

² Трофимова Г. Латиница нам не страшна. URL:http://www.ng.ru/ng_exlibris/2004-07-29/6_latinita.html.

В настоящей статье мы опираемся на эмпирический материал, который содержит более 350 слов и выражений русского языка на кириллице, латинице или представляют собой комбинацию букв одновременно двух алфавитов. Эмпирическое наблюдение над фактами языковой жизни современной России позволяет нам обосновать мысль о действительных **изменениях в графике русского языка**, которые обусловлены многообразием факторов. Остановимся более подробно на таких сферах общественной жизни России, как массовая культура, экономика, строительство.

Массовая культура. Язык массовой культуры как культуры быта, развлечений и информации современного общества в последние десятилетия под влиянием англоязычной глобализации подвергся значительным трансформациям. Мы слышим английские слова и видим латиницу в названиях фильмов, именах исполнителей, музыкальных групп и направлений.

Названия российских групп «Gorky Park», «Lumen», «Peter Pan the Band», «Louna» и многих других звучат на латинице. Такой выбор объясняется тем, что эти музыкальные объединения в своем творчестве ориентируются на Запад и англоязычного слушателя. Оригинально звучит наименование рок-группы из Пскова, вокруг которого находятся самые известные пушкинские места, – «Pushking».

Ряд групп в названии сочетает кириллические и латинские буквы: «Иванушки International», «Deadушки» и т.д. Слово или морфема на кириллице (тем более самобытный суффикс -ушк-) передают национальный колорит, другая часть, на латинице, создает «прозападное» звучание. Кроме этого, название «Deadушки» позволяет создателям реализовать языковую игру: омонимичное звучание «дед-ушки» и «dead-ушки» (dead – с англ. мёртвый) дает возможность играть смыслами.

Широкую известность в России имеет ежегодный международный музыкальный фестиваль электронной музыки Республика KaZантип (мыс Казантип вблизи г. Щёлкино на побережье Азовского моря). Языковая игра авторов фестиваля звучит и в названии **Зимоффка** – это встреча энтузиастами Нового Года на территории Республики.

Сочетание кириллических и латинских букв широко встречается в названиях новых российских кинофильмов. Так, в российский прокат в 2012 году вышел фильм «Dухless» (less – отрицательная морфема со значением без-) по книге Сергея Минаева «Dухless. Повесть о ненастоящем человеке» (сейчас на экраны вышла и вторая часть фильма). По выражению Дмитрия Рудовского, продюсера фильма: «Бездуховность – один из главных недугов современного общества. Зрителям фильм может быть интересен выводами авторов картины – можно ли спастись от бездуховности?» Создатели фильма «Dухless» считают его интерпретацией «Евгения Онегина». Почему авторы книги и фильма использовали название «Dухless», а не «Бездуховный»? Название, сочетающее буквы латиницы и кириллицы, необычное, бросается в глаза, привлекает внимание, особенно молодого зрителя. Это коммерческий фильм, его задача – получить прибыль. Название на кириллице «Бездуховный», абсолютно ясное в смысловом плане («бездуховный» звучит как приговор), с коммерческой точки зрения не выигрышное. Наименование «Dухless» более политкорректно.

Экономика. Производители продуктов питания для успешного продвижения товара на рынке часто дают названия, сочетающие кириллицу и латиницу. Таковы йогурты BioБаланс, полуфабрикаты GurМама и т.д.

Изменения языка экономической сферы жизни общества наиболее ярко отражает язык уличных вывесок, рекламных слоганов и т.д. Современное нам ономастическое пространство российских городов, в частности города Уфы – поистине «вавилонское столпотворение» – смешение языков, график, алфавитов и стилей написания. В наши дни вывески, названия кафе и закусочных, магазинов и других заведений, уличная реклама, граффити на стенах домах звучат и на латинице, и на кириллице.

Чего только стоят такие причудливые и не всегда понятные названия, как «кроссфит-зал Reebok Geroy CrossFit», «чайхана Matur Lounge» и т.п. Сочетания несочетаемого? Или удачный коммерческий ход?

Апофеозом смешения алфавитов и языков можно считать название уфимского кафе «UchpochMak», где башкирское слово

«учпочмак» дано на латинице рядом с некогда французским «кафе», теперь привычно оформленном на кириллице.

В городе Уфе работает фитнес-клуб премиум-класса «PUSHKIN». Показательно, что фамилия великого русского поэта Александра Сергеевича Пушкина, чей день рождения стал Днем русского языка (Указ Президента РФ от 6 июня 2011 года № 705 «О Дне русского языка»), в названии клуба дана на латинице. Можно ли говорить о наступлении латиницы или это свидетельство деградации языкового вкуса горожан?

С другой стороны, можно наблюдать включение в написание русских слов букв, давно утраченных в результате реформ письменности. Особенно популярны Ъ (ер) и Ы (ять). Так, в уфимской рекламе читаем: «Элитный жилой комплекс «ПУШКИНЪ» расположен в культурном и историческом центре Уфы, в тихом квартале, окруженном улицами Пушкина, Аксакова, Свердлова и Гафури». Говорит ли данный пример об осознанной пропаганде кириллицы и в частности её отдельных букв? Быть может, мы имеем дело со стилизацией как намеренной имитацией художественного стиля, в данном случае графики, характерной для старой эпохи?

Наиболее известные широкой отечественной аудитории названия, в написании которых присутствует утраченная в результате реформ письменности Ъ (ер) – российская газета «Коммерсантъ», интернет-издание «Ъ-онлайн», радио «Ъ –FM». Московская рок-группа «Ва-банкъ» в своем названии также вызвала к жизни букву Ъ.

Инициаторы таких наименований указывают на то, что буква призвана напомнить о неразрывности культурной традиции – дореволюционной и сегодняшней.

Ъ (ер) играет большую роль в создании привлекательного имиджа магазинов, заведений общественного питания, СМИ. Респектабельность фирме придает звучание слова «БАРИНЪ» именно с Ъ (ер), что очевидно из рекламы: «Лидер на рынке паркета, салон «БАРИНЪ» является эксклюзивным дистрибьютором на территории республики Башкортостан известных мировых производителей деревянных напольных покрытий и сопутствующих товаров различных ценовых сегментов» (официальный сайт салона).

Буква Ъ в названиях заведений общепита г. Уфы создает имидж элитного заведения, где уважают традиции и предлагают клиентам высокое качество (ресторан «Медведев», трактирь «Сани» и т.д.). Атмосфера старины и обаяние прошлого, с которым ассоциируется нечто лучшее, чем есть сейчас, всегда располагают к себе.

Смыслоразличительную функцию Ъ (ять) подчеркивают владельцы печатного издания, заглавие и девиз которого звучат так: «Общеполитическая концептуально-аналитическая газета «МЪРА за МЕРУ» (газета Всероссийской политической партии «Курсом правды и единения»). МЪРА понимания «простого народа» России низводит МЕРУ понимания российской интеллектуальной элиты (девиз газеты)». Ъ в названии газеты подчеркивает, что авторы ориентируют свои материалы на простого человека, а не на интеллектуальную элиту.

Таким образом, использование утраченных букв кириллицы в современных текстах и названиях часто продиктовано желанием создать стилизацию под определенную историческую эпоху, социальные классы и т.д.

Всероссийская сеть быстрого питания «Заку-City» имеет логотип в виде изображения нескольких небоскребов. Изображение высоток вставлено прямо в середину названия бренда, как бы отделяя «русскую» часть слова от иностранного city («город» – англ.).

Другая тенденция в современной языковой ситуации России – написание русских слов латиницей. Таковы названия кафе «Barashki» («кафе с грузинским акцентом» – из рекламы), ресторана «Терло», салона белья «Milavitsa» (производитель Белоруссия). При этом прозрачная внутренняя форма слова Милавица (милая) актуализуется только при кириллическом написании, в родной графической оболочке. Именем Милавица древние славяне называли утреннюю звезду, символ женской красоты и чистоты. Использование владельцами латиницы в данном случае объясняется ориентированностью их бренда на международный рынок, европейских потребителей.

Латиница в названии иногда позволяет осуществить языковую игру. Наименование ресторана Beerloga читается русскоязычным

горожанином как берлога (хотя медведь по-английски bear). Видимо, ресторан предлагает пиво (beer).

Значительное число названий города Уфы – варваризмы, т.е. слова, не переведенные на русский язык и звучащие в родной фонетической форме. Это наименования «Айкрафт» (сеть оптик), «Букхантер» (книжный магазин), кафе «Бон Аппети». Такие названия органичнее выглядели бы на латинице. Как пишет М. Н. Эпштейн: «По-русски они звучат и выглядят дико, мертво, как железобетонная конструкция в березовой роще»³. Такие наименования противоречат логике русского языка, основой которого является кириллица. Поэтому в родной латинской оболочке лучше выглядело бы название ресторана «Ляби Хауз».

Названия, полностью данные на латинице, и варваризмы всё-таки не так популярны в России, как те, в которых часть слова или словосочетания дана на родной кириллице. Предприниматели осознают, что вероятнее всего привлечь клиента русским названием, ведь оно понятней, ближе и родней.

В пространстве названий г. Уфы (уличных вывесок, рекламы) можно легко обнаружить такие примеры сочетаний кириллических и латинских букв. Это названия салона цветов «Лейка Flowers», магазина-студии «ЯГОДКА PROFИ», магазина одежды «Кокетка-VIP», копицентра «Kreative», ресторана «Ogonёk», кофейни «Smile-пончики and Coffee», кинокомплекса «Искра IMAX» и т.д.

Включение латинских букв иногда продиктовано чисто коммерческими целями привлечения клиента, особенно молодежи, владеющей английским языком (бар «Зажигалка»). Яркое на уровне графики и фонетики название есть половина успеха рекламной кампании. Название для любого магазина или кафе очень важно, зачастую именно от него зависит посещаемость, а следовательно, и прибыль.

³ Эпштейн М. Русский язык в свете творческой филологии. Печатная версия статьи: «ЗНАМЯ». 2006. №1. С. 57-59. Эл. версия: <http://magazines.russ.ru/znamia/2006/1/ep13.html>.

Буква **Z** активно востребована в алфавитных экспериментах жителей российских городов: так наименование «Шеле**Z**яка» (ремонт оргтехники, магазин кронштейнов для телевизоров и др.) обнаружено нами в разных городах России (Москва, Санкт-Петербург, Уфа и др.).

Для образования новых слов продуктивно слово английское слово **O'K** (окей): так образуются языковые гибриды, например, «Потол**OK!**» (салон натяжных потолков). Немало интересных новообразований дает слово и корень **GO** (идти). Так, в Уфе работает туристическое агентство «Инди**GO**». Смысл «идти» в наименовании туристического агентства вполне уместен. Авторы названия, по всей видимости, находятся под влиянием таких позитивных ассоциаций: Индия (желанная страна), индиго (красивый яркий синий цвет), дети «индиго» как сверхталантливые, необычные дети и т.д.

Строительство. Язык названий строящихся жилых комплексов – интереснейший материал для исследователя. Таковы названия жилых комплексов города Москвы: «Лазаревское» (Life Лазоревское), «Garden Park Эдальго», «Barrin House», «Smolensky De Luxe», «Гранд-Паркъ», «Катрин Хаус», «LIFE - Сходненская», «Loft Garden», «M-House», «New Переделкино», «Корона Эйр», «СКАЙ ФОРТ», «Скай Хаус (Sky House)», «Триумф-Палас», «Примавера», «Мос-Анжелес», «ВВЦ Тауэр», «Академ-Палас», «O2XYGEN». Воистину «вавилонское» смешение алфавитов: здесь и кириллица, и латиница, и ностальгия по утраченным буквам кириллицы. Варваризмы соседствуют с английскими словами на латинице, удачна языковая игра (Мос-Анжелес по аналогии с Лос-Анжелес) – словом, невероятный языковой «коктейль». Очевидно, что для успешности продажи недвижимости большое значение имеет яркое, запоминающееся название. Иностранное слово или русское слово, данное на латинице, создает образ респектабельного, элитного жилого комплекса, где будет всё сделано для комфорта владельцев.

Город Уфа также активно застраивается, возводятся такие жилые комплексы, как «Green Park», «Place», «Art Plaza», «Arts Towers» и т.д.

Уфимцы обратили внимание на рекламу жилого комплекса «iСкий», который будет соседствовать с Кафедральным собором Рождества Богородицы (на пересечении улиц Айская и Кирова).

О степени внедрения латиницы в язык современной рекламы можно судить по следующему фрагменту рекламы жилого комплекса: «Art Plaza» представляет собой 3 дома – MUSIC HOUSE, CINEMA HOUSE, ART HOUSE, этажностью в 25 этажей, объединённых в одно целое оригинальной архитектурной концепцией».

В Уфе в ноябре 2015 года пройдет III Международный градостроительный форум «UrbanБайрам». Форум зарекомендовал себя как крупнейшая региональная площадка по обсуждению вопросов городского развития. Неожиданное сочетание латиницы и кириллицы в названии форума имеет необычное происхождение. В Башкирии приверженцы ислама ежегодно широко отмечают КУРБАН-байрам. Из слова «курбан-байрам» выпадает начальная буква, и появляется «урбан» как перевод латинского корня «urban» (городской). Латинский корень позволил авторам проекта из национального термина получить новое, оригинальное слово, при этом сохранив местный башкирский колорит.

Итак, эмпирическое наблюдение над языком современной общественной жизни позволяет резюмировать следующее.

Очевидно, что проблема сосуществования кириллицы и латиницы в ономастическом пространстве российского города есть следствие общей проблемы бытования кириллического алфавита в современном мире. Кириллический алфавит заметно потеснен латиницей – графической основой английского языка, с каждым годом всё более расширяющим свое языковое пространство. Мы привыкаем сосуществовать в двух культурных пластах – кириллице и латинице, что уже перестаем воспринимать их соседство как нечто странное.

Ситуацию в наименованиях российских городов можно смело назвать языковым Вавилоном, где смешались наречия и алфавиты: русские, татарские, башкирские, иностранные, по преимуществу английские слова и выражения; латиница и кириллица, и даже арабская вязь.

В приведенных выше примерах немало случаев графической стилизации – приёма, при котором буквам одного письма придаются черты другого (латинская кириллица).

Показательно, что ситуация в сфере российских названий отражает ситуацию в русском языке в целом. Некоторые исследователи описывают происходящие в русском языке изменения с помощью терминов «карнавализация» языка, «демократизация» языка. «Карнавализация окружающей действительности стимулировала карнавализацию языка», – пишут филологи В.Г. Костомаров, Н.Д. Бурвикова⁴. Исследователи описывают происходящее в русском языке как результат регресса в общественном бытии, и это верно. При этом полагаем, что термин «карнавализация» несколько романтизирует процессы изменений в языке. Карнавал в ономастическом пространстве российских городов есть также результат отсутствия какой-бы то ни было внятной языковой политики государства, что не может не вызывать обеспокоенность.

Убеждены, что наблюдаемые нами изменения отражают высокую роль английского языка и его графики – латиницы в мировом пространстве. Кириллица теснится латиницей не только в России, но и в других славянских странах. Некоторые страны СНГ сами перешли на латиницу. Переход на латиницу на пространстве бывшего СССР является маркером разрушения единого коммуникативного пространства русского языка на кириллической основе.

Причина расширения пространства латиницы кроется не только в успехах глобального английского языка. Русская языковая личность сама выбирает латинскую графику или кириллицу для стилизации под определенный социальный слой, эпоху. Кириллица и латиница способны создавать свой особенный колорит. Если опираться на примеры рекламы и вывесок города Уфы, то можно сделать вывод, что кириллица передает пафос традиций и классики прошлого, ориентирована на средний возраст. Латиница в названии может создать прозападный модный образ, привлечь более молодого клиента, знающего английский язык.

Пропаганда кириллицы как защита русского языка и его официальной графики способна противостоять однонаправленным

⁴ Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д. Старые мехи и молодое вино. Из наблюдений над русским словоупотреблением конца XX в. СПб., 2001. С. 7.

трансформациям в языковом пространстве планеты, где господство английского языка и его графики латиницы ставит под вопрос существование разнообразия других языков и других график.

Другой важный момент. Иногда человеку не хватает средств родного языка, например, графики родного языка, для выражения художественного замысла. Средства своего языка кажутся ему уже не такими яркими, образными. Поэтому немало примеров, когда творческий человек, вполне патриотичный по своему внутреннему складу россиянин, всё же выбирает латиницу и английский язык как средство выражения новых идей и образов.

Иное дело, если языковая личность преклоняется перед всем иностранным, полагая, что заграничное слово, чаще английское, данное на латинице, создает образ более успешной, модной, современной компании, фирмы и т.д. и является обязательной гарантией получения прибыли.

Таким образом, языковая личность своим выбором сама склоняет чашу весов в алфавитных войнах (противоборстве кириллицы и латиницы) в ту или иную сторону.

Поэтому было бы научно некорректно давать критические оценки происходящим в графике русского языка изменениям («русский язык гибнет», «наступление латиницы ставит под сомнение бытие русского языка» и т.п.) – полагаем, что при разумном подходе латиница способна обогатить систему отечественного письма новыми смыслами, разнообразием ассоциаций (языковая игра).

ЛИТЕРАТУРА:

Костомаров, Бурвикова 2001 – *Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д.* Старые мехи и молодое вино. Из наблюдений над русским словоупотреблением конца XX в. СПб.: Златоуст. – 72 с.

Трофимова 2004 – *Трофимова Г.* Латиница нам не страшна. URL: http://www.ng.ru/ng_exlibris/2004-07-29/6_latinitsa.html.

Чумаков 2006 – *Чумаков В.Т.* Латиница: вторжение в русский язык. URL: <http://www.yomaker.ru/latinitsa.htm>.

Эпштейн 2006 – *Эпштейн М.Н.* Русский язык в свете творческой филологии. Печатная версия статьи: «ЗНАМЯ». №1.–168 с. Эл. версия: URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2006/1/ep13.html>.

Лилия Канафовна Мулагалиева

**«ВАВИЛОНСКО» СМЕСВАНЕ НА АЗБУКИТЕ, ИЛИ КАК СЕ
ПРОМЕНЯ ГРАФИКАТА НА РУСКИ ЕЗИК В СЪВРЕМЕННИЯ
ЕТАП
Резюме**

В статията, изхождайки от богат емпиричен материал, авторът анализира позициите на кирилицата в съвременното езиково пространство, подробно разглежда експанзията на латиница в руски език. Задълбоченото емпирично наблюдение върху фактите, бележещи развитието на езика в съвременна Русия, позволява на автора да обоснове мисълта за действителни изменения в графиката на руски език, които са обусловени от многообразието на факторите. В статията се акцентира върху примери от такива сфери на обществения живот, като масовата култура, икономиката, строителството. Авторът обобщава, че проблемът с паралелното използване на кирилицата и латиницата в ономастичното пространство на руския град е следствие от общия проблем на съществуването на азбуката на кирилица в съвременния свят.

Ключови думи: кирилица, латиница, масова култура, икономика, ономастично пространство на града, графична стилизация, глобализация

Наталья Васильевна Соловьева

Пермский государственный национальный исследовательский университет
Пермь, Россия

**ОСЛАБЛЕНИЕ КРИТИЧНОСТИ МЫШЛЕНИЯ КАК ОДНА ИЗ
ТЕНДЕНЦИЙ СОВРЕМЕННОГО НАУЧНОГО ДИСКУРСА**

(Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РГНФ, проект 14-34-01026a1 «Активные процессы в научном стиле речи»)

Аннотация: В статье рассматривается роль критического мышления в научном познании, описываются функции критичности мышления как важнейшего качества субъекта познавательной деятельности – оценочно-проверочная, стимулирующая, корректирующая, прогнозирующая. На

материале анализа текстов научных рецензий и монографий иллюстрируется не критическое восприятие научного знания, на основании чего высказывается предположение об ослаблении критичности мышления как одной из тенденций современного научного дискурса.

Ключевые слова: критичность мышления, научный текст, оценка, идиоматичность, способы цитирования

Natalya Vasilyevna Solovyova
Perm State National Research University
Perm, Russia

EASING OF CRITICAL THINKING AS ONE OF MODERN SCIENTIFIC DISCOURSE TENDENCIES

Abstract: In the article the role of critical thinking in scientific knowledge is considered, functions of criticality thinking as the most important subject of cognitive activity quality – estimated and test, stimulating, correcting, predicting are described. The Assumption about easing of critical thinking as one of modern scientific discourse tendencies is made based on noncritical perception of scientific knowledge illustrated on analysis of scientific reviews and monographs.

Keywords: criticality of thinking; scientific text; assessment; idiomatichity; ways of citing

Критичность мышления, по мнению психологов, является одним из важнейших качеств творчески мыслящего специалиста [Емшин, Худяков 1973]. Это такое качество мышления, которое позволяет осуществлять *строгую оценку* результатов умственной деятельности, обнаруживать в них сильные и слабые стороны, доказывать истинность выдвигаемых предположений.

Как неотъемлемое свойство всякой науки критицизм «появился и стал распространенным явлением еще в V–IV веках до нашей эры» [Ракитов 1982: 61]. Действительно, никакие формы научной истины и научного прогресса невозможны без критики. Критичность к понятийному материалу, по мнению В. С. Швырева, представляет собой «не просто некую “моральную норму ученого» или признак хорошего тона в научном сообществе, а имманентный науке объективный механизм ее работы» [Швырев 1983: 51]. Критическое

мышление сопровождает всю коммуникативно-познавательную деятельность ученого и предполагает рефлексивное, оценочное отношение автора к процессам и результатам его мыслительной деятельности, а также рассмотрение спорных и слабо разработанных понятий и проблем теории с целью их дальнейшего развития. «Отсутствие критики», – как справедливо подчеркивает В. В. Ильин, – «порождает бездоказательность, разрушает возможность отстаивать истину с позиций рациональных, достаточных оснований...» [Ильин 1989: 35].

Анализ приведенных определений позволяет выделить в качестве основной *оценочно-проверочную* функцию критичности мышления. Вместе с тем понимать критичность мышления только таким образом было бы односторонне, потому что критика не предполагает только отрицание, т.е. раскрытие природы либо негативного, либо преходящего характера научного знания: «Оценочность критики означает не только способность судить и отвергать через отрицание не выдержавшие критической проверки ... явления, но еще в большей степени нацелена на выявление и утверждение позитивного» [Короченский 2003: 19–20]. Речь идет о таком важном качестве критического мышления ученого, как конструктивность: конечная цель критического мышления конструктивна. Именно конструктивная критика способствует развитию знания, поскольку неизбежно включает два момента – негативный (отрицание старого знания) и позитивный (*обоснование опровержения и предложение новых решений*).

В качестве аргумента в пользу того, что критика обладает и созидающим, творческим характером, приведем понимание термина «критика» современной философией: критика – «это особая форма разработки теории. Научная критика позитивна: она “снимает” критикуемую концепцию и формирует свою собственную. Только такая критика в состоянии не только проникнуть в “рациональное ядро» критикуемой концепции, но и увидеть еще нереализованные последней возможности, еще не решенные ею проблемы (пусть даже неверно поставленные). “Истинная критика анализирует не ответы, а вопросы». Тем самым критика обретает принципиально важную гносеологическую функцию...» [Философская энциклопедия: Эл.

ресурс]. Не случайно в науке «... провести четкую грань между критическим и творческим [мышлением – Н.С.] сложно. Можно сказать, что критическое мышление – это отправная точка для развития творческого мышления, более того, и критическое, и творческое мышление развиваются в синтезе, взаимообусловлено» [Заир-Бэк 2003]. Существуют даже определения критического творческого мышления как способности и стремления оценивать разные утверждения и делать объективные суждения на основе хорошо обоснованных доказательств, способности видеть упущения в аргументах и не поддаваться утверждениям, не имеющим достаточных оснований [Wade, Tavris 1990]. Мы придерживаемся мнения о том, что в научной деятельности требуется разумное сочетание творческого и критического мышления при ведущей роли последнего.

Кстати, в исследованиях по психологии творческого процесса критический анализ существующей информации тоже рассматривается как стимул для возникновения нового знания [Боно 1976: 72; Славин 1976: 69].

Таким образом, при понимании сущности критики подчеркивается, что критика стимулирует выдвижение новых идей (за исключением деструктивной критики), а это значит, что наряду с оценочно-проверочной функцией критичность мышления выполняет *стимулирующую функцию*.

Следующая важная функция критичности мышления, выделяемая исследователями [С. А. Король: Эл. ресурс], – *корректирующая*. Она заключается в том, что критичность мышления позволяет уточнять зону поиска новой информации, корректировать этот поиск и в результате – способствовать более быстрому решению проблемы. В качестве аргумента можно привести эксперимент. Студенты с более высоким уровнем критичности мышления среди многообразия информационных ресурсов самостоятельно находят нужную, более совершенную научную информацию для подготовки и написания исследовательских работ, тогда как студенты с низким уровнем критичности мышления не могут самостоятельно выполнить поиск нужной научной информации или выбирают информацию случайную, имеющую лишь

косвенное отношение к изучаемой проблеме. Нам кажется, что в современных условиях функционирования науки, когда отмечается ускорение роста научного знания и увеличение роста научной продукции, корректирующая функция критичности мышления очень важна. Она способствует быстрому поиску нужной информации, предохраняет научные открытия от дуближа.

И наконец, еще одна важная функция критического мышления, играющая важную роль в научно-познавательной деятельности, – это *прогнозирующая* функция (оценка на перспективу). Научное знание должно быть прогностично по своей природе, для того чтобы оно могло быть передано потомкам с целью дальнейшего развития. Преимущество научного знания – это основа его развития. Высокий уровень критичности мышления позволяет ученому предвидеть дальнейшее развитие своего творчества и отразить это «предвидение» в тексте.

Таким образом, мы рассмотрели 4 функции критичности мышления: *оценочно-проверочную* (обеспечивающую контроль познавательной деятельности относительно истинности ее результатов, проверку достоверности знаний); *стимулирующую* (отвечающую за поиск новых идей и их решений); *корректирующую* (способствующую уточнению зоны интеллектуального поиска в результате критического анализа имеющейся информации); *прогнозирующую* (связанную с предвосхищением результатов научной деятельности). Из всего вышесказанного следует, что критичность мышления играет огромную роль в научном познании, является важнейшим качеством субъекта познавательной деятельности.

Однако ряд наблюдений и проведенных автором статьи исследований позволяют ему высказать предположение об ослаблении критичности мышления как одной из тенденций современного научного (преимущественно гуманитарного) дискурса. Основания для такого предположения следующие.

1. В ходе сопоставительного анализа текстов научных рецензий 1960–1980-х гг. и 2010-х гг. на предмет выражения оценки мы отметили тенденцию *некритической оценки первоисточника*, что выразилось в снижении количества средств ее выражения, причем

преимущественно – негативной оценки. В текстах современных рецензий отдается предпочтение последовательному ознакомлению читателя с содержанием рецензируемой работы, т.е. начинает преобладать момент пересказа содержания. Тенденцию к уменьшению средств выражения «порицания» в научных рецензиях мы объясняем «информационным бумом», вызванным ускорением роста научного знания и увеличением объема научной продукции. Чтобы критически оценить, надо быть абсолютно уверенным в этой оценке, а в условиях «информационного бума», когда информации слишком много, сложно провести ее критический анализ. Тогда как, согласно П. Фейербанду, «единодушие может указывать на ослабление критичности мышления: критицизм исчезает, когда рассматривается лишь одна точка зрения» [Пол Фейербанд: Эл. ресурс]. Современная рецензия во многом становится информативным жанром, нежели критическим.

Более того, при выражении оценки начинает преобладать формализация, приводящая к унификации текстов, что приближает рецензию к пограничной области научного и официально-делового стилей; см. [Троянская 1984]. С одной стороны, это оправданно, потому что научная рецензия – это текст с жесткой содержательно-смысловой структурой, эффективность понимания которого требует стереотипности (или стандартизованности) речевого оформления. С другой стороны, рецензии не противопоказана творческая индивидуальность: «от ядерных жанров научной литературы рецензия отличается *максимальным проявлением личностного начала*, что ведет к использованию различных языковых единиц, посредством которых рецензент обнаруживает себя как субъект речи, субъект сознания, т.е. *индивидуальная языковая личность* [Курсив наш. – Н.С.]» [Котюрова 2009: 109–110]. Однако проанализированный материал (речь идет только о конструкциях, выражающих оценку) свидетельствует о том, что рецензии становятся формализованным жанром: языковые конструкции, выражающие общую оценку (типа *Данная монография, бесспорно, займет особое место среди исследований ... и сыграет большую роль в дальнейшем развитии методологии и принципов...*) нередко повторяют друг друга независимо от ветви научного знания.

Описанные наблюдения в чем-то перекликаются с выводами, сделанными Г. Г. Хазагеровым [2010] и Э. Р. Лассан [2014] на основе анализа диссертаций и авторефератов, о том, что «соблюдение формальных требований к научному тексту доминирует сегодня над обсуждением научной проблемы, и эта формализация приводит к унификации текстов» [Г. Г. Хазагеров: Эл. ресурс]. Идиоматичность рассматривается авторами как одна из черт бессодержательной научной речи. Более того, сообщается об одном научном казусе – статье, созданной американской компьютерной программой, получившей положительный отзыв рецензента и напечатанной в одном из ваковских журналов. И сама статья, и отзыв о ней представляют собой формализацию.

Широкое использование идиом свидетельствует о том, что «соискатель следит за современным состоянием науки, не отстает от жизни, следует научной моде» [Там же]. Таким образом «сознание, порождающее современный научный дискурс, через используемые средства сообщает научной элите о соблюдении им существующих установок» [Там же]. С одной стороны, если принимать во внимание только бессмысленное копирование модных научных идиом, современным научным текстам, действительно, присуща идиоматичность. С другой стороны, отказаться от этих единиц тоже невозможно, поскольку даже стереотипные единицы могут использоваться индивидуально, творчески: «... при создании текста автор либо не затрудняет себя поиском нового варианта, ограничившись наиболее устойчивым, вполне привычным для самого автора и читателя словосочетанием, либо проявляет стремление к точному выражению индивидуального оттенка мысли, к обновлению устоявшейся в употреблении речевой единицы» [Котюрова 2013: 43].

Идиоматичность в рецензии позволяет обойти анализ научной проблемы. Нам кажется, что эта «формализация» есть не что иное, как следствие ослабления действия таких функций критичности мышления, как оценочно-проверочная и корректирующая.

2. Еще одно важное наблюдение было сделано в ходе анализа современных научных текстов в жанре монографии. Наше внимание привлек тот факт, что цитаты, в которых реализуется отношение к знанию, полученному предшественниками, часто вводятся в текст без

оценки. Бесспорно, что аксиологическая функция цитаты может быть и эксплицитно выраженной, т.е. проявляться в тексте посредством аксиологических операторов (языковых средств, выражающих отношение цитирующего автора к старому знанию, актуализированному цитатой), и имплицитно выраженной (при отсутствии операторов оценки), когда сам факт выбора цитаты означает ее включенность в систему авторского сознания и предполагает позитивное отношение к высказыванию предшественника. Для нас важно показать частотность именно эксплицитно выраженной оценки используемых цитат. С этой целью мы провели количественно-качественный анализ способов введения цитат в текстах трех монографий по лингвистике. Из текста каждого автора было проанализировано по 6 тыс. словоупотреблений.

Способы введения цитат в текст мы, вслед за М. П. Котюровой [Котюрова 2001], условно разделили на 2 вида: 1) констатация ментальных действий предшественника – *написать, отметить, подчеркнуть* и др. – без проникновения в глубину его мысли и методологической оценки старого знания, это тип констатирующего цитирования (например: *Касаясь интересующего нас аспекта проблемы, И. И. Валуйцева пишет: «...» (Валуйцева 2006: 6) [Куш., с. 20–21]; 2) экспликация методологической характеристики персонифицированного предшествующего знания, зафиксированной во вводящем цитату высказывании, это теоретический подход к «старому» знанию (например: *Более детальное описание особенностей коммуникации, структуры коммуникативного акта связано с введением в теорию коммуникации понятия «коммуникативная (речевая) ситуация» (Т. В. Анисимова, И. Н. Борисова, В. Е. Гольдин, К. А. Долинин, О. Н. Дубровская, М. Н. Кожина, В. А. Салимовский и др.), определяемого как «...» (Борисова 2001: 15) [Сол., с. 38].**

Отметим, что под цитатой понимается приведенное в кавычках полностью или частично высказывание из текста с указанием на автора или источник.

Результаты проведенного исследования представлены в таблице. Как видим, в текстах всех авторов преобладает констатирующее цитирование, то есть цитирование без

методологической характеристики знания. Более того, нам встретились фрагменты текстов, в которых отмечается широкое использование цитат такого типа.

Таблица

Особенности цитирования в научных текстах

Авторы	Констатация ментальных действий (из них с оценкой)	Экспликация методологической характеристики предшествующего знания (из них с оценкой)	Всего (из них с оценкой)
Белозерова	16 (2) [3]	7 (4)	23 (6)
Кушнина	22 (5)	4 (1)	26 (6)
Сологуб	13 (2)	11 (2) [3]	24 (4)
Всего	51 (9)	22 (7)	73 (16)

Приведем примеры [констатирующий способ введения цитат подчеркнут. – Н.С.]: *Детерминационные отношения, возникающие при установлении зависимости свойств системы от влияния ее различных элементов друг на друга, а также от внешних и внутренних факторов, во многом обуславливают характер эволюционирования языка как самоорганизующейся системы. Так, например, М. Г. Шкуропацкая, исследующая процессы деривационного функционирования лексики, трактует «оязыковление внешней детерминационности» как «эффект самодетерминации лексической системы» (2004: 6–7). Сочетание детерминационного и синергетического подходов, по мнению исследователей, должно способствовать созданию полной, целостной картины языка, его функционирования. Эта мысль неоднократно подчеркивалась различными исследователями. Например, И. А. Герман и В. А. Пищальникова утверждают, что синергетический подход предоставляет большие возможности для*

создания целостной концепции языка, центральной идеей которой является положение о том, что «...» (1999: 9–10). Е.В. Пономаренко отмечает широкий функционализм синергетических исследований: «...» (2006: 25). М.Г. Шкуропацкая считает, что важным шагом на пути формирования полной детерминологической картины языка является создание такой модели, «которая...» (2004: 6). Таким образом, лингводетерминационный подход в сочетании с синергетическим позволяет представить исследуемый объект как открытую, развивающуюся, нестационарную систему, характеризующуюся установлением широких функциональных связей внешних и внутренних детерминант [Сол., с. 26–27].

На наш взгляд, «концентрация» цитат без их оценочного комментирования свидетельствует об ослаблении оценочно-проверочной и – тесно с ней связанной – стимулирующей функций критического мышления. Более того, следует отметить, что иногда приводится оценка, выраженная другими исследователями-предшественниками [количество примеров с такой оценкой в таблице дается в квадратных скобках и не суммируется с количеством примеров с оценкой, высказанной самим автором. – Н.С.], причем по контексту сложно установить, согласен ли сам автор с публикуемой оценкой [средства выражения оценки, высказанной другими исследователями, выделены полужирным курсивом. – Н.С.]. Например: *Во всех своих работах Лакофф подвергает значительной критике классическую теорию метафоры, поскольку последняя рассматривала метафору как явление языка, а не мысли... [Lakoff 1993]. Кроме того, Лакофф считает классическую теорию несостоятельной, поскольку она исключает метафорические выражения из повседневного употребления..., приводящим исследователя в тупик Лакофф считает и общепринятое определение метафоры, закрепившееся в рамках классической теории: «...».*

Не стоит вдаваться в дискуссию об истинности или ложности традиционной или современной структуры знака «метафора». Отметим достаточно высокую степень условности обеих структур... [Бел., с. 14–15].

*Согласно такой интерпретации литература, отмечают оппоненты направления, используется не только как средство нравственного воспитания («...»), но и как средство формирования экологического сознания («...»). Кроме того, они указывают на расплывчатость при определении направления и на разноречивость в терминах. Так, один из самых серьезных критиков направления Свен Беркенс говорит о необходимости избавиться от терминологической путаницы, которая вызвана синонимичным использованием терминов *environment* и *nature* [Бел., с. 26].*

Избыточную критику уже данного определения Г. Г. Хазагеров относит к «общим местам научного дискурса, с помощью которых всегда можно изыскать способы реализовать в тексте избыточные повороты мысли, не ведущие к цели исследования» и считает такую критику «поставщиком научного “спама”», потому что для дальнейшего хода мысли это безразлично, «определим ли мы объект так или эдак» [Г. Г. Хазагеров: Эл. ресурс]. По нашему мнению, в таких ситуациях очень важна позиция самого исследователя в отношении приводимой критики: принимает ли он ее полностью, частично или не соглашается с ней. Иначе критика становится избыточной.

Если рассматривать способы выражения оценки в целом, то преобладает, безусловно, позитивная оценка. Приведем примеры: Ю. М. Лотман следующим образом поясняет этот процесс: «...» (Лотман 2004: 262). Данное высказывание Ю. М. Лотмана имеет исключительно важное значение для разрабатываемой нами концепции переводческого пространства и переводческого хронотопа, что будет показано ниже [Куш., с. 26–27].

Заслугой Лакоффа является определение механизма образования подобий и соответствий, характерных для мыслительной деятельности человека во все периоды его развития. Пожалуй, это третья после Джанбатисты Вико [Вико 1940] и Романа Якобсона [Якобсон 1989] попытка определить сущность аналогий, приобретая онтологическую значимость [Бел., с. 16].

В отношении негативной оценки, следует отметить, что при выражении несогласия авторы всегда используют некатегоричную форму изложения, иллюстрирующую толерантную манеру общения:

*Исследователи подчеркивают сложный характер коммуникативных норм, детерминированный лингвистическими и экстралингвистическими факторами. Отсюда возникает проблема определения структуры коммуникативных норм, которую образуют отдельные типы норм в их взаимосвязи и взаимозависимости. Е.П. Захарова представляет эту структуру следующим образом: «...» (Захарова 2001: 178). **Опираясь на данную трактовку, считаем необходимым внести в нее некоторые коррективы** [Сол., с. 113].*

*В отличие от Лакоффа и его соратников, опирающихся на лабораторные исследования когнитивных процессов и на анализ бытовой речевой деятельности, заключения Уилрайта выведены на основе анализа поэтических произведений, предваряемого метафизической посылкой: «...»... **В принципе, ничего не имея против метафизики и метафизических посылок, отметим недостаточность данной посылки.** С одной стороны, за метафорой не всегда скрывается духовная глубина., с другой стороны, опираясь на такие метафорические и экспрессивные послылки, невозможно определить механизм процесса метафоризации [Бел., с. 15–16].*

Выражение несогласия в исследованных текстах встречается в трех случаях. Возможно потому, что вместо негативной оценки авторы предпочитают фигуру умолчания («не принимаю – значит, не упоминаю»), что также может быть проявлением толерантности по отношению к старому знанию и его носителям.

Новое знание создается только на фундаменте старого, осознанного в плане его важности для развития нового знания, и познавательная деятельность немислима без цитирования. Однако избыточно цитируемое знание без его оценки субъектом познавательной деятельности применительно к разрабатываемой концепции свидетельствует о снижении уровня критичности мышления, что в результате может привести к ослаблению и прогнозирующей функции, обеспечивающей преемственность научного знания.

Подчеркнем, что наши выводы пока еще носят предварительный характер и требуют дальнейшего подтверждения на

материале анализа текстов других наук и других временных периодов.

ЛИТЕРАТУРА

Боно 1976 – *Боно Э.* Рождение новой идеи. М.: Прогресс, 1976. – 144 с.

Емшин, Худяков 1973 – *Емшин П. С., Худяков В. Л.* Оценка качеств творческих кадров. Л.Изд-во ЛГУ, 1973. – 111 с.

Заир-Бэк 2003 – *Заир-Бэк С. И.* Критическое мышление. 2003. URL: <http://altai.fio.ru/projects/group3/potok67/site/thechnology.htm> (дата обращения: 15.10.2015).

Ильин 1989 – *Ильин В. В.* Критерии научности знания. М.: Высшая школа, 1989. – 129 с.

Король – *Король С. А.* К классификации особенностей критичности мышления. URL: <http://www.voppsy.ru/issues/1981/814/814108.htm> (дата обращения: 10.10.2015).

Короченский 2003 – *Короченский А. П.* «Пятая власть»? Медиакритика в теории и практике журналистики. Ростов-на-Дону: Международный институт филологии и журналистики, 2003. – 284 с.

Котюрова 2001 – *Котюрова М. П.* Творческая индивидуальность и цитирование // Стереотипность и творчество в тексте. Вып. 4. Пермь: Перм. гос. ун-т, 2001. С. 244–258.

Котюрова 2009 – *Котюрова М. П.* Стилистика научной речи: учебное пособие. Пермь: Перм. гос. ун-т, 2009. – 363 с.

Котюрова 2013 – *Котюрова М. П.* Речевая системность (к развитию понятия) // Стереотипность и творчество в тексте. Вып. 17. Пермь: Перм. гос. нац. иссл. ун-т, 2013. С. 27–44.

Ракитов 1982 – *Ракитов А. И.* Историческое познание: Системно-гносеологический подход. М.: Политиздат, 1982. – 303 с.

Славин 1976 – *Славин А. В.* Проблема возникновения нового знания. М.: Наука, 1976. – 292 с.

Троянская 1984 – *Троянская Е. С.* Полевая структура научного стиля и его жанровых разновидностей // Общие и частные проблемы функциональных стилей. М.: Наука, 1984. С. 16–27.

Фейербанд – *Фейербанд П.* Наука в свободном обществе. URL: <http://intelligence.arbat.name/?p=74&page=13> (дата обращения: 23.10.2015).

Философская энциклопедия – Философская энциклопедия. В 5-ти т. Под редакцией Ф. В. Константинова. М.: Советская энциклопедия. 1960–

1970. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/2565/критика (дата обращения: 23.09.2015).

Хазазеров 2010 – *Хазазеров Г. Г.* Обесмысливание научного дискурса как объективный процесс. 2010. URL: <http://www.hazager.ru/pragmatica/125-senseless.pdf> (дата обращения: 20.10.2015).

Швырев 1983 – *Швырев В. С.* Об отношении понятий рефлексивности, методологичности, теоретичности и эмпиричности при характеристике научного познания // Проблемы рефлексии в научном познании: межвуз. сб. ст. Куйбышев: КГУ, 1983. С. 50–55.

Лассан 2014 – *Лассан Э. Р.* Существует ли риторика научного дискурса? // *Stylistyka XXIII*. Opole, 2014. С. 235–243.

Wade, Tavis 1990 – *Wade C., Tavis C.* Psychology. New York: Harper and Row, 1990. – 692 p.

СПИСОК ИССЛЕДОВАННЫХ ЦИТИРУЕМЫХ ТЕКСТОВ

(с принятыми сокращениями)

Бел. – Белозерова 2010 – *Белозерова Н. Н.* Мир реальный и мир виртуальный: две экологические системы: монография. Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2010. – 252 с.

Куш. – Кушнина 2009 – *Кушнина Л. В.* Теория гармонизации: опыт когнитивного анализа переводческого пространства. Пермь: Изд-во Перм. гос. техн. ун-та, 2008. – 196 с.

Сол. – Сологуб 2008 – *Сологуб О. П.* Русский деловой текст в функционально-генетическом аспекте: монография; под ред. Н. Д. Голева. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2008. – 332 с.

Наталия Васи́лиевна Соловьова

ОТСЛАБВАНЕ НА КРИТИЧНОСТТА НА МИСЛЕНЕ КАТО ЕДНА ОТ ТЕНДЕНЦИИТЕ НА СЪВРЕМЕННИЯ НАУЧЕН ДИСКУРС

Резюме

Изследването е посветено на ролята на критичното мислене в научното познание, като се анализират начините за неговата презентация в съвременния научен (предимно хуманитарен) дискурс. Прави се задълбочена характеристика на понятието «критично мислене», като се описват неговите функции и се подчертава ролята му в развитието на научното познание. Изразена е обоснована констатация за отслабване на критичното мислене в съвременните научни рецензии и монографии,

където негативната оценка «се премълчава». Научните рецензии се стандартизират и формализират, като преобладават клишета с обща оценка, липсва индивидуален авторов стил. Налице е изразена чрез стандартни фрази «идиоматичност», която е знак на обезличаване и липса на критична научна мисъл. В научните монографии цитирането е най-често без коментар и оценка. Авторът прави справедливо предположение, че «смегчаването» на критичността в научния дискурс е набелязващата се съвременна тенденция.

Ключови думи: критичност на мисленето, научен текст, оценка, идиоматичност, начини на цитиране

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Атанаска Симеонова Методиева
Школа внеклассного обучения «Алекс академия»
София, България

ПОЧЕРК ЧААДАЕВА: НАЧАЛО КОММУНИКАТИВНОГО БУНТА

Анотация: «Философические письма» Чаадаева отражают начало коммуникативного бунта. Настроенность письма предполагает чередование волнения и депрессии. Письмо создается из разнородных фрагментов. Абзацы, связанные с целью высказывания /подлинное содержание письма/, которыми мы восхищаемся, и одновременно с этим банальные рассуждения, оформляющие повествование, у Чаадаева развиваются в стиле романтической литературы. Эпистолярное наследство Петра Чаадаева отличается высокой интеллектуальностью и логически выверенной архитектурой.

Ключевые слова: цензура, коммуникативные функции письма, философские взгляды

Atanaska Simeonova Metodieva
School of extracurricular training «Alex academy»
Sofia, Bulgaria

CHAAAEV'S WRITINGS: A BEGINNING OF THE COMMUNICATIVE REVOLT

Abstract: «Philosophical letters» of Chaadaev reflect the beginning of the communicative revolt. Analysis of the letters suggest an alternation of excitement and depression. The letter is created from disparate fragments. Paragraphs, related to the purpose of the statements / real content of the letter /, whom we admire, and at the same time the banal arguments, draws the narrative, in Chaadaev`s work develop in the style of romantic literature. Epistolary legacy of Peter Chaadaev is highly intellectual and architectonically logical.

Keywords: censorship, communicative functions of letter, philosophical views

Эпистолярное наследство Петра Чаадаева отличается высокой интеллектуальностью и продуманной архитектурой. Для России необычен дуализм Чаадаева. Осип Манделъштам написал по этому поводу: «В младенческой стране, стране полуживой материи и полумертвого духа, седая антиномия косной глыбы и организующей идеи была почти неизвестна». [Манделъштам 1993: 194 - 200]

Письма Чаадаева проясняют его воззрения на Россию. Он сам ощущает себя частью России. Во взглядах Чаадаева чувствуется устремленность к гармонии. Затруднительно разграничение его личности в отношении умственном и нравственном. При наличии пространного введения производит впечатление фрагментарная форма его философических писем, имеющая внутреннюю обоснованность. Для этих писем, по замечанию О. Манделъштама, Россия оказывается огромным страшным фоном.

Мысль Чаадаева перпендикулярна традиционной русской мысли восемнадцатого века. Запад для автора писем не означает расчистки дорог цивилизации. Он открывает Запад для себя в то время, когда в русской культуре недостает опыта эпистолярной прозы.

Философические письма Чаадаева после публикации в журнале «Телескоп» /1829/ шокируют русское общество. В первом письме выражены ожидания, связанные не с А.С.Пушкиным, а с Ф.М. Достоевским. Пишущий акцентирует внимание на печальных выводах в результате «соизмерения с Европой» / Достоевский выражает сходные мысли вне художественного текста/. Столетие спустя философ Георгий Флоровский напишет по этому поводу:

«русская историография началась с заупокойной молитвы» [Димитрова 2002: 6].

В письмах Чаадаев посредством описательности утверждает, что западноевропейские успехи в области культуры, науки, правопедения и пр. являются плодами католицизма как политической религии. Внимание Достоевского к текстам Старого и Нового Заветов приводят его к высокой оценке библейской философии. Особенно увлечен Достоевский «Книгой Йова»: «Читаю книгу Йова – она погружает меня в болезненный восторг» – сообщает писатель жене в 1875 году - «перестая читать и хожу часами по комнате, чуть не плача» [Гросман 1965: 16].

Попытаемся объяснить замеченные соответствия между письмами Чаадаева и отдельными произведениями раннего Достоевского. Во время пребывания Достоевского в пансионе Чермака русская литература переживает ряд трансформаций. После закрытия «Телескопа» закрыт и «Московский телеграф» Полевого. Чаадаев объявлен сумасшедшим, а Пушкин убит на дуэли. В эти годы появляются такие произведения, как «Капитанская дочка», «Тарас Бульба», «Ревизор», «Литературные мечтания», «Смерть поэта», «Бородино», стихотворения Алексея Кольцова и Александра Пушкина. Семья Достоевского имеет регулярный доступ к журналу «Библиотека для чтения» [Гроссман 1965: 22], в котором публикуются или подробно рецензируются романы Бальзака, Виктора Гюго, Жорж Санд. Все это способствует усилению влияния романтизма в будущих произведениях Достоевского. В первом письме Чаадаева мы сталкиваемся с преобладанием романтического плана. Во вводной части письма намечается связь с сентиментально-романтическими произведениями Достоевского «Бедные люди» и «Белые ночи». В «Дневнике писателя» открываем у Достоевского противоположную позицию по отношению к церкви. В сравнении с письмами Чаадаева «Дневник» не отличается жанровой определенностью. Он не характерен для стиля Достоевского. При отсутствии полифонии неожиданна привлекаемая экономическая тематика. «Дневник» сближается с первым письмом Чаадаева общим вопросом: «зачем-де у нас все это не так, как в Европе?» [Достоевский 2009].

Реакции тогдашнего общества на письма Чаадаева прояснятся для потомков, если иметь в виду судьбу журнала «Телескоп», который начал выходить в Москве, заместив запрещенный «Телеграф». В «Телескопе» было помещено знаменитое Первое письмо Чаадаева. «Журнал немедленно запретили, цензора уволили, главного редактора сослали в Усть-Сысольск. Публикация этого письма была одним из значительнейших событий. То был вызов, признак пробуждения: письмо разбило лед после 14 декабря» [Герцен 1960: 221-223].

Письмо прозвучало призывом к переосмыслению страданий, причиняемых русскому человеку. После оценки А.И.Герцена выходит документ, представляющий донесение графа Фикельмона, австрийского посла в Петербурге, от 7 ноября 1936 года. Документ появляется вскоре после обнародования «Философских писем» Чаадаева. Австрийский посол резюмирует послания Чаадаева: желание выяснить с исторической точки зрения причины, которые со времен Петра Великого держат русский народ в варварстве и невежестве.

Чаадаев объясняет невежество и беды России влиянием прогнившей религии и культуры Византии, – Россия не присоединилась к римской церкви, приведшей Запад к высотам культуры.

Риторические умения Чаадаева обнаружались уже в первых строках писем, но выразилось и чувство боли от сознания унижений, в которых пребывает страна. В статье «Славная смерть «Телескопа» М.И.Гилельсон приходит к выводу, что Чаадаев – философ и человек крайностей [Гилелсон 1986: 12]. Противопоставление самодержавию захватило художественное пространство [«Мертвые души»] и нехудожественные речевые типы [письма Чаадаева].

Петр Чаадаев выступает против античной культуры, порицает православие как западноевропейское, так и российское. Мечтает о духовной революции. У него заметен пиетет к пророчеству, а пророчество долгое время остается актуальной эпистолярной традицией и захватывает художественное творчество. Русский философ пытается приобщить Пушкина к своим собственным политико-философским взглядам. В письмах периода 1829 – 1831

годов он призывает поэта постичь тайну века и пережить духовный переворот. Пушкин же категорически отказывается принимать советы Чаадаева.

Великий русский поэт не разделяет взглядов Чаадаева на Марка Аврелия, на Давида и в целом на католицизм. Для нас интересно расхождение между художественным почерком Пушкина в его корреспонденциях и той реакцией, которую написанное поэтом вызывает в обществе, включительно у В.А. Жуковского. Жуковский и Пушкин решают судьбу нескольких писем Чаадаева. Духовная цензура не разрешает восхваления католицизма в печати. В конце августа 1831 года Пушкин возвращает рукопись Чаадаева. Не забудем, что речь идет о том самом Чаадаеве, которого Пушкин воспевал. Все, что порождает смыслы, может обратить нас к теме русской культуры между востоком и западом указанного периода, но об этом позднее.

История русского письма сложна, поскольку эти самые письма связаны с представлением о коммуникативных дуэлях. В ноябре 1832 года Чаадаев пытается издать на французском языке два своих философских письма [шестое и седьмое], действуя через московского издателя Семена, но не получает разрешения от цензуры.

Объем писем Чаадаева подводит к вопросу о композиции письма. Композиционные границы письма связаны с его жанровой природой - в отдельных случаях текст, формально отвечающий коммуникативным функциям письма, обретает качества художественности. Эдгар Алан По в критической студии «Поэтический принцип» отзывается о жанре поэмы: «Не существует длинной поэмы. Само выражение «длинная поэма» содержит в себе смысловое противоречие» [По 1979: 37]. Мы поддерживаем этот теоретический постулат, заменяя лишь предмет обсуждения – поэму заменяем письмом.

Не существует длинного письма – письмо нагружено конкретными коммуникативными задачами. Письмо в своей протяженности приобщается к иным жанрам – к трактату, рассказу, откровению и пр. То, что в жанре поэмы выражает волнение, в письме оказывается основным посылом – причиной его написать. Если письмо разводится в отношении содержания, а финал не

вносит новой мысли, письмо превращается в повествование. «Философические письма» Чаадаева отражают указанное замещение. Анализ в письме предполагает «чередование волнения и депрессии» [По: 1979: 38]. Письмо создается из разнородных фрагментов. Абзацы, связанные с целью высказывания / подлинное содержание письма /, которыми мы восхищаемся, и одновременно с этим банальные рассуждения, оформляющие повествование, у Чаадаева развиваются в стиле романтической литературы.

ЛИТЕРАТУРА

Гилелсон 1986 - *Гилелсон М.И.* Славната смърт на «Телескоп». Москва: Книга. – 12 с.

Гросман 1965 - *Гросман Л. Ф.М.Достоевски.* София: Народна младеж. – 16 с.

Димитрова 2002 - *Димитрова Н.* Националната руска философия. София: Фабер. – 6 с.

Достоевский 2009 - *Достоевский Ф.М.* Дневник писателя. http://az.lib.ru/d/dostoevskij_f_m/text_0470.shtml

Мандельштам 1993 - *Мандельштам О.Е.* Петр Чаадаев, Собрание сочинений в 4 т. Москва: Арт-Бизнес-Центр. – 194 – 200 с.

По 1979: *По Е.А.* Поетическият принцип. София: Наука и изкуство. – 37 с.

Герцен 1956 – *Герцен А.* Полные собранные сочинения. Т.7. Москва: Издательство Академии наук СССР. – 221 – 223 с.

Атанаска Симеонова Методиева

ПОЧЕРКЪТ НА ЧААДАЕВ: НАЧАЛО НА КОМУНИКАТИВИЯ БУНТ Резюме

Пьотър Яковлевич Чаадаев (1794 –1856) е известен руски философ и публицист. През 1829 – 1831 създава своето главно произведение – «Философски писма». Епистолярното наследство на П. Чаадаев се отличава с висока интелектуална и нравствена архитектурна архитектура. Писмото му е изградено от разнородни фрагменти. Абзаците са свързани с целта на изказване (дълбинното съдържание на писмото), което предизвиква, от една страна, възхищение, а от друга - размисли. Повествованието се развива в стила на романтическата литература.

Ключови думи: цензура, комуникативни функции на писмото, философски възгледи

Светлана Анатольевна Скуридина
Воронежский государственный
архитектурно-строительный университет
Воронеж, Россия

ОТРАЖЕНИЕ СВАДЕБНОЙ ОБРЯДНОСТИ В НЕКОТОРЫХ АНТРОПОНИМАХ У Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

Аннотация: В статье рассматриваются некоторые антропонимы, встречающиеся в произведениях Ф.М. Достоевского, с точки зрения отражения в них свадебной обрядности. Обращение писателя к свадебной символике, детерминирующей некоторые ономастические единицы, неслучайно: мифологические представления со временем превратились в константы мышления, ими пронизан язык, фразеология, народная поэзия и народные обряды. Анализ материала позволяет заключить, что Ф.М. Достоевский использовал распространенные среди русских «птичьи» фамилии, но в контексте романа, систематически включаемые в свадебную символику и предельно соотносимые в его творческой мастерской с образами героев, они становятся семантически значимыми и аллюзивно емкими.

Ключевые слова: антропоним, ономастика, Ф.М. Достоевский, свадебная символика, свадебная обрядность

Svetlana A. Skuridina
Voronezh state university
of architecture and Civil Engineering
Voronezh, Russia

WEDDING CEREMONY REFLECTION IN SOME ANTHROPONYMS OF FYODOR DOSTOEVSKY'S WORKS

Abstract: The article considers some anthroponyms found in the works of Fyodor Dostoyevsky, in terms of reflection in their wedding ceremonies. The usage of the wedding symbolism is not a coincidence, it determines some

onomastic units: mythological ideas eventually evolve into the constants of thinking, they laced language, phraseology, folk poetry and folk rituals. Material analysis leads to the conclusion that Dostoevsky used common Russian «bird's» surnames, but in the context of the novel they became semantically meaningful and allusive capacious. This is due to systematic use of wedding symbolism and extreme correlation with images of his characters.

Keywords: anthroponym, onomastics, F.M. Dostoevsky, wedding symbolism, wedding rites

Свадебный обряд – один из самых древних, он уходит своими корнями далеко в историю, имеет глубинный, сакральный смысл и значение.

Так, невеста всегда – белая лебедушка, кукушечка сыроборная, недозрелая ягодка, травинка недоспелая и так далее (круг этих образов очень широк); жених – ясный сокол, селезень, соловей, горностаюшко [Обрядовая поэзия, с.26].

Уже сватовство как один из элементов свадебного обряда обращается к птичьей символике с целью отвлечь нечистые силы от происходящего: *«Молодой гусачок ищет себе гусочку. Не затаилась ли в вашем доме гусочка? – Есть у нас гусочка, но она ещё молоденька»* [Русский свадебный обряд].

О соколе и лебедях поется в грустной песне о разлуке с милым: *«Не ясен-то сокол по горам летал, Летал-то летал, лебедей искал: Все лебедушек искал; Он нашел то, нашел на крутой горе, На всей красоте сидят, Все сидят то, сидят все белешеньки, Словно белый снежок; Что одна то одна, лебедь белая, всех поснарядливей, Поснарядливей да подогадливей. Из стада во стадо лебедь перелетывала, Письма, весточки перенашивала; Что мой-от милый в лужках гулял, Во лужках гулял. Все гулял-то гулял, лебедей искал Все лебедушек. Мне не жаль-то, не жаль самую себя...»* [Царевна Лебедь].

Вероятно, свадебная символика Ф.М.Достоевского сложилась под влиянием народных традиций и обычаев и нашла свое отражение в ономастиконе писателя.

В романе «Бесы» под фамилией *Лебядкины* выступают брат и сестра: Игнат Лебядкин и Марья Лебядкина, хотя, являясь законной женой Николая Всеволодовича, она должна бы выступать под

фамилией *Ставрогина*. Но так как этот факт скрывается героями романа, то и фамилия эта в отношении Марьи Лебядкиной не называется, а чаще используется прозвище *Хромоножка*.

Г.Г.Ермилова, рассматривая связь фамилии Хромоножки, связывает ее с образом Белой Лебеди, владеющей не живой водой и молодильными яблоками, как в одной из русской сказок, а мертвой водой [Ермилова 1998: 50]. Исследовательница указывает, что в мифологической традиции образ Лебеда воплощает два начала – смерть и жизнь, добро и зло. Хромоножка – черный лебедь. В греческой мифологии образ Лебеда тесно связан с Афродитой, Аполлоном, Зевсом, Ледой, Орфеем. Если вспомнить некоторые характерологические детали облика Хромоножки (красная роза в волосах, набеленное и нарумяненное лицо), то венерианский характер ее любви к ее князю и соколу станет прозрачным. Перемежение славянской и греческой мифологической семантики в образе героини выявляет общее в той и другой, а именно единую их языческую природу» [Ермилова 1998: 50].

На наш взгляд, взаимосвязь образа Лебеда с Афродитой, Аполлоном, Зевсом, Ледой, Орфеем нужно рассматривать в отношении брата Хромоножки, занимающегося в романе стихосложением.

По мнению Е.Лукина, «фамилия Лебядкин производится Достоевским от небесного державинского лебеда, но производится в умаляющем, приземленном смысле: это Лебядкин, а не лебедь, поэт, а не Поэт, червь, а не бог. Как будто по народной пословице: «лебедь по поднебесью, мотылек над землю, всякому свой путь». И вправду, отставной капитан отнюдь не вдохновлен необычайным лебединым парением – его поэзия порхает над землей:

И порхает звезда на коне
В хороводе других амазонок.

Порхающая звезда, порхающий мотылек, порхающая поэзия – вот предельная высота лебядкинской души, сомневающейся в Творце и пришедшей ничтожество, как полагается упомянутому таракану» [Лукин].

Штабс-капитан Лебядкин раскрывает семантику своей фамилии во время своего визита к Варваре Петровне Ставрогиной: «... я,

может быть, желал бы называться Эрнестом, а между тем принужден носить грубое имя Игната, – почему это, как вы думаете? Я желал бы называться князем де Монбаром, а между тем я только Лебядкин, от лебеда, – почему это?» [Достоевский 1972-1988: 10, 141]. Сама Хромоножка в сцене в церкви во время обедни, когда она просит поцеловать ручку у Варвары Петровны Ставрогиной, отрицает приписываемую ей фамилию ее брата: *«Вы, милая моя, госпожа Лебядкина? – Нет; я не Лебядкина. – Так, может быть, ваш брат Лебядкин? – Брат мой Лебядкин»* [Достоевский 1972-1988: 10, 125].

Сам Лебядкин во время визита к Варваре Петровне Ставрогиной, скрывая истинную фамилию своей сестры, называет ее *Марией Неизвестной*: *«О, сударыня, богаты чертоги ваши, но бедны они у Марии Неизвестной, сестры моей, урожденной Лебядкиной, но которую назовем пока Марией Неизвестной, пока, сударыня, только пока, ибо навечно не допустит сам бог!»* [Достоевский 1972-1988: 10, 139].

В девичестве героиня, действительно, носила фамилию *Лебядкина*, выступая фольклорно-песенной невестой-лебедушкой [Гура 1997: 679]. Метафоричные именованья с использованием названий птиц для характеристики женщин до сих пор актуальны как в русском, так и в других языках [Генералова 2012]. Относительно судьбы пары Хромоножки и Ставрогина интересен параллелизм с моногамной и неразлучной парой лебедей, в которой, по преданиям, если погибает один лебедь, то другой через какое-то время тоже умирает.

Интересно, что, называя Николая Ставрогина Иваном-царевичем, а его избранницу Лебядкиной, Ф.М.Достоевский отсылает нас к тексту одной известной русской народной сказки, где «по договору с Морским Царем, Иван-царевич, достигнув юношеских лет, отправляется в подводное царство; приходит на сине море и прячется за кусты. Вот прилетели двенадцать голубок (утиц, лебедушек), сбросили свои крылышки (или перышки), обернулись красными девицами и стали купаться: то были дочери Морского Царя. Иван-царевич подкрался потихоньку и взял крылышки Василисы Премудрой. Девицы искупались, разобрали крылышки и

улетели голубками; оставалась одна Василиса Премудрая. Стала она упрашивать доброго молодца возвратить ей крылышки; царевич отдает их под условием, чтобы прекрасная дева согласилась быть его невестою. В некоторых вариантах место Василисы Премудрой занимает Лебедь-птица, красная девица» [Афанасьев 1869]

Вероятно, Царевна Лебедь А.С.Пушкина из «Сказки о царе Салтане» навеяна образом Лебеди-птицы из русских народных сказок или народных былин [Ковалев 2014: 91], которые дают нам понимание лебеда как символа чистоты, девственности, а, Хромоножка, будучи женой Ставрогина, остается девушкой: рассказывая о своем якобы рожденном ребенке, она говорит: *«родила я его, а мужа не знаю»* [Достоевский 1972-1988: 10, 171].

Нужно отметить, что девичья фамилия Хромоножки является намеком на свадебную обрядность, когда невеста выступает в образе лебедушки, а жених в образе сокола, что подтверждается текстом романа: *«Я уж тем только была счастлива, все пять лет, что сокол мой где-то там, за горами, живет и летает, на солнце взирает...»* [Достоевский 1972-1988: 10, 219].

«А я-то сижу, дивлюсь: что за сова слепая подъела?» [Достоевский 1972-1988: 10, с. 219], *«Мой – ясный сокол и князь, а ты – сыч и купчишка!»* [Достоевский 1972-1988: 10, 219], *«Не может того быть, чтобы сокол филином стал. Не таков мой князь»* [Достоевский 1972-1988: 10, 218], – восклицает она, противопоставляя Ставрогина в момент их обручения Ставрогину нынешнему. Снова возникает птичья символика: ясный сокол превращается в *сыча*, олицетворяющего у всех славян скорую смерть, что отражено в пословицах, например, *Сыч хозяина выживает* [Гура 1997, с.569]. Также сыч относится к числу птиц, наделяемых демоническими свойствами (таковых у Ставрогина немало). Как известно, сыч – птица ночная, может быть, поэтому превратившийся в сыча Ставрогин совершает втайне от Петра Степановича Верховенского три важных ночных визита, в том числе и к своей законной жене. Кроме того, будучи соколом, птицей, ведущей дневной образ жизни, Николай Ставрогин мог выбрать себе в жены также дневную птицу – лебедушку, но, сыч активен ночью, поэтому Ставрогину с Лебядкиной не по пути.

Как видим, введение в текст романа «птичьей» фамилии, вероятнее, диктуется образом Хромоножки, хотя на выбор антропонима могло повлиять и занятие литературным творчеством капитана Лебядкина.

В романе «Подросток» два героя носят фамилию *Сокольский*, при этом не являясь родственниками: «... *этот князь Сокольский, богач и тайный советник, нисколько не состоял в родстве с теми московскими князьями Сокольскими (ничтожными бедняками уже несколько поколений сряду), с которыми Версиков вел свою тяжбу. Они были только однофамильцы. Тем не менее, старый князь очень ими интересовался и особенно любил одного из этих князей, так сказать их старшего в роде – одного молодого офицера*» [Достоевский 1972-1988: 13, 19]. Князь Сергей сообщает Аркадию: «... *наш род Сокольских старше, чем род князя Николая Ивановича: они – младшая линия, даже побочная, почти спорная*» [Достоевский 1972-1988: 13, 250].

В первоначальных набросках молодой князь еще именуется Голицыным, вероятно, по созвучию с фамилией *Галицкий*, под какой выступает герой повести А.В.Дружинина «Полинька Сакс» [Дружинин 1989: 41]. Кстати у Галицкого также есть однофамилец, правда, не князь Дружинин 1989: 41].

В тот момент, когда Ф.М.Достоевский решает ввести в роман сюжетную линию тяжбы Версикова и князя Сергея, антропоним *Голицын* меняется на *Сокольский*. По мнению Н.Г.Пустыгиной, анализирующей историю судебного дела кн. Воронцова, «Достоевский использует здесь простой механизм ассоциативной замены: Воронцовы – Сокольские» [Пустыгина 1985: 45].

На наш взгляд, точка зрения Н.Г.Пустыгиной верна только отчасти: ограничиться обычной ассоциативной заменой Ф.М.Достоевский смог бы только в отношении какого-либо малозначимого персонажа, под фамилией же *Сокольский* выступают сразу два героя, причем, далеко не периферийные.

Фамилия на *-ий* является одним из признаков знатности рода. Но главное, что, видимо, хотел подчеркнуть писатель – это жениховство обоих Сокольских: старый князь планирует жениться на дочери Версикова, младший, по мнению Стебелькова, мог бы тоже

стать ее мужем, но затем становится нареченным Лизаветы Макаровны Долгорукой («*Старичок, князь Сокольский, за Анной Андреевной много даст; она угодила. Тогда жених князь Сокольский мне все деньги отдаст*» [Достоевский 1972-1988: 13, 189]). Как известно, сокол – это олицетворение жениха в фольклоре: достаточно вспомнить такое распространенное обращение к возлюбленному в русских народных сказках как *Сокол мой ясный*. Мотив замужества, связанный с представлениями о соколе, прослеживается и в народных толкованиях сновидений: как отмечает А.В.Гура, «поймать сокола во сне сулит девушке замужество» [Гура 1997: 682].

В Киевской Руси князей обычно сравнивали с соколами. Правда, Сергей Петрович Сокольский – это бедный жених, он, по выражению В.И.Даля, соотносимому с сюжетом романа, «тяжбу завел – стал гол, как сокол» [Даль 1995: 4, с. 262], (сокол – железный лом). Достаточно распространенная поговорка встречается и в творчестве Ф.М.Достоевского, например, в повести «Село Степанчиково и его обитатели»: «*У меня есть сто семнадцать душ!.. Через минуту, по рекомендательному же моему письму, оказалось, что я гол, как сокол...*» [Достоевский 1972-1988: 3, 46]. В романе «Братья Карамазовы» указанная поговорка трансформируется: «*Денег я бросал много, верили, что я богат, я и сам тому верил*» [Достоевский 1972-1988: 14, 102] и «*туда [в Мокрое] добыл цыганок, шампанского, всех мужиков там шампанским перепоил, всех баб и девок, двинул тысячами. Через три дня гол, но сокол*» [Достоевский 1972-1988: 14, 109].

Подобно Мите, князь Сережа в соответствии с переосмысленной поговоркой сорит деньгами, которые берет под большие проценты: «*Князь Сережа (то есть князь Сергей Петрович, так и буду его называть) привез меня в щегольской пролетке на свою квартиру, и первым делом я удивился великолепию его квартиры. То есть не то что великолепию, но квартира эта была как у самых «порядочных людей»: высокие, большие, светлые комнаты (я видел две, остальные были притворены) и мебель – опять-таки хоть и не бог знает какой Versailles или Renaissance, но мягкая, комфортная, обильная, на самую широкую ногу; ковры, резное дерево и статуэтки. Между тем про них все говорили, что они нищие, что у*

них ровно ничего. Я мельком слышал, однако, что этот князь и везде задавал пыли, где только мог, – и здесь, и в Москве, и в прежнем полку, и в Париже, – что он даже игрок и что у него долги» [Достоевский 1972-1988: 13, 157]. Дендизм князя Сережи, жизнь на широкую ногу являются средством сословного самоутверждения героя, способом доказать свою принадлежность к более древнему роду, нежели старый князь.

Образ старшего князя Сокольского связан с образом его избранницы уже на именном уровне. По его мнению, Анна – *«это – строгое и прелестное лицо, лицо из английского кипсека. Это – прелестнейшая английская гравюра, какая только может быть...»* [Достоевский 1972-1988: 13, 255]. Возможно, что образ Анны Андреевны Версиловой соотносится с образом Анны Болейн, второй жены английского короля Генриха VIII, на родовом гербе рода которой был белый сокол. Подобно упомянутой английской королеве, Анна Андреевна готовится стать второй женой князя Сокольского. Объединяет образы двух женщин – реальной и литературной – их образованность.

Сокол – это птица, связанная с мировым деревом, приуроченная к его ветвям и вершине наряду с другими птицами (соловьем, мифическими птицами, Дивами). Таким образом, углубляется символичность фамилии.

Использование образа сокола для введения в повествование мотива жениховства является традиционным для Ф.М.Достоевского уже со времен его первого романа «Бедные люди»: «Встал я сегодня таким ясным соколом — любо-весело!» - сообщает в письме своей невесте Макар Девушкин [Достоевский 1972-1988: 1, 14]. «Угадай уж за один раз, старинушка, в каком синем небе, за какими морями-лесами сокол мой ясный живет, где, да и зорко ль, себе соколицу высматривает, да и любовно ль он ждет, крепко ль полюбит, скоро ль разлюбит, обманет иль не обманет меня?» [Достоевский 1972-1988: 1, 307], - спрашивает Хозяйка в одноименной повести, таким образом продолжая свадебную символику.

Как видим, аллюзивный фон имен, возникших в произведениях Ф.М.Достоевского под влиянием свадебной обрядности, становится дополнительным средством реализации мотивов и идей

произведений Ф.М.Достоевского в связи с достаточно легкой символической «прочитаемостью» данных антропонимов. Подобные реминисценции узнаются довольно легко, оживляя в сознании читателей народнопоэтический фон разрабатываемой темы.

ЛИТЕРАТУРА

Афанасьев 1989 - *Афанасьев А.Н.* Поэтические воззрения славян на природу в 3-х тт. – СПб., 1869.

Генералова 2015 - *Генералова Н.П.* Образ женщины в русском и немецком языках (на материале метафорических именовании) // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия «Современные лингвистические и методико-дидактические исследования». 2012. Вып. 1(17). С. 157-166

Гура 1997 - *Гура А.В.* Символика животных в славянской народной традиции. М.: Издательство «Индрик», 1997. - 912с

Даль 1995 - *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Терра, 1995.

Достоевский 1972-1988 - *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений в 30-ти тт. Т.1-30. Л.: Наука, 1972-1988.

Дружинин 1989 - *Дружинин А.В.* Полинька Сакс // Дружинин А.В. Полинька Сакс: [Повесть]; Дневник. М.: Правда, 1989. С. 23–88.

Ермилова 1998 - *Ермилова Г.Г.* Событие падения в романе Ф.М.Достоевского «Бесы» // Вопросы онтологической поэтики. Иваново, 1998. С. 39–57.

Ковалев 2014 - *Ковалев Г.Ф.* Избранное. Литературная ономастика. Воронеж: Изд.-полигр. центр «Научная книга», 2014. - 448с.

Лукин - *Лукин Е.* Философия капитана Лебядкина. – URL: <http://www.elukin.ru/lebadkin/1.htm> (дата обращения: 15.01.2014г.).

Обрядовая поэзия - Обрядовая поэзия / Сост., предисл., примеч., подгот. Текстов В.И.Жекулиной, А.Н.Розова. М.: Современник, 1989. – 735 с.

Пустыгина 1985 - *Пустыгина Н.Г.* О фамилии *Долгоруков* в романе Ф.М.Достоевского «Подросток» // Уч.записки Тартуского государственного университета, 1985. Вып. 645. Проблемы типологии русской литературы. С. 37–53.

Русский свадебный обряд. - URL: <https://ru.wikipedia.org> (дата обращения: 30.11.2015г.).

Царевна Лебедь. - URL: http://www.topic.lt/miru_mir/76721-carevna-lebed.html) (дата обращения: 30.11.2015г.).

Светлана Анатолиевна Скуридина

ОТРАЖЕНИЕ НА СВАТБЕНАТА ОБРЯДНОСТ В НЯКОИ АНТРОПОНИМИ ПРИ Ф.М.ДОСТОЕВСКИ

Резюме

Изследването е посветено на антропонимите в произведенията на Ф.М. Достоевски от гледна точка на отражението в тях на сватбената обрядност. За изобразяване на сватбената символика великият руски писател черпи от руските народни обичаи и традиции. Прави се задъбочен и обстоен анализ на алюзивните препратки в имената на литературните герои – годеника и невестата, като се изтъква техния стилистичен ефект, имащ експресивна функция.

Алюзията в ономастиката на Достоевски спомага за народността, руския поетичен фон на произведенията. Авторът убедително доказва, че чрез символичността на фамилиите на литературните герои – руски «причи» фамилии, Достоевски разкрива мотивите и идеите на своите произведения.

Ключови думи: антропоним, ономастика, Ф.М. Достоевски, сватбена символика, сватбена обрядност

ЛИНГВОКУЛТУРОЛОГИЯ

Геннадий Филиппович Ковалев
Воронежский государственный университет
Воронеж, Россия.

РУССКОЕ ОТЧЕСТВО КАК ЭТНОЯЗЫКОВАЯ КАТЕГОРИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

Аннотация: Статья посвящена проблеме особенностей функционирования отчества в современном русском языке. К сожалению, из-за мощного влияния традиций романо-германских языков русское отчество перестало употребляться в российских газетах и журналах, на радио и телевидении. Тем не менее, в обычной русской речи отчество активно употребляется, особенно в вокативной форме.

Ключевые слова: имя, фамилия, статус отчества, обращение, уважительная форма, неуважительная форма, инициалы

Gennadij Filipovich Kovalev
Voronezh State University
Voronezh, Russia

RUSSIAN PATRONYMIC AS ETHNOLINGUISTIC CATEGORY OF RUSSIAN LANGUAGE

Abstract: This article is devoted to specific functioning of Russian patronymic as anthroponymic category of Russian language. Unfortunately, due to the powerful influence of the Roman-Germanic traditions of Russian patronymic it ceased to be used in Russian newspapers and magazines, on radio and television. However, in the conventional Russian speech surname used actively, especially in the vocative form.

Keywords: name, surname, state of patronymic, appeal, respect form, unrespect form, initials

Отчество с гордостью носят среди славян только русские, да еще белорусы. Украинцы уже почти отказались от отчеств (та шо мы, москали, чи шо?), у болгар отчество есть, но только в паспорте, в обыденной речи не употребляется.

А в России повсеместно в газетах и журналах исчезло наше отчество. Спрашиваю журналистов, моих же выпускников, почему в интервью они называют меня в своих публикациях так неуважительно – без отчества? Они сказали, что таков приказ сверху (а, вроде бы, цензуру отменили!).

Аргументы к неупотреблению отчества журналисты приводят следующие: а) у других народов нет отчества, и все обходятся без него, не испытывая затруднений (будем как американцы!);

б) писать отчество – это занимать много места и времени.

Второе отбросим сразу, поскольку существует специальная письменная (не произносимая) форма указания имени-отчества – инициалы. Написав вместо неуважительно-прозападного *Владимир Путин* уважительно-русское *В.В. Путин*, журналист сбережет и газетное место, и время. Но, к сожалению, инициалы почти вышли из употребления в российских газетах.

По первому же аргументу: если у других народов нет отчества, то это не значит, что оно не нужно русскому. Имя-отчество составляет обычай, традицию русского народа, оно завещано нам предками, а ломать традиции не всегда безопасно.

В сфере же указания на 3-е лицо отчество нередко отбрасывается. В газетах и журналах читаем, по радио и телевидению слышим только имя и фамилию. Возьмем любой номер «Литературной газеты» (например, 2016, №12): «ЛГ» беседует с генеральным директором издательства «Молодая гвардия» Валентином Юркиным» (с.1); «Почетные дипломы и и медали за лучшие книги получили академик Сергей Глазьев, народный артист России Никита Михалков...» (с.23). Однако в самих статьях, заметках журналист варьирует именованья. Так, *Иван Федоров* уже может именоваться Иваном Васильевичем – чтобы избежать повторов. Думается, во всех этих случаях инициалы выглядели бы пристойнее. Что касается их малой информативности, то она не меньше, чем у имени: ведь так все равно нельзя обратиться, приходится узнавать отчество.

В результате мы получаем «двуличную» игру: во втором лице мы все делаем по-русски, а в третьем «за глаза» – по-чужому. Интересно, что в древности в славянских языках в древности не было личного местоимения 3-го лица. Нельзя было говорить о человеке «за глаза» – можно было навести на него порчу. Впоследствии личное местоимение 3-го лица сформировалось из указательных местоимений онъ, она, оно (только в Им.п.) и ³, ", ~ (во всех косвенных падежах), поэтому местоимение и получилось двукорневым в парадигме.

Какие же выводы можно сделать из сказанного? На Руси говорили: *Как вас звать-величать?* Величание по отчеству – возвеличивание с помощью демонстрации почтительного отношения к обыкновенному, «простому» человеку. Убирая отчество из именованья человека, мы снижаем специализированный элемент уважительности.

Имя известного всей стране или большой группе человека становится известным именем и начинает жить самостоятельно, вбирая социально- и национально-культурные смыслы в элементы

значения и становясь *лингвокультуремой*. Таковы именованья известных писателей, артистов, общественных деятелей и т.п.

В сознании людей здесь возможны лишь имя и фамилия: и без отчества почет и уважение велики. У нас есть *Марина Цветаева, Борис Пастернак, Леонид Утесов, Леонид Филатов, Олег Табаков, Филипп Киркоров...* При этом действует и узус, принятое употребление. Так, мы говорим *Лев Толстой* (можно было бы за пределами России употреблять и совсем без имени, но в России есть и другие писатели *Толстые* со своими именами), но все-таки *Иван Сергеевич Тургенев*. Заметна общая тенденция в СМИ, и если недавно был *Федор Иванович Тютчев*, то к его 200-летию все газеты прописали нам исключительно *Федора Тютчева*.

Показателен пример с Э.А. Рязановым. Говоря о своих учителях, он сообщает: *О! Мои учителя! Это Григорий Михайлович Козинцев, Сергей Михайлович Эйзенштейн. Об Иване Александровиче Пырьеве я уже сказал, на многое открыл он мне глаза...* И хотя у нас есть лингвокультурема, например, *Сергей Эйзенштейн*, при упоминании своего учителя Рязанов употребил имя-отчество. Имя – лингвокультурема живет в разных формах: *А.С.Пушкин, Пушкин, Александр Сергеевич Пушкин*. А вывод заключается в том, что употребление инициалов надо бы возродить, особенно при упоминании имени обычного, «простого» человека, отдавая ему дань уважения.

Ну, ладно меня, малооплачиваемого профессора, в местной прессе мои же ученики «прописывают» в своих материалах без отчества, так ведь и с крупной государственной фигурой в "Литературной газете" поступили так же: *Вячеслав Штыров, заместитель председателя Совета Федерации*. А статья его была посвящена тому, как чиновники уродуют русский язык иностранными извержениями. Более того, он тоже обратил внимание на исчезновение в прессе такого понятия, как русское отчество. Справедливо он пишет: "Языковая агрессия подмывает корни национальной культуры, меняет традиционные для нашего народа правила и ценности. Например, во многих странах, в том числе англоязычных, у человека нет отчества в привычном для нас понимании. Хоть в 10 лет он Джек, хоть в 70. А в русском языке,

обращаясь к немолодому человеку, тем более незнакомому, просто неприлично назвать его по имени без отчества. Однако именно такая, «американизированная», форма обращения утвердилась на всех российских телеканалах. Юная девушка – корреспондент, разговаривающая с кем-то в российской глубинке, или молодой паренёк – ведущий в студии обращаются к людям, которые по возрасту им годятся в родители, а то и в деды, словно к своим ровесникам: по имени. А ведь **отчество не случайно имеет один корень с Отечеством. Выбрасывается одно, теряет прочность другое.** Вот почему в той же Франции борьбу за сохранение своего языка считают борьбой за национальную независимость в широком понимании этого слова. Что вполне объяснимо: если нет самоуважения внутреннего, не будет его и внешнего" [Штыров 2013:12]. А заканчивает Вячеслав Анатольевич веским предостережением: "Сначала отказываемся от родного языка, потом – от отчества, а в конце концов – от Отечества" (Там же).

Сравните мнение Марины Цветаевой об отрицании отчества в псевдонимах: "Каждый литературный псевдоним прежде всего отказ от отчества, ибо отца не включает, исключает. Максим Горький, Андрей Белый – кто им отец?

Каждый псевдоним, подсознательно, – отказ от преемственности, потомственности, сыновности. Отказ от отца. Но не только от отца отказ, но и от святого, под защиту которого поставлен, и от веры, в которую был крещен, и от собственного младенчества, и от матери, звавшей Боря и никакого "Андрея" не знавшей, отказ от всех корней, то ли церковных, то ли кровных" [Цветаева 1991: 229].

Как вспоминала супруга М.А.Булгакова Л.Е.Белозерская, гениальный писатель не любил, когда к нему обращались только по фамилии: "В бильярдной часто сражались Булгаков и Маяковский, <...>. Думаю, что никакой особенной симпатии они друг к другу не питали, но оба держались корректно, если не считать того, что Михаил Афанасьевич терпеть не мог, когда его называли просто по фамилии, опуская имя и отчество. Он считал это неоправданной фамильярностью" [Белозерская 1988: 222– 223].

Характерно, в Древней Руси не было отчеств, и достаточно долго. Первые упоминания о появлении отчества у русских людей историки установили, когда обнаружили список русских послов. Этот список был написан примерно в 945 году. В этом документе были написанные имена и отчества. Но отчества не такие как сейчас. Они отличаются от современных. В Древней Руси использовали примерно такие отчества: Иван, сын Глеба, Василий, сын Петра и т.д.

Первые отчества на *-ич* были не совсем отчествами: Рюриковичи, Ольговичи, Ярославичи, Мономашичи и т.д. Они были более близки к родовым фамилиям типа *Романовы*. Русские былины уже дают именованья типа *Добрыня Никитич*, *Алеша Попович* и т.д.

Интересно, что на Руси использовали не только имя отца, но ещё и деда, прадеда, прапрадеда и т.д. Так величали в основном князей. И чем древнее был род князя, тем дольше звучало его полное имя-отчество, тем величественней он был. Сами князья тоже относились к этому с уважением и гордились своим родом. Так, например, киевского князя Владимира можно было назвать Владимир, сын Святослава, внук Всеволода, правнук Олега, праправнук Святослава, прапраправнук Ярослава, пращур Великого Владимира. Но, естественно это было не удобно среди людей одинакового социального положения. Вот так и получилось, что в неофициальных разговорах между знакомыми людьми и просто хорошо знакомых людей называть только отчество.

В основном отчество человека образуется из имени его родного отца, поскольку он считался главным в семье, кормильцем и защитником. Но были такие случаи, что отчества на Руси происходили и от женского имени. Например такие: Павел Настасьевич. Но такие отчества быстро вымерли и остались в прошлом. Но большое количество отчеств, происходящих от имени матери, переросли в фамилии. Такие же фамилии (от женских имен) были и в Болгарии (как правило, с суффиксом *-ин*).

Отчество не сразу приобрело тот статус, какой мы имеем сейчас в реальной русскоязычной коммуникации. Сначала отчество стало привилегией правящих классов. Крестьяне, основное население Древней Руси, а затем и России, получив святцевые имена, при совпадении имен зачастую получали дополнительный индекс в виде

прозвищ, которые, укоренившись, в более позднюю эпоху довольно системно становились основами для будущих фамилий.

До XII в. отчество встречалось в письменных источниках редко. Даже для Рюриковичей в летописях той поры чаще используется одно личное имя. С XII в. отчества уже упоминаются не только при обозначении представителей княжеских родов, но и при именовании лиц других высших сословий: «1127 г. Иванко Вячеславль, тысяцкий Туровский», «1146 год. Иван Халдеевич, воевода Киевский», «1170 год. Коснятин Хотович, воин русский» и др.

В конце XVI в. в эпоху упрочения Московского государства общеславянский патронимический формант *-ич* постепенно превратился в своеобразный социальный знак: им отмечали заслуженных или родовитых людей. Дело дошло до того, что сам Московский государь указывал, кого следует писать с *-вичем*. В то же время это не коснулось в равной степени Украины и Беларуси, где отчество можно рассматривать как руссизм.

Известен случай, когда Петр I, в 1697 г. специальным указом разрешил князю Долгорукому писаться с *-вичем*, а в 1700 г. наделил такой же милостью именитого купца Григория Строганова. В «Чинovníх росписях» только представители «особ первых пяти классов следует писать полным отчеством; лиц от шестого до восьмого классов включительно – полуотчеством, а всех остальных – без отчества, только по имени» [Карнович 1886: 37].

В эпоху Екатерины II отчества на *-ич/-ович* присуждались только тем, кто принадлежал к высшим пяти классам табели о рангах, причем присуждались только за личные заслуги. В армии это начиналось лишь от звания генерал-майора и выше. Остальные имели отчество типа *Иван Петров сын*.

А вот как показано у И.С.Тургенева в романе "Отцы и дети" отчество разночинца Евгения Базарова и его трактовка дворянином Николаем Петровичем Кирсановым при их первой встрече:

"– Душевно рад, – начал он: – и благодарен за доброе намерение посетить нас; <...> позвольте узнать ваше имя и отчество?"

– Евгений Васильев, – отвечал Базаров ленивым, но мужественным голосом <...>.

– Надеюсь, любезнейший Евгений Васильич, что вы не соскучитесь у нас, – продолжал Николай Петрович".

А вот у крестьян отчество практически не было. Правда, когда молодой крестьянин был назначен в слуги, он назывался *Тришка*, *Филька*. Сравните характерные имена слуг у А.С.Грибоедова в комедии "Горе от ума":

Эй, *Филька*, *Фомка*, ну, ловчей!

Столы для карт, мел, щеток и свечей!

Критик В.Г.Белинский в "Письме к Гоголю" (1847 г.) через форму имени показал бесчеловечную систему Российского крепостничества: "<...> она представляет собою ужасное зрелище страны, где люди торгуют людьми, не имея на это и того оправдания, каким лукаво пользуются американские плантаторы, утверждая, что негр не человек; где люди сами себя называют не именами, а кличками: Ваньками, Васьками, Стешками, Палашками <...>."

Когда же человек из прислуги состаривался, то получал в качестве имени... отчество. Таковы, например, были пушкинские *Филиппьевна* (няня Татьяны Лариной) или *Савельич* (опекун Петруши Гринева).

В соответствии со сложившейся системой именования всех русских соответствующего возраста обязательно называют по имени и отчеству. Отчество в том виде и в той традиции употребления, которая существует у нас, – индивидуальная и неповторимая особенность именно русского именования. Можно говорить даже об отчестве как этической категории русской речи.

А насколько неповторимо русское имя-отчество. Разные народы выработали с помощью личного имени разные возможности помечать уважительное отношение к другому человеку. У русских – это форма имени-отчества.

Показательно, что российские чинуши от СМИ, отвергая русское отчество, выступают нога в ногу с самыми оголтелыми русофобами – прибалтами. В Эстонии, например объявлена война русским отчествам (типа Иванович, Петрович, Владимирович...): "В республике запрещено вписывать в паспорт отчество" (Российская Газета. Неделя. 2015, 14 мая, №102, с.16).

ЛИТЕРАТУРА

Белозерская 1988 – *Белозерская Л.Е.* Страницы жизни // Воспоминания о Михаиле Булгакове. М.: Советский писатель. – 528 с.

Карнович 1886 – *Карнович Е. П.* Родовые прозвания и титулы в России. СПб.: Изд. А.С. Суворина. – 248 с.

Штыров 2013 – *Штыров В.* Отечество и отчество. Как исполняется Закон о русском языке – государственном языке Российской Федерации // Лит. газ., 2013, №42.

Цветаева – Цветаева М.И. Записные книжки и дневниковая проза. М.: Захаров. – 400 с.

Генади Филипович Ковалев

РУСКОТО БАЩИНО ИМЕ КАТО ЕТНОЕЗИКОВА КАТЕГОРИЯ НА РУСКИЯ ЕЗИК

Резюме

Изследването е посветено на особеностите на функциониране на бащиното име в съвременния руски език. Авторът констатира тревожно намаление на употребата на бащиното име в съвременния руски медиен дискурс под влияние на западните езици. Въпреки тази тенденция, статутът на бащиното име е запазен при уважителната форма на обръщението. Славянското бащино име присъства в български език, но е с по-рядка употреба, отколкото в руски език. Авторът разглежда в хронологичен план появата и развитието на бащиното име в руски език. Постепенно се затвърдява общославянският патронимичент формант *-ич*. Авторът подробно анализира употребата на бащиното име като етноезикова категория, като се позовава на литературни източници и дава интересни примери. Авторът прави справедлив извод за уникалността на руското бащино име, което може да се разглежда и като «етична категория» на руската реч, стилев признак на вежливост и речеви етикет.

Ключови думи: име, фамилия, статут на бащиното име, обръщение, уважителна форма, неуважителна форма, инициали

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

Елена Михайловна Маркова
Университет Св. Кирилла и Мефодия
Трнава, Словакия
Московский государственный областной университет
Россия

ЧТО ЗНАЧИТ ОБУЧАТЬ КОММУНИКАЦИИ В КУРСЕ РКИ

Аннотация. В статье, носящей научно-практический характер, обращается внимание на некоторые аспекты, без которых невозможна успешная коммуникация на иностранном языке: необходимость формирования иноязычной артикуляционной базы, лексических и грамматических навыков (речевых автоматизмов), работу над синтагматикой выводимых в речь лексических единиц, внимание к репродукции речевых фрагментов, развитие механизмов аудирования как оборотной стороны устной речи.

Ключевые слова: обучение речи, артикуляционная база, лексические и грамматические навыки, синтагматика слова в речевом аспекте, условно-речевые и речевые упражнения.

Elena Markova
University of Cyrila and Methoda
Trnava, Slovakia
Moscow State University
Russian

WHAT IS TO TEACH COMMUNICATION IN THE COURSE OF RUSSIAN LANGUAGE AS FOREIGN?

Abstract. In the given article bearing theoretical and practical character some aspects are considered without which a successful communication in a foreign language is impossible: the necessity to form articulatory base in a foreign language, lexical and grammatical skills (automatic in speech), the work on syntagmatics of the lexical units introduced in speech, attention to the reproduction of speech fragments, the development of mechanisms of listening

comprehension as the reverse side of oral speech.

Key words: teaching speech, articulatory base, lexical and grammatical skills, syntagmatics of the word in speech aspect, imitative and speech exercises.

Методика РКИ доби́лась много́го в плане разработки уровней РКИ и их тестового контроля, создания новых красочных учебных средств, использования новых технологий в обучении. Коньком современной методической мысли является идея о соединении в учебном процессе языка и культуры, о диалоге культур в процессе иноязычного образования. Но многие, увлечшись этой идеей и насытив учебный процесс материалом по русской культуре, вынуждены констатировать, что их учащиеся не умеют говорить. И причина этого кроется в том, что в погоне за модными методическими идеями преподаватель нередко забывает о формировании навыков как основы коммуникативных умений (о чем прекрасно в своё время писал Е. И Пассов). Диалог культур возможен только в том случае, когда студенты способны сформулировать свои мысли, а это невозможно без автоматизации языковых средств. Учащиеся, не владеющие механизмами коммуникации, с трудом могут вести диалог культур. Каковы механизмы коммуникативной деятельности человека на иностранном языке, на что необходимо обращать внимание, чтобы вывести изучаемую лексику и грамматику в речь – об этих вопросах пойдёт речь в данной статье.

Речь начинается с артикуляции, с работы органов речи, что связано со способностью правильно произносить звуки изучаемого языка в потоке речи. Поэтому речевые механизмы невозможны без работы над артикуляционной базой. Прежде чем научить говорить по-русски, необходимо научить «молчать по-русски». Как известно, русская артикуляционная база характеризуется следующими чертами: плавная подача воздуха (фраза на длинном выдохе); дорсальный уклад языка (уклад языка – положение языка в молчаливом состоянии: спинка языка поднята, язык продвинут вперёд, вся передняя часть языка упирается в зубы); «вспучивание» языка (*bunching up*); активность передней части языка; подвижность губ; широкий раствор рта.

С целью формирования русской артикуляционной базы существуют специальные упражнения: для дыхания, для языка, для

губ, которые нужно проводить систематически, т. к. процесс формирования требуемого артикуляционного уклада длительный и занимает два-три года.

Нужно помнить, что речь (а мы должны обучать речи, а не языку) является *деятельностью* и, как всякая деятельность, основана на навыках, т. е. автоматизмах, в данном случае речевых. Большую трудность вызывает в связи с этим выведение изучаемой лексического и грамматического (языкового) материала в речь. Задания типа «Составьте диалог» после изучения новой лексической или грамматической темы методически неграмотны и бессмысленны. Необходимую лексику и грамматику необходимо сначала автоматизировать, вывести «на кончик языка», чему способствует система условно-речевых упражнений. *Условно-речевые*, или *предречевые*, упражнения – это упражнения, которые формируют автоматизм употребления формы (структуры), имеют *коммуникативную задачу*, но заданную *форму* высказывания. В связи с этим важно разделять упражнения на коммуникативные и некоммуникативные. Коммуникативные упражнения апеллируют к ситуациям общения, делаются без учебника и могут быть самыми элементарными (типа: добавьте «тоже» или «и я» во фразу преподавателя). При этом преподаватель даёт установку использовать *речевой образец*, давая реплику-стимул.

Эти упражнения делаются в устной форме и представляют собой определённую систему, состоящую из следующих типов упражнений:

а) *имитативные упражнения* (смысл их – в повторении заданной преподавателем формы, учащийся ничего не изменяет, только повторяет заданный образец, но при этом выполняя коммуникативную задачу, вставляя «я тоже», или «и я»: - *Вчера ходил в музей.* - *Я тоже вчера ходил в музей.*; или выбирая один из двух вариантов в альтернативном вопросе: - *Вы ходили в театр или в музей?* – *В музей.*);

б) *подстановочные упражнения* (задача их – в замене одних лексических единиц другими в той же грамматической форме: - *Вчера я ходила в бассейн.* - *А я ходила в тренажёрный зал.*);

в) *упражнения на расширение речевого образца* (смысл их – в использовании ранее изученной лексики и грамматики в сочетании с изучаемой структурой: - *Мне нравится весна. - Мне тоже нравится весна, потому что весной длинный день и светит солнце*);

г) *трансформативные упражнения* (в этих упражнениях необходимо заменить одну, уже изученную, грамматическую форму на другую, изучаемую: - *Я люблю весну. - Мне тоже нравится весна*);

д) *репродуктивные упражнения* (это упражнения, представляющие собой переходный тип от предречевых к речевым, т. к. учащийся должен использовать изучаемую грамматическую форму, но преподавателем она не задаётся в реплике-стимуле: -*У меня болит голова. - Вам нужно принять аспирин (пойти к врачу / отдохнуть / погулять)*).

Важной для развития речи на иностранном языке является и работа над синтагматикой лексических единиц. Как известно, синтагматические связи, присущие слову, входят в характеристику его семантики. С одной стороны, семантика лексемы обуславливает её сочетаемость, а с другой – сочетаемостные свойства лексемы характеризуют её содержательную сторону. Границы лексико-семантического варианта слова определяются набором синтагм. Синтагмы (свободные, но в то же время часто повторяющиеся, закреплённые в речи сочетания слов) представляют собой некое промежуточное, переходное звено между актуальным значением языковой единицы в речи и его виртуальным значением, абстрагированным от всех возможных случаев употребления. Эту промежуточную языковую сферу, которую составляют свободные сочетания слов, А. А. Уфимцева назвала «семантически относительно актуализованными знаками» [Уфимцева 2002: 68].

С точки зрения психолингвистической синтагматический потенциал слова также важен, так как слова хранятся в нашей памяти не изолированно, а соединяясь между собой при помощи ассоциаций. Ассоциативное соединение лексем обусловлено их сочетаемостными возможностями, или семантической валентностью. Таким образом, работая над синтагматикой слова, мы не только очерчиваем его смысловую структуру, но и способствуем закреплению лексических

единиц в долговременной памяти посредством создания ассоциативных связей их с другими словами. В силу того, что наша речь имеет линейную структуру, работа над синтагматикой слова помогает вывести его в речь, подчиняя запоминание лексики умению говорить, что является первостепенной задачей при коммуникативном подходе. Особенно важной эта работа представляется при изучении русского языка как инославянского в силу наличия большого количества общих лексем с разной сочетаемостью и их семантических различий. Это позволяет быстро и эффективно закрепить различия в их семантике и предотвратить неизбежную в данном случае семантическую и синтагматическую интерференцию.

Особенно важной эта работа представляется при изучении прилагательных и глаголов в инославянской аудитории. Например, адъективные образования с суффиксом *-л-* от глагола *идти* с приставками: *пришлый, прошлый, пошлый, дошлый, ушлый* – встречаются и в русском, и в чешском языке, но если в русском почти у всех потеряна семантическая связь с глаголом движения, то в чешском она сохраняется, что хорошо видно из образуемых ими контекстов. Так, рус. *прошлый* образует сочетания: *прошлый год, в прошлый раз, прошлый урок, дело прошлое*, чеш. *prošlý* может быть в таком контексте: *člověk, prošlý světem* (буквально ‘человек, прошедший по миру’). Со адъективом *пошлый* возможны сочетания: *пошлая среда, пошлый человек, пошлый анекдот*. В чешском языке *pošlý* известно в значении ‘дохлый, издохший, околевший’ как дериват от глагола *pojít* (рус. *пойти*) ‘сдохнуть, околесть’, напр., *pošlý kůň, pošlá vlně*. Рус. *дошлый* образует сочетания *дошлый парень, дошлый студент*, чеш. *došlý* сохраняет связь с глаголом *dojít* ‘дойти’, напр., *došlá pošta*. Рус. *ушлый* – это ‘ловкий, хитрый; проныра, пройдоха’: *ушлый ребенок, ушлый парень*, чеш. *ušlý* – ‘уставший от ходьбы’ (можно сравнить с рус. *уходить* в пословице *уходили сивку крутые горки*): *ušlý stařec, ušlá babička*, а также ‘такой, который ушел’, на основе чего было образовано переносное значение ‘потерянный’: *ušlý zisk* ‘потерянная прибыль’, *ušlá mzda* ‘потерянная зарплата’.

Таким образом, работа над синтагматикой лексических единиц в целом является чрезвычайно важной и методически необходимой, т. к. способствует закреплению их в долговременной памяти благодаря созданию прочных мнемических опор, образуемых ассоциативными связями, а также выведению в речь. Подобное сопоставление синтагматики одинаковых прилагательных в двух славянских языках имеет лингвистическое значение (демонстрирует специфику лексических связей в каждом из языков); лингвокогнитивное значение (очерчивает круг значений одинаковых лексем в родном и изучаемом языках), лингвокультурное значение (показывает сходства и различия в языковых картинах мира родного и изучаемого языков, которые выявляются наложением фрагментов языковой картины мира двух языков и выделением специфических для каждого языка сегментов); и наконец, лингводидактическое значение (сгруппированный по шкале «сходства-различия», в данном случае в синтагматике, языковой материал запоминается лучше и прочнее).

Только после того как сформированы лексические и грамматические навыки употребления какого-либо речевого образца, можно переходить к речевым упражнениям с использованием изучаемой структуры. При этом продукция (создание) речи должна пройти стадию репродукции (воссоздания). Репродукция речевого высказывания может иметь опоры в виде текста (прочитанного или прослушанного), рисунков, плана, ключевых слов.

Приёмом, подготавливающим к репродукции и затем к продукции речи, является *свободный диктант*, суть которого заключается в том, что преподаватель читает текст по предложениям, делая между ними паузы, в которые учащиеся должны записывать их не дословно, а передавая общий смысл. То же самое можно делать и по абзацам, т. е. более крупным смысловым кускам текста. Этот приём помогает формированию навыков в репродукции услышанного, механизмам синонимических замен, сжатия структур.

Даже чтение может стать помощником в говорении, если использовать приём «Прочти и скажи» (предложенный М. Уэстом), суть которого в том, что учащийся читает предложение про себя, а затем, подняв голову, повторяет вслух по памяти (его ещё называют

«как диктор телевидения»). В качестве упражнений в репродукции текста с включением новых грамматических и лексических явлений можно предложить, например, разные формы пересказа. Пересказ – чрезвычайно полезное и эффективное упражнение в репродукции, позволяющее воспроизводить увиденный или услышанный текст, это хороший «мостик» для перехода к собственно говорению, к продукции речи. Вместе с тем зачастую это упражнение превращается в скучное занятие, которое не вызывает скуку и сводит его эффективность фактически к нулю. Помогают удержать внимание всей группы и сделать пересказ интересным упражнением разные его формы: а) пересказ от разных действующих лиц текста (можно даже от лица животных или гипотетических соседей, прохожих и т. п.); б) пересказ с фактическими ошибками (при этом можно дать задания двум-трём учащимся воспроизвести текст с ошибками, а остальным учащимся – эти ошибки обнаружить, что поможет концентрации их внимания на прослушивании пересказываемого); г) пересказ с придумыванием своего продолжения текста; д) «интервьюирование» одного из учащихся на основе содержания текста (что предполагает составление вопросов по тексту); е) письменный пересказ (изложение), который возможен в форме письма и др.

При обучении продуктивной речи необходимо проводить ситуативные игры (при этом непременно задавая параметры: *кто – где – зачем*), ролевые игры, например: «*Про*» и «*контра*» или «*За*» и «*против*». Пример ролевой игры «*Про*» и «*контра*» после изучения темы «*Профессии*»: группа разбивается на две подгруппы, представители первой должны высказать по 1 аргументу «за» данную профессию, представители второй – по 1 аргументу «против». Потом каждый должен рассказать об одной из профессий, её положительных и отрицательных сторонах. Можно предложить следующие профессии для обсуждения: *учитель, врач, полицейский, журналист, бизнесмен, водитель такси, менеджер, дворник, охранник* и т. п. Игра «*Интервьюеры и интервьюируемые*» происходит в виде пресс-конференции одного из членов группы, которому присваивается роль, остальные члены группы играют роль корреспондентов газет и задают разные вопросы.

Для развития навыков письменной речи в центре внимания должны быть активные в речи жанры: анкета, заявление, автобиография, поздравительная открытка, записка, СМС, письмо по интернету, рекламные объявления (куда можно включить рекламирование самых разных предметов, продуктов, лекарств, услуг и т. д.), объявления типа: *Куплю... Продам ... Сдам ... Познакомлюсь ... Ищу работу ... Требуется ... Пропала ...* и т. п.

Работая над аудированием как оборотной стороной устной речи, следует развивать все механизмы, необходимые для успешного аудирования: кратковременную память, концентрацию внимания, механизм антиципации (вероятностного прогнозирования), свёртывания и распространения структур, синонимических замен. Для развития кратковременной памяти, например, можно использовать следующие приемы: «снежный ком», уже упомянутый прием «прочти и скажи», запись слов (от 7 до 9) по памяти, диктант с однократного предъявления предложения, свободный диктант и др. Для развития механизма антиципации (вероятностного прогнозирования) и одновременно речевой реакции, которая также необходима для успешной коммуникации, можно использовать мяч, напр., при выполнении задания: «закончите предложение», «дайте словосочетание» и др.

Обобщая сказанное, можно сделать вывод о том, что обучение иностранцев коммуникации на русском языке связано с работой над артикуляционной базой, с формированием фонетических, грамматических и лексических навыков, коммуникативным характером упражнений, вниманием к синтагматическим возможностям слова. Все это является прочным фундаментом, на котором может строиться речь на иностранном языке.

ЛИТЕРАТУРА

Маркова 2014 – *Маркова Е. М.* Synergia metodických smerovani v komunikatívnej vyučbe RKI. Синергия методических направлений в коммуникативно направленном обучении РКИ // *Studia Russico-Slovaca. Ruzomberok: Verbum.* – С. 227 – 240.

Пассов 2013 – *Пассов Е. И.* Методическая система иноязычного образования как адекватное средство развития умения индивидуальности вести диалог культур. Липецк: Изд-во Липецкого пед. ун-та. – 65 с.

Уфимцева 2002 – *Уфимцева А. А.* Лексическое значение. Принцип семиологического описания лексики. М.: УРСС. – 240 с.

Елена Михайловна Маркова

КАКВО ЗНАЧИ ОБУЧЕНИЕ ПО КОМУНИКАЦИЯ В КУРСА ПО РУСКИ ЕЗИК КАТО ЧУЖД

Резюме

Статията носи научно-практичен характер, като се обръща внимание на най-важните фактори за успешна комуникация на чужд език: формиране на чуждоезична артикулационна база, лексикални и граматични навици – речеви автоматизми, работа върху упражнения по артикулиране на синтагматично ниво, успешна репродукция на речеви фрагменти, подобряване на аудирането като обратна страна на устната реч. За автоматизиране на новата лексика и граматика на чужд език са необходими условно-речеви или предречеви упражнения, формиращи автоматизъм на чуждоезиковия изказ. Авторът дефинира понятието «предречеви упражнения» и предлага тяхна класификация: имитативни, трансформационни, репродуктивни предречеви упражнения и др. Прави се задълбочен анализ на работата върху синтагматиката на лексикалните единици, конкретно изучаването на прилагателни и глаголи на руски език в славянска, не руска – чешка аудитория, като се предлагат конкретни предречеви и речеви упражнения.

Ключови думи: обучение по развитие на речта, артикулационна база, лексикални и граматични навици, синтагматика на думата в речеви аспект, условно-речеви и речеви упражнения

Нина Васильевна Баско
МГУ имени М.В. Ломоносова
Москва, Россия

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ КАК ВАЖНЫЙ ЭЛЕМЕНТ В ОБУЧЕНИИ РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ¹

Аннотация: В статье рассматривается роль историко-культурологического комментария в обучении фразеологии современного русского языка учащихся-иностранцев. Историко-культурологический комментарий обычно является факультативным компонентом словарной статьи учебного фразеологического словаря. Важность историко-культурологического комментария объясняется тем, что он проясняет, конкретизирует семантику фразеологизма, описывая ситуацию возникновения фразеологизма и образ, лежащий в основе номинации. Таким образом историко-культурологического комментарий знакомит иностранных учащихся с русской культурой: с традициями, обычаями, ментальностью и историей русского народа.

Ключевые слова: историко-культурологический комментарий, фразеологическая единица, учебный словарь, словарная статья, семантика, учащиеся-иностранцы.

Nina Vasilievna Basko
Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russia

HISTORIC-CULTURAL COMMENTARY AS AN IMPORTANT ELEMENT IN TEACHING RUSSIAN PHRASEOLOGY

Abstract. The article discusses the role of historic-cultural commentary in teaching phraseology of modern Russian language to foreign students. Historic-cultural commentary is usually an optional component of the dictionary entry in educational phraseological dictionaries. Historic and cultural comments are important because they clarify and specify the semantics of the phrase, describe situations of occurrence of the idiom as well as the image underlying the

¹ Статья подготовлена в рамках поддержанного РГНФ исследовательского проекта № 14-04-00439 «Фразеологизмы в языке современных российских СМИ (лексикографическое описание)»

described category. Thus, historic-cultural commentary acquaints foreign students with the Russian culture, its traditions, customs, mentality and history of the Russian people.

Keywords: historic-cultural comments, phraseological unit, educational dictionary, dictionary entry, semantics, foreign students

Роль фразеологических оборотов в современной русской речи (устной и письменной) заметно выросла, об этом свидетельствуют данные Национального корпуса русского языка (НКРЯ), регулярно пополняемого примерами контекстного употребления фразеологизмов в материалах современных российских СМИ и в художественных произведениях современной русской литературы. Поэтому правильное понимание информации из российской прессы, радио, телевидения, художественных произведений современных писателей становится затруднительным без знания наиболее употребительных фразеологических единиц. В то же время большинство имеющихся учебников и учебных пособий по русскому языку для иностранных учащихся основано на стилистически нейтральной, «чистой» русской лексике, далекой от живой речи носителей языка, от общения в типичных ситуациях. «В результате у иностранных учащихся образуется разрыв между теоретическими знаниями и реальной практикой общения на русском языке» [Баско 2011: 8] Объяснить значение наиболее употребительных русских фразеологизмов и ситуацию их употребления в речи, раскрыть их культурологическую ценность, показать особенности их функционирования, научить правильно употреблять фразеологизмы в речи должно, на наш взгляд, стать задачей обучения русской фразеологии иностранцев.

В процессе обучения иностранных учащихся русскому языку наряду с учебниками и учебными пособиями всё активнее используются учебные словари, которые становятся составной частью учебного процесса. Как особый жанр лингвистического описания языковых единиц учебная лексикография возникла на стыке двух дисциплин: традиционной лексикографии и методики обучения языку. В российской лингводидактике учебные словари стали предметом особого внимания ученых-лексикографов и педагогов, начиная с 70-х годов XX века. Впервые в российской

лингвистической науке определение этого научного термина сформулировал профессор Л.А.Новиков: «Учебную лексикографию по сравнению с академической можно определить в целом как лексикографию меньших форм и большей обучающей направленности. <...> Характер учебных словарей определяется рядом отличительных особенностей. Это, прежде всего, их методическая направленность и строгая ориентация на определенный этап обучения (начальный, продвинутый), цели и задачи изучения языка, национальность изучающих иностранный язык и др.» [Бархударов, Новиков 1971: 46-47] Таким образом, в отличие от словаря академического типа, учебный словарь выполняет не только справочную функцию, объясняя значение языковой единицы, но и обучающую функцию, направленную на формирование у иностранного учащегося навыка самостоятельного использования этой единицы в речи. Учебный словарь отличается от словаря академического типа принципами отбора единиц, структурой словарной статьи и содержанием её компонентов.

Говоря об учебном фразеологическом словаре, отметим, что обязательными в структуре его словарной статьи являются следующие компоненты: заголовочная единица (фразеологический оборот), его грамматическая характеристика, стилистическая характеристика фразеологизма, формула толкования и иллюстративный пример, демонстрирующий ситуацию употребления фразеологизма в речи. Факультативными компонентами словарной статьи являются историко-культурологический (этимологический) комментарий, фразеологические синонимы и антонимы заголовочной единицы.

В данной статье рассматривается роль одного из факультативных компонентов словарной статьи учебного фразеологического словаря – историко-культурологического (или этимологического) комментария – в процессе обучения иностранных учащихся русской фразеологии. Обращение к этому вопросу вызвано тем, что, на наш взгляд, роль историко-культурологического комментария при изучении русской фразеологии чрезвычайно важна, в то же время она недостаточно оценена преподавателями РКИ.

Важность историко-культурологического комментария связана с тем, что он проясняет, в значительной степени конкретизирует семантику фразеологизма (данную в дефиниции, определении), описывая ситуацию возникновения фразеологизма и образ, лежащий в основе номинации, и тем самым знакомит иностранных учащихся с национальной культурой: традициями, обычаями, ментальностью, бытом и историей русского народа. Трудности в понимании фразеологических оборотов объясняются самой лингвистической природой фразеологизмов как особых единиц языка, обладающих идиоматичным значением и являющихся носителями национально-культурной семантики, тем, что в основе фразеологизмов лежит образное восприятие действительности. Ведь в своём подавляющем большинстве фразеологизмы это – образно мотивированные словосочетания, то есть их значение мотивировано тем образом, который осознается при буквальном восприятии фразеологизмов. Это восприятие ассоциируется с каким-либо свойством, состоянием, действием, чувством, ситуацией и осознается как их подобие. Так, употребляя фразеологизм *биться как рыба об лёд*, имеющем значение «безрезультатно стараться, прилагать все усилия, чтобы выйти из бедственного материального положения», человек как бы уподобляется рыбе, которая прилагает все усилия, чтобы выжить в смертельно опасной для неё ситуации. Более глубокое понимание значения этого фразеологического оборота достигается с помощью этимологического комментария, предлагаемого учеными-фразеологами Н.М. Шанским, В.И. Зиминым, А.В. Филипповым, в котором объясняется, что при замерзании воды в мелком водоёме рыбе не хватает кислорода и она бьётся об лёд, чтобы его пробить. [Шанский, Зимин, Филиппов 1995]

В некоторых фразеологических оборотах, возникших на исконно русской почве, метафорический образ, положенный в основу фразеологизма, прозрачен, понятен, легко расшифровывается, например, *вставлять палки в колеса* «мешать, препятствовать какому-либо делу», *делать из мухи слона* «преувеличивать значение какого-либо факта, обстоятельства», *пятое колесо в телеге* «что-либо совершенно лишнее, ненужное для дела» и др. Кроме того, нельзя не заметить, что буквальное восприятие фразеологизмов является

основой для понимания значений новых фразеологических единиц, появившихся в русском языке совсем недавно, – фразеологических неологизмов: *бежать впереди паровоза* «опережать естественный ход, развитие событий», *в сухом остатке* «в итоге, в окончательном результате», *вызывать аллергию* «раздражать кого-либо своими поступками или действиями», *белый и пушистый* «идеальный, совершенный, лишенный недостатков», *разбор полётов (полёта)* «анализ сложившейся ситуации (чаще неблагоприятной) ситуации с последующими выводами», *раскачивать лодку* «нарушать стабильность, существующее равновесие в обществе», *сидеть на нефтяной игле* «находиться в зависимости от нефтяных доходов в государственный бюджет» и других. Ведь в своём первоначальном образовании все фразеологические единицы являются мотивированными: образы, лежащие в основе их семантики понятны современникам.

Но, как правило, со временем фразеологизмы утрачивают в своей семантической структуре те признаки значения, которые были непосредственно связаны с образованием фразеологизма. Многие фразеологические обороты претерпели значительные изменения в значении, прошли длительный путь становления абстрактного значения. В большинстве фразеологизмов мотивировка их значения не ясна, исходный образ стирается, их содержание становится непонятным новому поколению носителей русского языка и, конечно, иностранным учащимся. Более того, фразеологизмы, утратившие мотивированность, по своему содержанию могут представлять собой для иностранцев что-то совершенно странное, непонятное, абсурдное (*у чёрта на куличках, семь пятниц на неделе*) или содержать реалии прошлых веков (*семи пядей во лбу, мерить на свой аршин*), что, безусловно, требует пояснений преподавателя в процессе обучения русской фразеологии. В таких случаях историко-культурологический комментарий оказывается ключом к пониманию метафоры, лежащей в основе фразеологизма. Например, возникновение фразеологизма *седьмая вода на киселе*, который означает шутовское название «очень дальнего родственника, дальнюю родню», связано с сельским бытом, с изготовлением киселя в русской деревне. Он готовился из смолотого овса, мука которого

несколько раз промывалась. Естественно, «седьмая» вода содержала очень мало крахмала – «кисельного» вещества. [Шанский, Зимин, Филиппов 1995]

Приведем другой яркий пример – употребительный в наше время фразеологический оборот *попасть впросак*, семантика которого всегда вызывает вопросы у иностранных учащихся. История появления фразеологического оборота *попасть впросак*, имеющего значение «по своей оплошности оказаться в неловком, неудобном, неприятном, затруднительном положении» такова. Существовал станок, скручивающий веревки, который назывался – просак; работавшие на станке часто попадали в него одеждой, платьем; такая ситуация по ассоциации и дала возможность назвать выражением *попасть впросак* уже любое неловкое, затруднительное положение. [Мелерович, Мокиенко 1997].

Ученые отмечают, что, даже когда во фразеологических оборотах метафорический образ стирается, значение фразеологизма может как бы намекать на мотивированность. На эту особенность фразеологических оборотов вслед за академиком В.В. Виноградовым обращает внимание профессор В.И. Зимин. Он пишет: «Важно отметить, что и многие давно известные фразеологизмы русского языка содержат определённую смысловую мотивировку, или, по меткому замечанию академика В.В. Виноградова, «глухой намек на мотивировку общего значения» и «легко расшифровываются как переносные выражения». Ср.: *как собаке пятая нога, заметить следы, пятое колесо в телеге, держать порох сухим, шито белыми нитками* и др. Таким образом, мотивировка проявляется одновременно в синхронии и диахронии, как бы показывая путь формирования фразеологической единицы». [Зимин 1997: 238]

В процессе изучения фразеологии современного русского языка студентами-иностранцами историко-культурологический комментарий проясняет семантику не только исконно русских фразеологических единиц, но и иноязычных фразеологизмов, заимствованных русским языком. Например, ставший популярным в наше время иноязычный фразеологический оборот *отмывать деньги* (калька с английского *money laundering*) имеет значение «легализовать денежные средства, полученные преступным путём,

для того чтобы иметь возможность пользоваться этими средствами открыто и публично». Но почему «отмывать деньги»? Оказывается, возникновение этого образного выражения связано с преступной деятельностью американского гангстера Аль Капоне в 1920 – 1930-х годах на территории Чикаго. История такова: так как Аль Капоне трудно было тратить полученные преступным путём деньги под пристальным вниманием спецслужб, американская мафия создала огромную сеть автоматических прачечных с очень низкими ценами для легализации наличных денег. Было трудно проследить действительное количество клиентов, поэтому доходы можно было писать практически любые. Отсюда пошло популярное выражение «отмывать деньги». Заметим, что по этой же причине в США и в наше время многие предпочитают стирать бельё не дома, а в прачечных, так как их в стране огромное количество, а цены на услуги совсем невысокие.

Причина сохранения мотивированности фразеологических оборотов (или «намека на мотивированность», по академику В.В. Виноградову) кроется в том, что «источником фразеологизмов являются такие сочетания слов, в которых отражены самые разнообразные стороны жизни народа – носителя языка, в основном – его обиходно-бытовой опыт. Эти сочетания называют характерные, типовые, часто встречающиеся или, наоборот, парадоксальные ситуации. Они отражают разнообразные виды трудовой деятельности (*засучив рукава, до седьмого пота, тянуть лямку*), симптомы чувств (*вешать нос, с тяжёлым сердцем, отлегло от сердца*), исторические события (*Мамаево побоище, Как швед под Полтавой*), наблюдения над животными и природой (*поджечь хвост, выйти сухим из воды*), обычаи, гаданья (*перемывать косточки, на седьмом небе, гадать на кофейной гуще*). Фразеологизмы хранят историческую память о прошлом народа вплоть до его общеславянских корней». [Телия 1995: 12]

Нередко у ученых возникают разные версии, разные трактовки происхождения того или иного фразеологического оборота, и тогда в словарях появляются разные варианты историко-культурологического комментария о возникновении одного и того же фразеологизма. Например, анализируя происхождение

фразеологизма *вешать всех собак* на кого-либо, означающего «несправедливо обвинять, порочить кого-либо» ученые-фразеологи Н.М. Шанский, В.И. Зимин, А.В. Филиппов считают, что это выражение связано с диалектным словом *собака* в значении «репей». По мнению этих исследователей, существовало поверье, что вешать на человека репей, предварительно «заколдовав» его, значит насылать на этого человека зло, несчастье. [Шанский, Зимин, Филиппов 1995] Исследователи же А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова считают, что происхождение этого выражения связано со средневековым обычаем наказывать знатных людей, если они совершили проступок, порочащий их честь. Согласно старинному обычаю, провинившемуся рыцарю вешали на спину настоящую собаку, и он должен был бежать с ней определённый отрезок пути. [Бирих, Мокиенко, Степанова 2005]

Многолетний опыт работы на фразеологическом семинаре с иностранными студентами с использованием как специального учебного пособия по русской фразеологии, так и учебного фразеологического словаря показывает, что иностранцы, как правило, стремятся буквально понять тот первоначальный образ, который был положен в основу фразеологической единицы, хотя и доискусываются до мотивировки значения фразеологизма. И здесь следует признать, что историко-культурологический комментарий, содержащийся в учебных фразеологических словарях и являющийся плодом серьезного научного исследования ученых-этимологов, оказывает в этом неопределимую помощь: он проясняет, конкретизирует семантику фразеологизма и способствует осознанному, более глубокому усвоению фразеологических оборотов русского языка иностранными учащимися, обогащает их знаниями о русской культуре, истории, о национальном характере русских.

ЛИТЕРАТУРА

- Бархударов, Новиков 1971 – *Бархударов С.Г. Новиков Л.А.* Каким должен быть учебный словарь? // *Русский язык за рубежом.* № 3. – С. 46 – 50.
- Баско 2011 – *Баско Н.В.* Русские фразеологизмы в ситуациях. Учебное пособие по русской фразеологии и развитию речи. – Москва.: Русский язык. Курсы. – 160 с.

Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова 2005 – *Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И.* Русская фразеология: Историко-этимологический словарь // Под ред. В.М. Мокиенко. 3-е изд., испр. и доп. – Москва: Астрель: АСТ. – 928 с.

Зимин 1977 – *Зимин В.И.* О важном компоненте словарной статьи учебного фразеологического словаря. // В сб. Актуальные проблемы учебной лексикографии. Сост. Редькин В.А.. – Москва: Русский язык. – С. 237 – 244.

Мелерович., Мокиенко 1997 – *Мелерович А.М., Мокиенко В.М.* Фразеологизмы в русской речи. Словарь. – Москва: Русские словари. – 864 с.

Телия 1995 – *Телия В.Н.* Основные значения идиом как единиц фразеологического состава языка /Словарь образных выражений русского языка / Под ред. В.Н. Телия. – Москва: Отечество. – 368 с.

Шанский, Зимин, Филиппов 1995 – *Шанский Н.М., Зимин В.И., Филиппов А.В.* Школьный фразеологический словарь русского языка. 5 – 11 классы. – Москва: Издательский дом «Дрофа». – 196 с.

Нина Василиевна Баско

ИСТОРИКО-КУЛТУРОЛОГИЧЕСКИЯТ КОМЕНТАР КАТО ВАЖЕН ЕЛЕМЕНТ В ОБУЧЕНИЕТО ПО РУСКА ФРАЗЕОЛОГИЯ

Резюме

Изследването е посветено на ролята на историко-културологическия коментар в обучението по фразеология на обучаеми-чужденци. Изтъква се значимостта на този коментар, носещ важна информация за руската култура. Авторът анализира използването на учебни фразеологични речници в учебния процес, като подчертава тяхната роля в изграждането на межкултурна компетентност. Подбрани са ярки примери, като се прави сравнение и съпоставка с други езици, в частност с английски език. Базирайки се на признати авторитети сред учените-фразеолози, авторът подчертава ролята на фразеологизмите като носители на народната памет, имаща общославянски корени. Авторът убедително подчертава необходимостта от включване на историко-културологическия коментар – компонент в речниковата статия в учебните речници по фразеология – в учебния процес на преподаване на руски език като чужд.

Ключови думи: историко-културологически коментар, фразеологична единица, учебен речник, речникова статия, семантика, обучаеми-чужденци

ВОПРОСЫ ПЕРЕВОДА

Людмила Вениаминовна Кушнина

Елена Вадимовна Аликина

Любовь Кимовна Гейхман

Пермский национальный исследовательский политехнический университет
Пермь, Россия

ФОРМИРОВАНИЕ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ КОМПЕТЕНЦИЙ В СВЕТЕ КОНЦЕПЦИИ ПЕРЕВОДЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Аннотация: В статье обосновывается целесообразность лингводидактического освещения проблемы языковой личности переводчика. Предметом исследования являются профессиональные переводческие компетенции, формирование которых находится в непосредственной связи с динамикой переводческого пространства, представляющего собой синергетическую модель перевода. Целью исследования является описание гетерогенных смысловых полей переводческого пространства, а также операций и действий переводчика, которые лежат в основе определенных переводческих компетенций. Ведущим методом исследования выступает моделирование перевода. Новизна заключается в установлении корреляции между лингвопереводческими и дидактическими составляющими процесса перевода. Исследование убеждает, что освоение переводческого пространства приводит переводчика к достижению качественного, гармоничного перевода, который становится фактом другого языка и другой культуры.

Ключевые слова: переводческое пространство, переводческие компетенции, языковая личность переводчика, гармония, синергия, смысл, текст, межъязыковая и межкультурная динамика

Ludmila Veniaminovna Kushnina

Elena Vadimovna Alikina

Lubov Kimovna Geykhman

Perm National Research Polytechnic University
Perm, Russia

FORMATION OF TRANSLATION COMPETENCES FROM THE PERSPECTIVE OF TRANSLATION SPACE CONCEPTION

Abstract: The article focuses on didactic approach to the problem of the language personality of a translator. Development of professional translation competences is closely connected with the dynamics of the translation space, that is, a synergetic model of translation and it is the subject of the study. The purpose of the research is to describe the heterogeneous semantic fields of translation space, as well as operations and actions of the translator, which form the basis of specific translation competence. The leading method of study is the modeling of the translation. Scientific novelty of the research is to establish correlation between lingvo- translation and didactic components of the translation process. The study argues that the development of space translation leads the translator to achieve a high-quality, balanced translation, which becomes the fact of another language and another culture.

Keywords: translation space, translation competences, language personality of a translator, harmony, synergy, sense, text, interlingual and intercultural dynamics

Вопрос о переводческой личности и ее профессиональных компетенциях в течение последних десятилетий является дискуссионным для отечественной теории, практики и дидактики перевода. Современная антропоцентрическая парадигма, которая определила развитие всех гуманитарных наук, нашла отражение лингвистике в рамках теории языковой личности (И.А. Зимняя, Ю.Н. Караулов, В.И. Карасик, О.Б. Сиротинина и др.), а в переводоведении – переводческой личности с различным статусом: собственно языковая, речевая, коммуникативная (Л.К. Гейхман, М.В. Загидуллина, В.В. Красных, Л.А. Нефедова, Л.П. Тарнаева и др.), вторичная (И.И. Халеева, Н.Д. Гальскова, С.Н. Плотникова и др.), элитарная (Е.В. Аликина, Л.В. Кушнина, М.С. Силантьева и др.), посредник, медиатор культур (Т.С. Серова и др.), субъект деятельности, мыследеятельности (Н.Л. Галеева, Л.М. Алексеева и др.).

В рамках данной статьи рассмотрим лингводидактический аспект проблемы переводческой личности в свете разрабатываемой одним из авторов статьи синергетической концепции переводческого пространства (Кушнина 2003, 2004, 2009 и пр.). Данная концепция синтезирует текстоцентрический и субъектоцентрический подходы к процессу перевода, трактуя сам перевод как систему смыслов,

транспонируемых переводчиком из одного языка в другой, из одной культуры в другую.

Синергетический подход к исследованию динамики переводческого пространства предполагает, прежде всего, многомерность и единство процесса перевода, одновременное и равновесное функционирование всех его компонентов: текстов, культур, личностей в их взаимосвязи и взаимообусловленности. Синергетические представления о коэволюции человека, природы и общества требуют разработки новой методологии научного знания, где совокупность решения разноаспектных проблем становится необходимым условием формирования новых идей. Новая педагогическая парадигма также базируется на интегративных, синтезирующих, междисциплинарных знаниях: она открыта миру; она признает в качестве важнейшего принципа формирование целостной креативной личности, как субъекта деятельности в окружающем мире; она рассматривает фундаментальные знания как часть общечеловеческой культуры, по отношению к которой образование представляется как подсистема.

Необходимость совокупного решения лингвопереводческих и педагогических задач в рамках одного исследования обусловлена единством цели, которую мы определяем как формирование переводческой личности. Признавая перевод человекосущностным явлением, современная высшая школа, готовящая профессиональных переводчиков, определяет качество образования в терминах компетенций. Указанная тенденция последовательно разрабатывается ведущими российскими специалистами. Формулируя теоретические основы методики обучения переводу, В.Н. Комиссаров пишет: «Обучение переводу имеет не только чисто прикладное значение – создание у обучаемых необходимой переводческой компетенции. Оно выполняет также важные общелингвистические и общеобразовательные функции» [Комиссаров 2002: 322].

Общетеоретические, общепедагогические исследования также затрагивают интересующую нас проблему, развивая идеи компетентностно-ориентированного образования. Другой автор данной статьи Л.К. Гейхман анализирует ключевые компетенции в

образовании, которые будут востребованы в XXI веке [Гейхман 2015]. Исследователь отмечает наметившуюся в настоящее время тенденцию «введения компетенции не только в нормативную, но и в практическую составляющую образования» [Гейхман 2002: 35]. Мы понимаем компетенцию как «совокупность взаимосвязанных качеств личности (знаний, умений, навыков, способов деятельности), социально задаваемых по отношению к определенному кругу предметов и процессов, и необходимых для качественной продуктивной деятельности по отношению к ним. Компетентность – владение, обладание человеком соответствующей компетенцией (или набором ее составляющих), включающей осмысленное, личностное отношение к ней и к предмету деятельности, индивидуально приобретенных в процессе обучения» (Гейхман 2002: 46).

В качестве исследовательской задачи данной статьи мы выдвигаем установление корреляции полей переводческого пространства и переводческих компетенций, нацеленных на формирование переводческой личности, что может стать основой модели обучения переводу. В некоторых случаях факторы, составляющие переводческую компетенцию, рассматриваются относительно отдельных полей переводческого пространства, будучи непосредственно связанными с ними, в других случаях, когда эта связь носит более опосредованный характер, речь идет о нескольких полях, которые предполагают выполнение тех или иных переводческих умений, навыков, способов деятельности.

Лингвопереводческий анализ сопровождается иллюстративным материалом на русском и французском языках, предполагающим выполнение параллельных действий на двух языках. Конструирование текста перевода мы рассматриваем как проявление межъязыковой и межкультурной динамики, и лингвистика перевода находит свое реальное воплощение в педагогике перевода, в частности, при подготовке профессиональных переводчиков: формировании переводческой личности.

Представим анализ полей переводческого пространства и их соотношение с переводческими компетенциями, формируемыми в процессе освоения студентом или начинающим переводчиком.

Первый уровень анализа.

В предыдущих исследованиях мы показали, что ядром переводческого пространства является содержание текста как инвариант, подлежащий транспонированию при переводе. Перевод содержания мы рассматриваем как начальный, исходный уровень анализа эксплицитно выраженного иноязычного текста, способствующий формированию предпереводческих умений и навыков. Для анализа содержания текста мы придерживаемся точки зрения тех лингвистов, теоретиков перевода, которые концентрируют внимание на исследовании тема-рематической прогрессии. Естественно, что, если исходными условиями для отождествления содержания являются тема-рематические отношения, это не означает простоты их декодирования переводчиком. Более того, успешность всех последующих уровней анализа, как целостной программы действий, базируется именно на первом уровне. Мы не сможем прийти к нужному эффекту, если не преодолеем трудности первого уровня, поскольку непонимание тема-рематической прогрессии приводит к переводческим ошибкам, а, следовательно, к искажению фактуального смысла.

Признавая необходимость формирования умений и навыков восприятия и порождения тема-рематической прогрессии с целью транспонирования содержания текста, отметим, что тем самым, мы идентифицируем ядро текста. Но сам текст неидентичен ядру. Текст содержит информацию, которая является объектом переводческой деятельности в полном объеме. Как пишет В.Н. Комиссаров, «содержание текста (сообщение) представляет собой семантически и формально законченное целое, отдельные части которого взаимосвязаны, но неодинаково значимы для коммуникации» [Комиссаров 2002: 324]. Следовательно, дидактический вывод состоит в выработке умений и навыков извлечения информации текста, варьируя соотношение части и целого в зависимости от вида и цели перевода. Кроме того, построение связного текста требует умения использования различных средств когезии, которые в силу своего формального характера различны в разных языках и которым необходимо целенаправленно обучать. Необходимо развитие умений составления связного текста, а переводческая компетенция, которая

целенаправленно формируется, развивается и совершенствуется на первом уровне, может быть определена как текстообразующая.

Второй уровень анализа.

Реализация данного уровня анализа связана с пониманием предтекста и формированием коммуникативной компетенции переводчика. О значении коммуникативной компетенции коммуникантов также пишет В.Н. Комиссаров. Он называет коммуникативной такую компетенцию, которая связана со способностью человека к инференции – формированию правильных выводов из речевых высказываний. Мы полагаем, что в данном случае речь может идти именно о предтексте [Комиссаров 2002: 329].

В связи с тем, что предтекст является полностью имплицитным, перед переводчиком встает задача либо эксплицитировать предтекст, что не представляется уместным, либо оставить его имплицитным, т.е. сохранить в тексте некоторые проявления предтекста: аллюзии, пресуппозиции и пр.

Переводчик призван «разгадать» замысел автора. Воспринимая текст оригинала, он готовится совершить следующий шаг: порождение нового текста, при этом характер восприятия оказывается не менее сложным, чем характер порождения. Признавая глубокую, органичную связь восприятия и порождения, Л.Н. Мурзин пишет: «Восприятие, таким образом, в некотором смысле опирается на порождение, но не сводится к нему. Мало того, процесс восприятия является даже в чем-то более сложным, чем процесс его порождения» [Мурзин, Штерн 1991: 29].

С целью анализа мы избрали текст на французском языке с большим количеством коннотаций:

Nous connaissions Saint-Pétérshbourg, Moscou, mais nous ignorions Nijni-Novgorod. Et comment peut-on vivre sans avoir visité Nijni-Novgorod?

Nijni-Novgorod exerçait depuis longtemps déjà cette inéluctable influence sur nous. Aucune mélodie ne résonnait plus délicieusement à notre ouïe que ce nom vague et lointain: nous le répétions comme une litanie sans en avoir presque la conscience; nous le regardions sur les cartes avec un sentiment de plaisir inexplicable; sa configuration nous plaisait comme une arabesque d'un dessin curieux. Le rapprochement de

l'i et du j, l'allitération produite par l'i final, les trois points qui piquent le mot comme ces notes sur lesquelles il faut appuyer nous charmaient d'une façon à la fois puerile et cabalistique. Le v et le g du second mot possédaient aussi leur attraction, mais l'on avait quelque chose d'impérieux, de décisif et de concluant à quoi il nous était impossible de rien objecter. – Aussi après quelques mois de luttés, nous fallait-il partir (Gautier, Voyage en Russie//M/t/p 19).

Представленный выше текст можно определить как преимущественно коннотативный, т.к. субъективный авторский смысл, который в него заложен, создается благодаря оценочно-стилистическим коннотациям. В анализируемом фрагменте текста коннотации основаны на специфическом восприятии автором-французом (известным писателем Т. Готье) звучания русского названия города Нижний Новгород. Автор описывает свои ощущения при восприятии сочетаний отдельных звуков, интегрированных в названии загадочного для иностранцев города, порождающих особую мелодию и необъяснимое удовольствие для непривычного слуха. Как показала исследовательская практика, коннотации выполняют в тексте не только экспрессивно-оценочную функцию, но, прежде всего, создают модальный смысл: выявляют позицию автора, его индивидуальный лексикон, его мировидение и мироощущение, его собственную манеру письма. В данном случае мы акцентируем внимание на формировании коммуникативной компетенции.

Третий уровень анализа.

Анализ понимания подтекста целесообразно проследить на материале текстов, которые представляют собой метаязыковые феномены, так называемые «тексты о тексте», в которых подтекст намеренно эксплицирован авторами с целью интерпретации новых реалий для носителей другой культуры. Подчеркнем, что в принципе подтекст имплицитен, и выбор для анализа «эксплицитного» подтекста объясняется потребностью его «улавливания» и дальнейшей интерпретации.

Перевод подтекстовой информации требует от переводчика значительных интеллектуальных и эмоциональных усилий. Каждое слово, каждую фразу переводчик мысленно представляет,

«взвешивает» на весах истинности и адекватности отражаемой ситуации.

Чтобы убедиться в значимости перевода подтекстовых категорий, попробуем перевести такое понятие, как *вертушка*. В результате буквального перевода на французский язык мы получим: *ce qui tourne*, что ни в коей мере не объясняет французскому читателю его истинный смысл. В результате интерпретации получаем следующее объяснение: *liaison téléphonique spéciale permettant de joindre les hauts dirigeants* (букв.: специальная телефонная связь, обеспечивающая непосредственное соединение высокопоставленных руководителей).

Дидактический анализ подобных случаев перевода, основанных на понимании переводчиком подтекста с его последующим эксплицированием приводит к выводу о том, что проникновение в подтекст как глубину текста требует формирования таких умений и навыков переводчика, которые нацелены на развитие всех видов речевой деятельности как основы мыслительной деятельности. Как пишет Т.С. Серова, «интеллектуальная деятельность должна стать неотъемлемым компонентом в обучении переводу, так как предметом этой деятельности является мысль... Интеллектуальная деятельность и речевая деятельность взаимозависимы...» (Серова 2001: 111).

Подтекст - сложное явление, он занимает центральную позицию, он «центрирован» на поле переводчика, в связи с чем мы решили обозначить саму переводческую компетенцию, формируемую в рамках подтекста как конструктивно-коммуникативную.

Четвертый уровень анализа.

Формирование переводческой компетенции, нацеленной на прагматическую адаптацию перевода, входит в круг общелингвистических компетенций, т.к. определяется прагматическим потенциалом текста.

Реализация этого уровня носит гипотетический характер, т.к. ни автор, ни переводчик не могут в полной мере предположить реальное развертывание переводческого пространства в поле реципиента и формирование рефлексивного смысла как результат понимания контекста. Сама концепция переводческого пространства, которая

предполагает бесконечное множество вариантов восприятия текста ПЯ, рассматривает в качестве ключевой позицию о динамическом развитии образа – гештальта текста в поле реципиента. Рефлексивный смысл столь же разнообразен, как мысли и чувства читателя - реципиента, вписывающего каждый новый текст в существующий в его сознании контекст. Веер предполагаемых возможностей расширяется при переходе от одного иностранного языка к другим. В истории перевода существует немало примеров, когда одно и то же поэтическое произведение вдохновляло переводчиков разных поколений, в результате чего появились не только талантливые переводы, но и новые тексты-ассоциации, либо с самим источником, либо с предыдущими переводами. При изучении рефлексивного смысла мы акцентировали внимание на тот кумулятивный, общий смысл, который представляет собой совокупный рефлексивный смысл, являясь одновременно результатом преемственности и тематического развития каждого нового перевода, как своеобразного поэтического отклика в творчестве каждого переводчика. В этом направлении созвучным нашему исследованию являются изыскания А.Н. Гиривенко [Гиривенко 2002], который не занимался поисками рефлексивного смысла, но глубоко анализировал отдельные переводные лирические произведения в культуре России. Обратимся к некоторым результатам его анализа.

Автор прослеживает судьбу лирического стихотворения английского поэта Т. Мура в русской культуре XX века, известного нам по переводу И.И. Козлова как «Вечерний звон». Его переводчиками стали также А.А. Фет, Я.П. Полонский, А.А. Блок, В.Я. Брюсов. Кроме того, «Вечерний звон» вошел в русскую песенную культуру благодаря творчеству А.А. Алябьева и еще одиннадцати композиторов. Перевод И.И. Козлова воспринимался многими поколениями русских людей как самостоятельное национально-патриотическое произведение, а все последующие переводы, использовавшие ранее существовавший перевод-посредник И.И. Козлова, можно рассматривать как сопереживание чужому восприятию, как декларация литературной преемственности, как эстафета поэтических откликов и переводческих перекличек

поэтов разных эпох. Тематическое развитие данного поэтического текста, где каждое слово звучит как удар колокола, было бы невозможно, если бы поэты не осознавали преемственность поколений и вечность искусства, если бы вслед за первооткрывателем И.И. Козловым не пришли другие выдающиеся поэты, которые продолжили историко-культурное функционирование текста в русской литературе.

Как показал сопоставительный анализ, выполненный А.Н. Гиривенко, каждый из последующих переводчиков опирался не только на оригинал, но и на предыдущие переводы, которые становились для него переводами-посредниками. Сравнительно недавно для обозначения процессов данного типа был введен термин «парапериод» (западноевропейские ученые) и метаперевод (российские ученые). В их число вошли и музыкальные тексты, которые способствовали более глубокому пониманию подлинника.

Сравним: *А.А. Фет*:

Мечтанье было то, иль сон?

Мне слышался вечерний звон...

...Какой-то грусти полный стон,

И я запел: «Вечерний звон...» [Гиривенко 2002: 114]

Я.П. Полонский:

Вечерний звон...не жди рассвета;

Но и в туманах декабря,

Порой мне шлет улыбку лета

Похолодевшая заря... [Гиривенко 2002: 114]

В приведенных выше примерах авторы создавали тексты, которые являются результатом их рефлексии над переводами, где один рефлексивный смысл порождает другие. В данном случае мы предположили, что речь идет о компетенции, нацеленной на прагматическую адаптацию перевода, а в некоторых случаях, о прагматической «сверхзадаче».

Пятый уровень анализа.

Как было показано ранее, энергетическое поле наиболее ярко проявляется в поэтических текстах. Вернемся к анализу перевода стихотворения «Вечерний звон», эмоциональная насыщенность которого настолько велика, что наряду с литературным бытованием,

его музыкальное существование гораздо сильнее повлияло на развитие русской культуры в целом. Как отмечают многие критики, в переводе И.И. Козлова слова не просто выговариваются, а как бы звонят, чередование глаголов создает эмоциональное движение, где эмоциональный контраст ощущений разворачивается от мотивов бренности земных радостей и быстротечности времени к мотивам несбыточности надежд и вечности жизни. Весь текст создает особую «смысловую ауру» [Гиривенко 2002], которую можно рассматривать как проявление эмотивного смысла, порождаемого затекстом. Применительно к формированию переводческих компетенций, целесообразно говорить об эмотивной компетенции переводчика, развитие которой способствует восприятию энергетического поля.

Формирование эмотивной компетенции переводчика объясняется необходимостью создания такого текста языка перевода, который был бы эмоционально созвучен оригиналу: та же эмоциональная напряженность, тот же интонационно-ритмический рисунок, та же звуковая инструментовка стиха, то же психологическое состояние души.

Шестой уровень анализа.

Выявление и анализ фатического поля представляют особую значимость, поскольку интертекстуальность – важнейшая категория лингвопереводческого анализа в целом. Актуальность и очевидность выявления и транспонирования интертекстуальности не вызывает сомнений. Вопрос заключается в том, каким образом обеспечить этот процесс, как развивать когнитивную переводческую компетенцию?

Понимание сущности и роли интертекста, о котором мы писали ранее, дополним высказываниями У. Эко, который неоднократно отмечал, что каждый текст, если он не предназначен для одного человека, интерпретируется не только в соответствии с авторскими намерениями, но, в большей степени, «всей энциклопедией, которую реализуют пользователи этого языка, т.е. культурными конвенциями и историей предыдущих интерпретаций, включая данный текст» [Эко 1996: 62].

Мы предположили, что постижение интертекста связано с формированием особой переводческой компетенции, которую мы назвали когнитивной. Как показали наши наблюдения, когнитивная

переводческая компетенция обеспечивает анализ фатического поля и выявление культурологического смысла текста с целью его гармоничного транспонирования при переводе.

Формирование переводческой личности достигает на уровне интертекста своего апогея.

В рамках данной статьи мы рассмотрели формирование переводческих компетенций с позиций концепции переводческого пространства, что отражает современные тенденции российской лингводидактики. В отличие от большинства существующих лингвистических моделей перевода, представленная в работе модель перевода является, во-первых, когнитивной, предполагающей осмысление переводчиком полей всех субъектов переводческой коммуникации; во-вторых, культурно-ориентированной, придающей особое значение фатическому полю как полю культуры; в-третьих, лингвосинергетической, т.к. интегративный смысл текста перевода не является суммой смыслов всех его полей, а результатом их синергии с неперемным «наращиванием» новых смыслов, приемлемых в принимающей культуре. Кроме того, переводческое пространство выдвигает новую аксиологическую доминанту процесса перевода – категорию гармонии, олицетворяющей идею достижения качественного перевода.

ЛИТЕРАТУРА

Аликина 2014 – *Аликина Е.В.* Переводчик как метаязыковая личность // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 4-1 (34).– С. 15-18.

Аликина 2012 – *Аликина Е.В., Швецова Ю.О.* Формирование эстралингвистической компетенции будущих устных переводчиков // Современные проблемы науки и образования. № 2.

Гейхман 2002 – *Гейхман Л.К.* Интерактивное обучение общению (подход и модель). Пермь: Изд-во Перм. Гос. ун-та. – 260 с.

Гейхман 2011 – *Гейхман Л.К., Кушнина Л.В., Кушинин А.В.* Синергетическая педагогика. Пермь, – НИПУ – 176 с.

Гейхман 2015 – *Гейхман Л.К., Ставцева И.В.* Учитель XXI века: точки роста в информационном обществе // Through Mutual Cooperation to Success – Khasavyurt: Фестиваль педагогического мастерства учителей английского языка. Хасавьюрт. – С. 23-27.

Гиривенко 2002 – *Гривенко А.Н.* Из истории русского художественного перевода первой половины XIX века. М., Флинта, Наука. – 280 с.

Зимняя 2004 – *Зимняя И.А.* Ключевые компетентности как результативно-целевая основа компетентностного подхода в образовании. М. – 38 с.

Караулов 1987 – *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М., Наука.

Комиссаров 2000 – *Комиссаров В.Н.* Общая теория перевода. М., 2000. – 136 с.

Котюрова 2015 – *Котюрова М.П., Кушнина Л.В.* О (не) востребованности научного знания // Болгарская русистика, № 3-4. – С. 7-25.

Кушнина 2010 – *Кушнина Л.В., Силантьева М.С.* Языковая личность переводчика в свете концепции переводческого пространства // Вестник пермского университета. Российская и зарубежная филология. № 6 (12). – С. 71-75.

Кушнина 2003 – *Кушнина Л.В.* Динамика переводческого пространства. Пермь: Изд-во Перм. ун-та. – 232 с.

Кушнина 2004 – *Кушнина Л.В.* Языки и культуры в переводческом пространстве. Пермь, ПГТУ. – 163 с.

Кушнина 2009 – *Кушнина Л.В.* Теория гармонизации: опыт когнитивного анализа переводческого пространства. Пермь: ПГТУ. – 196 с.

Серова 2001 – *Серова Т.С.* Психология перевода как сложного вида иноязычной речевой деятельности. Пермь: Перм. гос. техн. ун-т. – 211 с.

Мурзин 1991 – *Мурзин Л.Н., Штерн А.С.* Текст и его восприятие. Свердловск, 1991.

Эко 2006 – *Эко У.* Сказать почти то же самое. Пер. с итальян. СПб. – 572 с.

Людмила Вениаминовна Кушнина
Елена Вадимовна Аликина
Любов Кимовна Гейхман

ФОРМИРАНЕ НА ПРЕВОДАЧЕСКИ КОМПЕТЕНЦИИ В АСПЕКТА НА КОНЦЕПЦИЯТА ЗА ПРЕВОДАЧЕСКО ПРОСТРАНСТВО

Резюме

Изследването е посветено на проблемите на езиковата личност на преводача, процеса на формиране на неговите професионални преводачески

компетенции, които са в непосредствена връзка с динамиката на преводаческото пространство, представляващо синергетичен модел на превода. Статията представя нова оригинална теория за понятието «преводаческо пространство» и за превода като синергетична система. Установява се корелация между лингвопреводаческите и дидактическите компоненти на превода. Убедително се доказва, че усвояването на преводаческото пространство води до качествен, хармоничен превод, който става факт на другия език и другата култура. Предложеният в статията нов лингвистичен модел на превода се отличава със своя синергетичен характер. Формулирана е «аксиологична доминанта» на процеса на превеждане – категория на «хармонията», олицетворяваща идеята за постигане на качествен превод.

Ключови думи: преводаческо пространство, преводачески компетенции, езикова личност на преводача, хармония, синергия, смисъл, текст, междуезикова и межкултурна динамика

ДЕБЮТЫ

Полина Андреева Димитрова
Пловдивский университет им. Паисия Хилендарского
Пловдив, България

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ БИБЛЕЙСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В ЗЕРКАЛЕ ПЕРЕВОДА

Аннотация: Предметом настоящего исследования является формирование переводческого инвентаря, которым может успешно пользоваться автор при поисках самого удачного эквивалента рус.«козел отпущения» в его окказиональном виде.

Ключевые слова: фразеологический эквивалент, фразеологическое соответствие, «перевод» фразеологизмов библейского происхождения

Polina Andreeva Dimitrova
Plovdiv University Paisii Hilendarski
Plovdiv, Bulgaria

PHRASEOLOGISMS OF BIBLICAL ORIGIN AND THEIR REFLECTION ON THE TRAJECTORY OF TRANSLATION

Abstract: Subject of this article is the formulation of a translator's inventory that can successfully be used in the process of searching the most appropriate equivalent of the Russian phraseologism of biblical origin «Козел отпущения» (scapegoat) in its occasional (transformed) form.

Keywords: phraseological equivalent, phraseological compliance, «translation» (process of translating) of a phraseologism of biblical origin

Настоящая статья является естественным продолжением углубленных и длительных изысканий в ареале переводческого потенциала русского фразеологизма библейского происхождения (ФБП) *Козел отпущения* (далее **р.КО**). Выбор именно этой фразеологической единицы (ФЕ) предопределен ее универсальностью применения и масштабностью концентрации на страницах печатных изданий. Объектом анализа послужили болгарские ФЕ-синонимы **р. КО**: *Изкупителна жертва, Козел отпущения, Жертвен агнец, Авраамова жертва*. Представленный в рамках научной работы иллюстративный материал собран из фразеологических словарей русского и болгарского языков путем сплошной выборки, как и непосредственно по электронным источникам. Предпочтение сферы публицистики остальным стилям обусловлено основными составляющими четвертой власти: воздействовать на массового читателя и довести полученную информацию до своих реципиентов быстро и своевременно. Ни для кого из нас не секрет то, что именно журналисты демонстрируют, насколько устойчивы действующие нормы языка, используя языковые игры, каламбуры, насмешливые, даже ироничные замены по звучанию, стремясь привлечь внимание своей потенциальной аудитории. Подтверждением этого нам послужил **р. КО**. Оказалось, что он присутствует в материалах из любых тематических секций каждого периодического издания. Цели, которые преследовали проведенные нами исследования в поле средств массовой коммуникации (СМИ), следующие: узнать фразеологические эквиваленты **р. КО**, которые присутствуют в фразеологических словарях болгарского языка; какие из этих признанных фразеологическими словарями эквивалентов-синонимов действительно функционируют в современных СМИ; изучить

факторы, определяющие использование болгарских фразеологизмов-синонимов **р. КО** в области печати; раскрыть переводческий потенциал каждого из болгарских фразеологизмов-синонимов. Исходя из эксцерпированного материала мы выносим несколько выводов:

1. В электронных СМИ самую высокую степень фреквентности демонстрирует словосочетание *Изкупителна жертва* – единица, которая не зарегистрирована в фразеологических словарях болгарского языка, но функционирующая в силу закрепленного речевой практикой употребления.

2. Использование ФБП, возникших на основе библейских текстов, всегда воспроизводит на подсознательном уровне в акте коммуникации и сам текст сюжета. Говоря **болгарские (б.) жертва Авраамова**, не каждый из нас мигом вспомнит, кто был Авраам, или встречая **б. КО**, вернется к посланию легенд. Чтобы понять, что спрятано за ФБП *изкупителна жертва*, не нужно знать библейские тексты, само устойчивое словосочетание (УС) и вне контекста возникновения раскрывает свой замысел.

3. **Б. агнец Божий** («невиновный человек, на которого возлагается ответственность за чужие провинности») и **р. агнец Божий** («кроткий, послушный человек») – ФЕ, совпадают по форме и по модели построения, содержат одни и те же компоненты, но обладают неодинаковой семантикой. Такие фразеологизмы приводят к серьезной опасности – к порождению явления «интерференции» (смешивание языковых средств в русском и болгарском языках). Мы разделяем мнение В. Акуленко и К. Готлиба, что некоторые из переводчиков настойчиво определяют такие УС как межъязыковые омонимы, когда сами словари, прослеживающие описанное языковое явление, дефинируют его как «ложные друзья переводчика» [Акуленко 1969 : 7], [Готлиб 1972: 11].

На протяжении последних несколько лет, чтобы создать яркий стилистический эффект, журналисты активно подвергают ФБП изменениям. Травестированные ФЕ становятся атрактивным выразительным средством в языке масс-медиа. Прикоснувшись однажды к природе трансформации, библеизмы повседневно впускаются в своеобразные словесные игры, которые актуализируют

их употребление, усиливая их оценочность и их эмоционально-экспрессивное воздействие.

Предметом настоящего исследования является формирование переводческого инвентаря, которым может успешно пользоваться автор при поисках самого удачного эквивалента **р. КО** в его окказиональном виде. Анализированные в статье трансформации представляют собой сокращенный вариант и охватывают лишь один из способов изменения, которые происходят в структуре ФЕ, а именно **замена** компонентов. Вслед за Т.Гусейновой, к аналитичным модификациям мы относим замену (субституцию), расширение (эксплицитность) и сокращение (эллипсис) в плане выражения ФБП.

С чего начинается переводческая деятельность видоизмененного фразеологизма?

Процесс «перевода» ФЕ специалисты рассматривают как сумму двух этапов – этапа воспринимания и этапа воспроизводства. Когда речь идет о «переводе» ФЕ, как отмечает С. Влахов, самому переводчику, прежде чем растолковать значение ФЕ, нужно дать себе отчет в том, что имеет дело с особой языковой единицей, иными словами – отличить **устойчивое словосочетание** (УС) от **свободного** того же компонентного состава [Влахов 2001: 260]. В случаях, когда перед автором ФЕ в нестандартном виде, он должен проявить смекалость – прежде чем приступить к восприниманию и воспроизводству ФЕ, необходимо прийти к выводу: является ли данная модификация настоящей?

Просмотр электронных форматов СМИ выявил явное преимущество **р.КО** в составе, в котором произошла замена одного из двух словесных компонентов. Когда используем термин **субституция**, мы подразумеваем такой тип структурной трансформации, при которой один или более одного из элементов ФЕ замещается другим. Эксерпированный в ареале массовой коммуникации материал указывает на том, что составляющая **р. КО**, которая единственно подвергается замене, это лексема **козел**: *Чабан отпущения* [4], *Силовики отпущения* [3], *Камал отпущения* [7].

Так как подавляющая часть фразеологизмов возникает и развивается в языке путем переосмысления конкретного свободного словосочетания (СС), мы обратились к архетипу **р. КО**. СС **КО**

образовано двумя словами посредством подчинительной связи. Специфика такого рода связи лексем предопределяется свойствами знаменательного в грамматическом отношении компонента **козел**. Он сам по себе достаточен для того, чтобы на основе действующих в языке правил выбрать в качестве распространителя форму другого слова и занять роль главенствующего компонента в образовавшемся таким образом соединении слова и формы слова. Слово-распространитель **отпущение** в форме родительного падежа служит характеристикой **козла**, называя его предназначение и выражая таким способом свое отношение к главенствующему компоненту. Зависимое слово всегда имеет более определенное лексическое значение, чем слово, грамматически ведущее. Зато с точки зрения семантики, соединившиеся компоненты не обладают свойствами раздельности: главное слово, в силу абстрактности своего значения недостаточно информативное, восполняется зависимой словоформой, обеспечивающей информативность так образовавшегося сочетания. Синтаксический анализ СС *Козел отпущения* показывает, что с точки зрения грамматического строения главную роль выполняет слово **козел**, но с позиции лексической семантики это обязанность слова **отпущения**. Именно эти два факта объясняют почему на страницах печати в роли **козла** выступают и генерал, и президент, и чабан и т.д. Но ни в одном из приведенных выше заголовках замене не подвергнулся компонент, который определяет назначение этого генерала, этого президента, этого чабана. Устойчивость лексемы **отпущения**, проявляющаяся в случаях такого динамичного языкового явления, как трансформации, задает дискурс переводческих изысканий: фиксировать функцию этого компонента при поисках болгарского эквивалента – видоизмененного **р. КО**.

Когда перед переводчиком поставлена задача транслировать значение ФЕ в чистом виде, это, на самом деле, сводится к выбору наиболее близкого в семантическом, стилистическом и эмоционально-экспрессивном отношениях родного фразеологического соответствия. Конечно, о полном соответствии между русской и болгарской ФЕ можно говорить лишь в том случае, когда болгарский эквивалент также является фразеологизмом. Иначе обстоит дело, если объектом переводческого мастерства становится

ФЕ в трансформированном виде. Тогда автору приходится решить: найдет ли это изменение структуры отражение в плане выражения родного фразеологического эквивалента. Ответ на этот вопрос просит к напоминанию одного из постулатов современной фразеологии: ведущим признаком фразеологизма является его семантическая целостность, т.е. внутреннее смысловое единство ФЕ, приводящее к полной или частичной потере компонентами собственного лексического значения [Жуков, Жуков 2006: 8]. При полном переосмыслении употребленных слов возникает немотивированная ФЕ. Так, например, выражение *Медведев делает из Путина козла отпущения* [8] имеет дословный перевод *Медведев превраща Путин в изгонен, прогьден козел*, в то время, как соответствующая данному словосочетанию ФЕ **р. КО** употребляется в значении *Изкупителна жертва*. Перевод такого рода фразеологизмов (определяемые В.Виноградовым как фразеологические сращения) требует от автора значительного мастерства, так как эти ФЕ специфические для каждого языка и к ним нелегко, даже невозможно подобрать фразеологический эквивалент в другом языке [Крючкова 2007: 393].

В связи со всем вышеизложенным нам хотелось бы наметить несколько путей переводческих решений процетированных заголовков. Выбор родного эквивалента определен после детального ознакомления с содержанием каждой из рассматриваемых статей. Применение такого подхода «перевода» обеспечивает сохранение коммуникативной, эмоционально-экспрессивной и оценочной функций, которые призваны выполнять заголовок любого журналистического материала в роли ведущего средства манипуляции потенциальной читательской аудитории.

Использование фразеологизма-эквивалента в видоизмененном виде и на переводимом языке. Результаты предыдущих наших исследований показали, что самую высокую частотность на страницах электронных изданий демонстрирует болгарское словосочетание *Изкупителна жертва* (далее **б. ИЖ**) – единица, не зарегистрированная в фразеологических словарях, но функционирующая как таковая в силу закрепленного речевой практикой употребления. Если в ее структуре происходит процесс

замены, то получатся такие фразеологические соответствия как *Изкупителен Медведев, Изкупителен генерал*. Такой способ трансляции значения ФЕ рассчитывает на мысленное возобновление исходной конструкции фразеологизма. Ассоциация, которая

возникнет в сознании реципиента, будет опираться именно на сохранный, знакомый компонент **изкупителен** – («**използва се предимно в съчетание с думата жертва за означаване на човек, който изкупват чужди грехове, грешки, провинения; който е причина за прошка, за опрощение**») [Андрейчин, Георгиев 1993: 256]. Этот компонент является ключевой в трагестированной форме ФЕ, так как он превратился в сигнализатор, выполняющий смысловоразличительную функцию. Предложенный вариант перевода звучал бы значительно благозвучнее, если сохранили обнаруженную в **р. КО** подчинительную связь и в болгарских соответствиях: *Президент за изкупление*. ФЕ, которая тоже широко представлена в ареале СМИ, – это **б. Жертвен агнец** (далее **б. ЖА**). Называя агнеца по имени, должности, профессии, мы получаем два типа видоизмененных фразеологизмов библейского происхождения: *Жертвен президент (I тип)* и *Президентът жертва (II тип)*.

Жертвен президент (I тип) Как и **б. ИЖ**, так и **б. ЖА** в окказиональном виде сохранил компонент, являющийся носителем семантики исходного УС. Это слово **жертвен** – («**който е предназначен за жертва или е свързан с жертвоприношение**») [Андрейчин, Георгиев 1993: 189]. Благодаря чрезвычайно мощному посланию этой лексемы читателю не будет трудно раскрыть значение ФБП даже в случаях, когда ему не понятно, что перед ним стоит фразеологизм и даже когда этимология фразеологизма ему неизвестна.

Президентът жертва (II тип) Использование конструкции такого рода создает благоприятные условия для введения аудитории в заблуждение. Во-первых: непонятно какую функцию выполняет слово **жертва** – функцию несогласованного определения к слову **президент**, или функцию сказуемого. Обе структуры являются информационно неполноценными высказываниями. Если лексема **жертва** выступает в роли несогласованного определения, то автору обязательно придется уточнить жертвой кого / чего стал президент,

губернатор, чабан и т.д. Если слово **жертва** использовано как сказуемое, то незаконченность конструкции еще сильнее ощущается; при том открытость словосочетания изменит коренно семантику высказывания: окажется, что не президент, не генерал, не чабан превратится в жертву, а что сам президент, сам генерал, сам чабан приносит кого-то другого в жертву.

Незначительная частотность в сфере публицистики регистрирует **б. КО**. Судя по слабой различительной способности ФБП еще в его исходной форме, нет сомнения, что отражение процесса замены в конструкциях на переводимом языке резко снизит его употребимость. Каждый опыт субституции компонента **козел** окажется неудачным. Из-за иноязычного происхождения слова **отпущение**, оно не выполняет смыслоразличительную функцию в сознании реципиентов. Так как исходная ФЕ – (**р. КО**) построена в виде фразеологического сращения (в нем связь между прямым и переносным значениями недостаточно ясна, прозрачна), то калькирование образа приведет к разрушению смысла фразеологизма. Получатся словосочетания в роде *Президент за отпущане/изгонване/прогонване*. Иначе обстоит вопрос с субституцией козла в составе **русской ФЕ**. В ее границах замена возможна, потому что компонент **отпущение** всегда стоит в форме родительного падежа. Неизменяемость этого словесного элемента способствует восстановлению в исходной форме фразеологизма, чье значение сохраняется и в его видоизмененном виде.

Включение б. ФЕ *Изкупителна жертва* в состав предложения. Употребление предложений, не содержащих ФЕ *Изкупителна жертва*, но воплощающих его семантику. Такой прием работы применяется переводчиком, когда он старается персонализировать «лицо» козла отпущения. Даже в случаях, когда автор решил передать значение УС путем обычного предложения, он будет стремиться к отбору окрашенной лексики, чтобы придать высказыванию фразеологический оттенок или хотя бы некоторую метафоричность. Если в статье сказано:

Медведев отпущения [2], то переводчик ответил бы словосочетанием типа «*Медведев – удобна изкупителна жертва*» или предложением типа «*Защо Путин ще пожертва Медведев?* »;

Генерал отпущения [6] – «*Самоубилият се Алмасбей Кчач – подходяща изкупителна жертва*» или «*Набедиха мъртъв ексминистър за инициатор на похищение*»;

Губернатор отпущения [5] – «*Ето кого ще държат отговорен при евентуален провал в Сочи*»;

Чабан отпущения [4] – «*Без вина виновен*» или «*Вместо козел овчар се превърна в изкупителна жертва*»;

Силовики отпущения [3] – «*Теракта в Домодедово взе своята изкупителна жертва*» или «*Структурите за сигурност изиграха руска рулетка*»;

Камал отпущения [7]– «*Камал Визиев – капитан от МВД или негова изкупителна жертва*»;

Почта отпущения [1] – «*Телекомпаниите – чия изкупителна жертва?*»;

Использование ФЕ в ее чистом, исходном виде

Исходя из своих наблюдений над фразеологическими трансформациями, мы считаем, что оптимальным переводческим решением в случаях употребления видоизмененного фразеологизма – это поиск и применение в его исходной форме. Стремление к прямому отображению процесса субституции в структуре ФЕ – эквивалента – резко понижает эффект его использования в акте коммуникации. Нельзя забывать, что фразеологизмы призваны, в первую очередь, показывать оценочное отношение к миру. Отсюда и назначение каждой ФЕ – не просто называть, а называя, характеризовать объект реальной действительности и таким образом воздействовать целенаправленно на адресата.

ЛИТЕРАТУРА

Акуленко 1969 – *Акуленко В. В.* Англо-русский и русско-английский словарь „ложных друзей переводчика“. Москва: Наука. – 7 с.

Андрейчин, Георгиев, Илчив, Леков, Костов, Стойков, Тодоров 1993 – Л. Андрейчин Л., Георгиев Л, Илчив С, Леков И, Костов. Н, Стойков С, Тодоров Цв. Български тълквен речник. София: БАН, 1993. 189, 256 с.

Влахов 2001 – *Влахов С. И.* Коварството на приятелите (Към проблемите на фразеологичния превод) // Слово. Юбилеен сборник, посветен на 70- годишнината на проф. И.Червенкова. София: Изд-во на Софийския университет. С.260.

Готлиб 1972 – *Готлиб К. Г.* Немецко-русский и русско-немецкий словарь „ложных друзей переводчика». Москва: Русский язык. – 11 с.

Жуков, Жуков 2006 – *Жуков В.П., Жуков А.В.* Русская фразеология. –2-е изд., перераб. и доп. Москва: Высшая школа. – 8 с.

Крючкова 2007 – *Крючкова Т.В.* Прагматический аспект перевода фразеологизмов с элементом цветообозначения // Мир русского слова и русское слово в мире. IX конгресс МАПРЯЛ. София, том № 5. С.393.

ЭЛЕКТРОННЫЕ РЕСУРСЫ

[1]Бутенко И. Почта отпущения. Свободные новости.

URL: <http://fn-volga.ru/blog/view/id/37/> / (05.02.2013).

[2]Голышев Вл. Медведев отпущения. LIVE JOURNAL.

URL: <http://golishev.livejournal.com/1840326.html/> / (20.12.2011).

[3]LENTA.RU

Силовики

отпущения.

URL:<http://lenta.ru/articles/2011/01/27/resignation/> / (27.01.2011).

[4]Милашина Е. Чабан отпущения. Новая газета.

URL:<http://www.novayagazeta.ru/inquests/55252.html/> / (02.11.2012).

[5]Незамятин И. Губернатор отпущения. МК.RU.

URL: <http://www.mk.ru/politics/article/2012/03/11/680123-gubernator-otpuscheniya.html/> / (11.03.2012).

[6]Перевозкина М. Генерал отпущения. МК.RU

<http://www.mk.ru/politics/article/2012/05/03/700231-general-otpuschenija.html/> / (04.05.2012).

[7]Тлисова Ф. Камал отпущения. Новая газета.

URL: <http://2005.novayagazeta.ru/nomer/2005/09n/n09n-s08.shtml/> / (07.02.2005).

[8]FORPOST: Медведев делает из Путина козла отпущения.

<http://rus.4post.com.ua/world/124397.html/> / (09.02.2009).

Полина Андреева Димитрова

ФРАЗЕОЛОГИЗМИ С БИБЛЕЙСКИ ПРОИЗХОД В ОГЛЕДАЛОТО НА ПРЕВОДА

Резюме

Статията е резултат от задълбочено изследване на превода на фразеологизма с библейски произход рус. «козел отпущения» и неговия български еквивалент «изкупителна жертва». Източници на изследването са фразеологични речници на руски и български езици, както и публицистични текстове. Авторът прави обстоен анализ на преводаческия

арсенал на избрания фразеологизъм, като илюстрира разсъжденията си с интересни примери от актуални публицистични материали.

Ключови думи: фразеологичен еквивалент, фразеологично съответствие, «превод» на фразеологизмите с библейски произход

РЕЦЕНЗИИ

ЗАХАРИЕВА И.П. ПЯТАЯ КНИГА ФОРМИРОВАНИЯ ЛИТЕРАТУРНОЙ КЛАССИКИ XX ВЕКА: КАНОНИЗИРОВАННЫЕ ФОРМОСМЫСЛЫ, ОБРАЗЫ И СЮЖЕТЫ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ. – СОФИЯ: МУЛТИПРИНТ, 2016. – 380 С.

Осенью 2015 года наш литературовед-русист доцент доктор Ирина Захариева отметила свой 80-летний юбилей и полвека, посвященные русской литературе, которую она до сегодняшнего дня исследует и систематизирует с огромной любовью и искренностью. В этом смысле весь 2016-ый год посвящен размышлениям и воспоминаниям, которые связаны с ее долголетней работой в СУ, общением с друзьями и родными, продолжением деятельности в качестве редактора и автора в журнале «Болгарская русистика», включительно публикации в изданиях зарубежных городов Москвы, Екатеринбург, Варшавы, Оломоуца, Брно, Нью-Йорка. Напоминают о себе девять опубликованных ею книг, связанных с русской литературой XX века. Вступление литературоведа в Союз русскоязычных писателей Болгарии в октябре 2015-го года совпал со славным юбилеем. Но главным символом юбилея явилось издание ее книги, появившейся в начале текущего года и носящей заглавие «Пятая книга формирования литературной классики XX века: канонизированные формосмыслы, образы и сюжеты русской словесности», Изд. Multiprint, София, 2016, 380 стр.

Первое впечатление от книги – тематическое многообразие и разносторонность интересующих автора вопросов, а также неустанный поиск новизны в затрагиваемых проблемах. При наличии маленьких портретов в алфавитном порядке можно было бы назвать

книгу лексиконом по русской литературе с задуманной анализаторской сверхзадачей.

В настоящем обзоре я остановлюсь на отдельных статьях новоизданной книги, которые позволяют иллюстрировать, что представляет собой разработанный Ириной Захариевой метод *художественного синтеза*.

Эта прекрасная книга в зеленом переплете, воспроизводящем ведущий цвет жизни, обращается к прозаикам и поэтам, недостаточно исследованным в литературной науке, таким как Анна Баркова, Александр Чижевский и др. Чижевский характеризуется как космист, а Баркова выступает носителем романтической душевности.

Несмотря на то, что я защитила в прошлом году диссертацию о творчестве Анны

Барковой, в книге нашла и нечто новое для себя, а именно то, что поэтесса органично связывает трагедию жизни с радостью творчества, а в поэтике проявляет склонность к контрастам, к оксиморонам, у нее найдем и жесткую документальность, и фигуративную художественность.

Автор «Пятой книги», углубившись в процесс креативного следования канону, занимается типично русским феноменом: отношениями между действующими писателями, связанными с любовью, ревностью, завистью, платоническими чувствами. Выявлена, к примеру, платоническая любовь Зинаиды Гиппиус к Федору Сологубу. Посредством впечатлений Зинаиды Гиппиус обращается внимание на русского творца, для которого несовпадение между мечтой и действительностью превращается в трагедию жизни. Взаимоотношения писателей предстают в книге и как следование грезам, как например молодой Александр Блок мечтал встретиться с рано умершим Владимиром Соловьевым в пространстве духа.

Статья «Уровень глобализации драматургических идей в пьесе М. Горького «На дне» преследует цель постигнуть осмысление полиморфизма русской литературы на драматургическом материале. Автор касается отношений между М. Горьким и Львом Толстым в соотнесенности «временное» – «вечное». Горький – реалист и романтик - полемизирует с поздним Толстым, отвергая его

евангельские проповеди смирения. Горьковский человек выше всего ставит духовную свободу независимо от религии.

Не хочу впасть в стереотипные рассуждения, но усматриваю и в толковании горьковской пьесы «На дне» идеи художественного синтеза. Выделены мотивы и оппозиционные пары, такие как правда – ложь, равнодушие – эмоция, духовность – обезличенность и пр. Возникает ассоциация с Пятикнижием Достоевского и с его образом Зосимы, замененным у Горького странником Лукой, «носителем народной идеологии». Успешная постановка пьесы «На дне» в Болгарии подтверждает философскую обобщенность заложенных в ней идей.

Книга на различных примерах напоминает о том, что в случае если автор, принадлежащий к определенному литературному ряду, не может быть запечатлен в восприятии следующего поколения литераторов, его ожидает духовное небытие. А процесс сохранения литературной памяти сложен – он является неотъемлемой частью житейской и профессиональной мудрости создателей культуры и желания сохраниться во времени уникальностью собственного вклада в искусство.

Производит впечатление развитым аналитическим подходом статья «Поэтическая Блокиада», где дочь Марины Цветаевой Ариадна после смерти матери вспоминает, каким божеством являлся для Марины певец Прекрасной Дамы, которая удивлялась не тому, что он умер, а тому, что он жил. Таким образом сама собой создается поколенческая преемственность.

То, что характерно для И.Захариевой и в этой статье, она психологически углубленно рассматривает индивидуальное творчество и каждый раз находит подходящий литературный контекст. Открываются связи между такими различными поэтами-реципиентами Блока, как Маяковский, Северянин, Клюев и пр. В восприятии Блока Маяковским вскрыто и противоречие, исходящее из модели «отталкивание – притяжение» /упоминание о Блоке в поэме «Хорошо!» под углом отрицания и в статье «Как делать стихи» на уровне одобрения/.

Возвращаясь к рецепции Марины Цветаевой, припомним о культурной противопоставленности двух крупных центров – Москвы

и Петербурга. В цветаевском литературном зеркале поэт обожествлен, что позволяет преодолеть и различие между Москвой и Петербургом в пользу великой русской культуры.

Поколенческая память о Блоке сохраняется и Анной Ахматовой. В стихотворении «А Смоленская нынче именниница», написанном в форме народного плача, возникает образ серебряного голубя, а поэт после смерти воплощает ментальность Серебряного века. Ахматова уделяет внимание связи Блока с культурными знаками Петербурга. Через пророческий дар Александра Блока осуществляется переход от классической культуры к культуре народных масс.

Противоречиво воспринят автор поэмы «Двенадцать» непримиримой к революции Зинаидой Гиппиус, а для Пастернака-реципиента он связан с обновлением России после революции.

Сопоставляя Блока с другими каноническими поэтами XX века, Захариева учитывает специфику литературных течений и особенности творцов-авангардистов, творцов-эмигрантов. Для Игоря Северянина в зарубежном пространстве Эстонии Блок оставался частью единой России. В соответствии с утверждаемой в статье функцией зеркала устремленность Блока к Прекрасной Даме трансформируется у Николая Клюева в образ мифологизируемой матери с прялкой в руках.

Меняются планы рассмотрения в статье «Поэтическая Блокиада» при переходах от одного реципиента к другому: наряду с восхищением Цветаевой и Ахматовой, пониманием Пастернака, изумлением Есенина и пр. добавляются все новые авторы /Даниил Андреев, Аминад Шполянский, Георгий Иванов /«в сотворении *нерукотворного памятника* собрату по перу» .

В художественных фильмах, вышедших на экраны после 2005 года, экспонируется тема любовных увлечений Есенина. В большинстве кинематографических вещей схематично и без подведения текстуальной основы освещаются этапы беспорядочных душевных увлечений в жизни поэта-имажиниста, педалируется внимание на его эксцентричном поведении. Поэтому автор навоизданной книги своевременно обратился к мемуарам, чтобы вывести любовь в жизни поэта в качестве литературной темы. На

первом плане в статье И.Захариевой оказывается *поэтика потаенной любви* Сергея Есенина и Зинаиды Райх. Ищутся линии связей не только с мемуарными свидетельствами, но и со славянской фольклорной образностью.

Обращение к стихотворению Есенина «Письмо к женщине» ведет к обнаружению понимания поэтом женской души и к запоздалому сожалению о собственных ошибках.

Через сопоставления литературно-биографического характера напрашивается аргументированное определение поэта: его постоянство в величайших чувствах – к родным, к родине, к любимой женщине.

И в статье о взаимоотношениях Есенина и Райх автор опирается на понятие художественного синтеза при сравнении образности любовной лирики Александра Блока и Сергея Есенина. В поздних стихотворениях Есенина выявлен специфический *цветочный код* /основанием служит поэма «Цветы»/. Цветовая символика прослеживается в культуре европейского восемнадцатого века. Эстетическое сравнение обретает широту и приобщается к поэзии XX века, создавая осязаемый семантический пласт. Утверждается индивидуальный подход к Есенину, исходя из цветовой символики, которая становится адекватом жизненных переживаний творца.

Образ Ахматовой представлен нам посредством любовной лирики Гумилева: опять возникает лабиринт фактологии и фикции, современного и символистского видения женщины. Ахматова остается сакральным литературным образом и в других славянских государствах, включительно в Болгарии. Это постоянная величина культурной парадигмы, и именно ей на долю выпадает борьба за воскрешение памяти репрессированного Гумилева.

В любовных стихах Николая Гумилева появляется акмеистский лик Ахматовой. В сказочном сюжете стихотворения «Баллада» она связана с символикой зла, а в мистической параллели - с образом луны. Острота эмоций связана с глубиной чувств, порождающих ритмизированные строки. Оправдываются строки Иннокентия Анненского: «И было мукою для них / что людям музыкой казалось».

Как акмеист, Гумилев чувствителен к вещной детали. Выявлению функции вещи в стихотворении «Перчатка» соответствует мемуарное свидетельство Лидии Чуковской о красивых и нежных руках Ахматовой. Воспоминание связывает женский образ с поэтическим восприятием Гумилева.

В цикле «Беатриче» появляется одна из самых сложных ипостасей Ахматовой: воспевается она с применением акмеистского приема - через литературное имя из средневековья, а отношение акмеистов к классической культуре включало и авторефлексию.

Книга настолько разнообразна по темам, что обозревателю следует ограничиться отдельными частностями, сводимыми к магистральной идее. Подробности будут доступны тем, кто погрузится в увлекательное содержание. В орбиту анализа И.Захариева вовлекает такие интригующие и окруженные белым полем безмолвия имена, как Любовь Столица, Юрий Казаков, Георгий Эфрон, Даниил Хармс, Юрий Домбровский, Иосиф Бродский Андрей Вознесенский и др., что делает ее труд нужным литературным пособием для молодого читателя и любимым чтением для любителей русской словесности.

Доброго пути книге и ее автору!

Атанаска Симеонова Методиева
Школа внеклассного обучения «Алекс академия»
София, Болгария

**ДИАЛОГ КУЛЬТУР. КУЛЬТУРА ДИАЛОГА: В ПОИСКАХ
ПЕРЕДОВЫХ СОЦИОГУМАНИТАРНЫХ ПРАКТИК.
МАТЕРИАЛЫ ПЕРВОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
(МОСКВА 14 –16 АПРЕЛЯ 2016 Г.) /ПОД ОБЩ. РЕД. Е.Г.
ТАРЕВОЙ, Л.Г. ВИКУЛОВОЙ – МОСКВА: МГПУ; ЯЗЫКИ
НАРОДОВ МИРА, 2016. – 621 С.
Сайт конференции: <http://www.dc-cd-conf.ru/>**

В сборник включены материалы докладов, представленных на Первой международной конференции «Диалог культур. В поисках социогуманитарных практик», проведенной Институтом иностранных языков Московского городского педагогического университета 14 – 16 апреля 2016 г. В конференции приняли участие 245 человек из шести стран (Россия, Австрия, Беларусь, Болгария, Грузия и Италия). Конференция производит впечатление широким географическим охватом российских участников, объединивших Москву, Санкт-Петербург, Архангельск, Белгород, Волгоград, Воронеж, Ижевск, Иркутск, Калининград, Киров, Красноярск, Липецк, Магадан, Нижний Новгород, Нижневартовск, Петрозаводск, Пятигорск, Рязань, Самару, Симферополь, Севастополь, Тамбов, Ярославль. Важно отметить также широкий спектр статуса участников конференции – среди участников доктора и кандидаты наук, профессора, доценты и аспиранты, студенты бакалавриата и магистратуры.

Материалы сборника, расположенные в алфавитном порядке и насчитывающие 125 статей, очерчивают актуальную междисциплинарную проблему диалога культур в эпоху глобализации, причем в конце даны сведения об авторах.

Представлены фундаментальные и прикладные разработки **научной школы Института иностранных языков МГПУ**: статьи д.ф.н., проф. *Л.Г. Викуловой*, д.п.н., проф. *Г.М. Лёвиной*, д.ф.н. *Н.В. Морженковой*, д.ф.н., проф. *О.А. Сулеймановой*, д.п.н., проф. *Г.В. Сороковых*, д.п.н., проф. *Е.Г. Таревой*, д.п.н., проф. *А.В. Щепиловой*.

Статья д.п.н., проф. *Аллы Викторовны Щепиловой*, председателя оргкомитета конференции, зав. кафедрой романской филологии, директора Института иностранных языков МГПУ, –

«Тактика реализации межкультурного подхода: цели, документы, практики», с. 604 – 611, анализирует межкультурный подход как один из ведущих культууроориентированных подходов к обучению иностранным языкам. Материалом для анализа служат очень известные в международном масштабе, включительно и в Болгарии, французские издательства современных учебников: Clé International, Didier, Hachete. В своих учебниках французского языка для иностранцев французские методисты реализуют межкультурный подход. На примере французской учебной литературы проф. *А.В. Щепилова* доказывает прогрессивный рост значимости межкультурного подхода, обеспечивающего достижение цели – воспитания в духе поликультурализма, познания иной культуры через свою, а своей – через другую.

В своей статье «Межкультурная образовательная идеология в эпоху геополитических трансформаций», с.558 – 563, сопредседатель оргкомитета конференции, д.п.н., проф., зав. кафедрой французского языка и лингводидактики Института иностранных языков МГПУ *Елена Генриховна Тарева* прослеживает развитие социогуманитарной области научного знания в соответствии со сменой доминант в геополитическом пространстве. Так, методика обучения иностранным языкам оказывается под давлением множественных сил и на данном этапе находится в поисках нового фундамента, новой точки опоры. Утверждается новая межкультурная лингвообразовательная идеология. Ее цель – сохранить национальные особенности в глобализирующемся мировом пространстве, укрепить патриотизм субъекта обучения.

Культура диалога в литературе прослеживается в статье д.ф.н., доц. МГПУ *Наталии Викторовны Морженковой* «Англоязычный модернизм: жанровый диалог с традициями отдаленных эпох», с. 384 – 388. В итоге *Морженкова* заключает, что «модернистский поэтологический эксперимент во многом является жанровым экспериментом», с. 387.

В сборнике представлены исследования **ученых с мировым именем**: д.ф.н., проф. *В.И. Карасик*, д.п.н., проф. *В.В. Сафонова*, д.п.н., проф. *Н.В. Барышников*, д.п.н., проф. *А.Л. Бердичевский*,

д.ф.н., проф. *Г.И. Бубнова*, д.п.н., проф. *Н.Н. Гавриленко*, д.ф.н., проф. *Т.Ю. Загрязкина* и др.

Статья д.ф.н., проф., зав. кафедрой английской филологии Волгоградского государственного социально-педагогического университета *Владимира Ильича Карасика* посвящена скрытому смыслу в диалоге культур. В его статье «Имплицитность в диалоге культур», с. 231 – 240, прослеживаются более значимые исследования в области скрытого смысла коммуникативного процесса, причем доказывается тезис о расхождении между культурами по признаку консолидирующей имплицитности. Для английской лингвокультуры характерна позитивная вежливость. Примером дидактической имплицитности являются пословицы. Автор разграничивает различные типы имплицитности как наличия скрытого смысла в тексте, имеющего лингвокультурные измерения.

В своей статье «Межкультурное образование: мода или необходимость», с. 41 – 47, д.п.н., проф. Университета прикладных наук г. Бургенланда, Австрия, *Анатолий Леонидович Бердичевский* анализирует культуuroобразующую концепцию обучения иностранным языкам. На данный момент конечная цель обучения – социальная (межкультурная) компетенция, и, как доказывает автор, это не мода, а необходимость. Так, коммуникативная компетенция расширяется. Суть межкультурного образования в рамках обучения иностранным языкам состоит в «обучении понимания чужого» («Fremderstehensunterricht» – G. Helbih), с.42.

В рамках сборника выделяются следующие тематические блоки: **Диалог культур как современная социогуманитарная парадигма; Диалог на перекрестке времен и культур; Диалог культур как объект изучения, описания и владения; Культура диалога: лингвистические аспекты; Культура диалога: методические аспекты; Культура диалога в литературе и искусстве; Субъект диалога культур; Перевод в межкультурной парадигме; Иностранный язык как инструмент межкультурной коммуникации; Межкультурный подход и передовые образовательные практики; Культура диалога в диалоге культур.**

Лингвистические аспекты культуры диалога рассматриваются в статьях к.ф.н., доц., зав. каф. теории языка и переводоведения Санкт-Петербургского государственного экономического университета *Ольги Анатольевны Барташовой* «Лакунарность молодежного сленга как проблема в обучении иностранному языку», с.27 – 32; к.ф.н., ст. преп. Воронежского государственного архитектурно-строительного университета *Ирины Юрьевны Лавриненко* «Философский дискурс как форма культурного диалога Ф. Бэкона с обществом», с.320 – 325.

Методические аспекты культуры диалога отражены в статье д.п.н., проф. кафедры лингвистики и лингводидактики Балтийского федерального университета *Татьяны Юрьевны Тамбовкиной* «Место и роль национальной культуры в содержании иноязычного учебника», с. 554 – 558. Автор статьи защищает тезис, что Россия должна иметь собственные национальные учебники иностранного языка. *Тамбовкина* детально рассматривает пути реализации принципа интеграции национального содержания (т. наз. принципа «опоры на родные язык и культуру» – с. 555) в учебник иностранного языка.

Интерес представляет также **методическая статья** к.ф.н. асс. проф. Батумского государственного университета им. Шота Руставели, Грузия, *Дали Тариеловны Доборджгинидзе* «Работа с текстом на пересечении культур», с.182 – 185.

Тематический блок «Перевод в межкультурной парадигме» представлен программной статьей д.п.н., проф. кафедры иностранных языков Российского университета дружбы народов *Наталии Николаевны Гавриленко* «Межкультурная коммуникативная компетентность переводчика», с.130 – 135. В статье характеризуются различные виды ключевых компетенций переводчика, в частности проанализирована межкультурная коммуникативная компетентность переводчика с ее составляющими компонентами. Автор доказывает необходимость поэтапного формирования межкультурной компетенции переводчика.

Болгарская русистика представлена статьей д-ра, проф. кафедры славянских языков Университета им. Асена Златарова (г. Бургас, Болгария) *Неля Стефанова Иванова* «Русский язык в

процессе формирования межкультурной коммуникативной компетенции болгарских студентов: концепты, презентующие предприимчивость в русской и болгарской речевой практике», с. 218 – 225. В статье анализируются концепты *успех* и *риск*, презентующие предприимчивость, на базе различных журналистических исследований, психолингвистических экспериментов, теоретических социопсихологических исследований, словарей, собственных наблюдений. Автор приходит к выводу, что эффективность обучения иностранным языкам находится в прямой зависимости от успешного формирования межкультурной коммуникативной компетенции.

В заключение подчеркиваем фундаментальность содержания рецензируемого сборника, отражающего во всеобъемлющем охвате новый межкультурный подход при обучении иностранным языкам. Для болгарских русистов этот сборник является компендиумом современной лингводидактики.

Желаем дальнейших успехов всему коллективу Института иностранных языков Московского городского педагогического университета!

Димитрина Спасова Лесневска
УНМХ – София, Болгария

ХРОНИКА

Димитрина Спасова Лесневска
Университет национального и мирового хозяйства
София, Болгария

**VI МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«РУССКИЙ ЯЗЫК И КУЛЬТУРА В ЗЕРКАЛЕ ПЕРЕВОДА» К
125-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ М.А. БУЛГАКОВА. 13.05. –
17.05.2016 Г. АФИНЫ (ГРЕЦИЯ)**

Высшая школа перевода – новый факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, созданный в 2005 г., когда отмечался 250-летний юбилей университета. В школе готовят профессионалов-

переводчиков, специалистов-исследователей в области теории и практики перевода. Основными направлениями научных исследований в школе являются теория, история, методология и дидактика перевода.

Высшая школа перевода МГУ (ВШП МГУ) является членом Постоянного международного совета институтов и факультетов перевода (CIUTI)¹, а также ассоциированным членом Международной федерации переводчиков (FIT). Она регулярно организует и проводит международные конференции в России, Греции², Боснии и Герцеговине, Польше³, Испании⁴ и др.

ВШП МГУ имеет свой научный журнал «Вестник Московского университета». Серия 22. **Теория перевода**. Журнал отражает переводческую деятельность во всей ее вариативности. В обращении главного редактора журнала Н.К. Габровского подчеркивается междисциплинарный характер теории перевода: «Современная наука о переводе невозможна без тесного переплетения многих отраслей научного знания: философии и логики, герменевтики и семиотики, этики и эстетики, психологии и социологии, лингвистики и литературной критики, культурологи и этнографии, теории коммуникации и политологии, математики и информатики, а также многих други».⁵

¹ Габровский Н., Костикова О. «Взаимодействие академического и профессионального сообществ в поисках нового партнерства» – Международный форум CIUTI (16 – 17 января 2014 г., Дворец Наций ООН, г. Женева, Швейцария). // Вестник Московского университета, серия 22, Теория перевода, № 1, 2014. – С.196 – 199.

² Миронова Н.Н. III Международная научно-практическая конференция «Русский язык в современном мире: традиции и инновации в преподавании РКИ и в переводе (г. Салоники, Греция, 26 апреля – 1 мая 2013 г.) // Вестник МУ, серия 22, № 3, 2013. – С.136 – 140.

³ Миронова Н.Н. О международной конференции «Перевод как средство взаимодействия культур». К 200-летию со дня рождения М.Ю. Лермонтова. 17.10 – 22.10.2014, г. Краков, Польша. // Вестник МУ, серия 22, № 4, 2014. – С.143 – 147.

⁴ Лесневская Д.С. Международная научная конференция «Перевод как средство обогащения мировой культуры» (г. Лерида, Испания, 21 – 24 ноября 2015 г.). // Вестник МУ, серия 22, № 4, 2015. – С.152 – 156.

⁵ Редакционная коллегия. Главный редактор Н.К. Габровский. Обращение // Вестник МУ, серия 22, Теория перевода, № 1, 2008. – с.10.

С 13 по 17 мая 2016 года в Афинах (Греция) **Высшая школа перевода (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова** провела свою VI международную научную конференцию «Русский язык и культура в зеркале перевода». Конференция проводилась в рамках Перекрестного года культур России и Греции и была приурочена к 125-летию со дня рождения М.А. Булгакова. Конференция объединила исследователей из 20 стран: России, Азербайджана, Австрии, Армении, Белоруссии, Болгарии, Боснии и Герцеговины, Великобритании, Германии, Греции, Грузии, Испании, Италии, Казахстана, Китая, Марокко, Польши, Турции, Финляндии, Франции.

К началу конференции вышел **Сборник «Русский язык и культура в зеркале перевода»**: VI Международная научная конференция; 13 – 17 мая, 2016, Афины, Греция: Материалы конференции. М.: МАКС Пресс, 2016.– 674 с. Электронное издание. ISBN 978-5-317-05272-0. В опубликованных докладах рассматриваются различные аспекты переводоведения, а также вопросы преподавания РКИ и сравнительной культурологии.

Ключевые слова Сборника: теория и методология перевода, художественный перевод, творчество М.А. Булгакова, сравнительная культурология, межкультурная коммуникация, русский язык как иностранный (РКИ).

На торжественном открытии конференции множество теплых слов, пожеланий и поздравлений к своему юбилею получил Директор Высшей школы перевода – заслуженный профессор д.ф.н. **Никола Константинович Габровский**. Состоялась презентация новой книги Н.К. Габровского «О переводе». Профессор Н.К. Габровский выступил с докладом «Художество перевода».

Конференция проходила в рамках четырех секций:

- Творчество М.Булгакова в мировом литературном пространстве;
- Русский язык в системе подготовки специалистов межкультурной коммуникации;
- Наука о переводе в глобальном мире;
- Культурно-антропологические аспекты в межъязыковой коммуникации.

Организаторы конференции ВШП МГУ представили интересные и актуальные доклады о проблемах перевода. Проф. д.ф.н. **Надежда Николаевна Миронова** выступила с докладом «О рецепции прозы Михаила Булгакова в межкультурном, межсемиотическом и межъязыковом пространстве XX –XXI вв.»; проф. д.ф.н. **Наталья Ивановна Голубева-Монаткина** зачитала доклад «О ритме художественной прозы в свете идей М.М. Бахтина и переводе»; проф. д.ф.н. **Эдуард Николаевич Мишкур** представил доклад «О философско-герменевтической рефлексии переводческого процесса. Большой интерес вызвали доклады Заместителя декана, доц. **Ольги Игоревны Костиковой** «О, связь времен! О, токи просвещения! Булгаков и социально-эстетические ценности перевода» и доц. к.ф.н. **Марии Николаевны Есаковой**, доц. к.ф.н. **Юлии Николаевны Кольцовой** «Оценочные суффиксы в произведениях М.А. Булгакова. Трудности перевода.

Председателем секции «Культурно-антропологические аспекты в межъязыковой коммуникации» был проф. д.ф.н. кафедры русского языка МГПУ **Алексей Дмитриевич Шмелев**. Он представил доклад «Лингвоспецифичные слова в переводах (с русского языка и на русский язык).

Представители зарубежных стран выступили с актуальными докладами. Проф. д.ист.н. **Харацидис Элефтериос** (Университет имени Демокрита, Афины, Греция) зачитал доклад «Переводы произведений А.М. Булгакова в Греции»; проф. д-р **Керо Хервилья Энрике** (Гранадский университет, Гранада, Испания) выступил (в соавторстве с **Тарасенко Т.В., Тарасенко В.Е.**) с докладом «Переводческая асимметрия и художественный текст (на материале испанских и японских переводов романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита»)»; проф. д.ф.н. **Катажина Воян**, д-р **Эва Концефал** (Гданьский университет, Гданьск, Польша) представили доклад «М.А. Булгаков на польском языке и языках мира»; акад. д.ф.н. **Бранимир Чович** (Баня-Лука, Босния и Герцеговина) ознакомил аудиторию с проблемами художественного перевода в рамках своего доклада «Место перевода в компаративном изучении художественной литературы: от перевода к рецепции и литературным связям – генетическим и типологическим.

Болгарская русистика была представлена докладом доц. д-ром **Димитрины Спасовой Лесневской** «Прагмалингвистические особенности эпистолярного дискурса в обучении РКИ в болгарской аудитории» (Университет национального и мирового хозяйства, София, Болгария) в рамках секции «Русский язык в системе подготовки специалистов межкультурной коммуникации». Председателем секции был проф. д.п.н. **Анатолий Леонидович Бердичевский** (Университет прикладных наук г. Бургенланда, Австрия), автор многочисленных учебников и пособий по РКИ, выпущенных издательством «Златоуст». Он выступил с докладом «Система подготовки специалистов по РКИ в XXI веке: проблемы и перспективы». В своем докладе А.Л. Бердичевский раскрыл значение понятия «**тезаурус специальности**» – множество умений (компетенций), которыми обучающийся должен овладеть для осуществления профессиональной деятельности.

При закрытии конференции в торжественной обстановке были подведены итоги и поставлены задачи на будущее. VI Международная научная конференция «Русский язык и культура в зеркале перевода» К 125-летию со дня рождения М.А. Булгакова прошла успешно и **внесла весомый вклад в распространение русского языка и культуры** через богатый обмен информацией о результатах научных исследований в международном масштабе.

СЛОВО РУССКОЯЗЫЧНЫХ ПИСАТЕЛЕЙ БОЛГАРИИ

Ирина Петровна Захариева
СУ им. Св. Климента Охридского
София, Болгария

О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОЮЗА РУССКОЯЗЫЧНЫХ ПИСАТЕЛЕЙ БОЛГАРИИ

Минувший месяц октябрь 2015 связан со знаменательным событием: седьмого октября прошлого года в представительном салоне Дома Москвы в Софии состоялся торжество, связанное с основанием новой культуроведческой организации – «Союза русскоязычных писателей Болгарии». Председателем Союза была единодушно избрана уроженка России, проживающая в Болгарии, Наталия Ерменкова – поэт, журналист, эссеист и общественник с исключительными организационными способностями.

Торжественному событию предшествовали месяцы подготовки к осуществлению созревшей идеи консолидации носителей культурных тенденций, сохраняющих любовь и долговременную привязанность между двумя братскими народами – русским и болгарским. Идея была поддержана друзьями-соотечественниками, проживающими за рубежом вне Болгарии и охватывающими страны от Австралии – через всю Европу – до Америки. На болгарской земле общественность встретила с пониманием волнующее событие. Как написал русский поэт Владимир Красногорский в послании «Союзу русскоязычных писателей Болгарии», «Без всяких насилий искусство России / Мы братьям болгарам в дома их несем...».

В Болгарии СРПБ нашел благоприятное место обитания – пространство РКИЦ - Русского Культурно-Информационного Центра в Софии. В залах Библиотеки, заполненной книгами известнейших писателей мира /бывшей российской метрополии и представителей эмиграции «трех волн»/, была оформлена «Библиотека Союза русскоязычных писателей Болгарии». В числе новопринятых членов Союза Ирина Захариева, Светлана, Константинова, Эльвира

Божинова, Алла Гигова, Светослав Нахум, Владимир Красногорский, Владимир Абросимов, Игорь Завьялов, Михаил Бондарь, Сергей Степанов. Почетными членами СРПБ стали живущие в Зарубежье Анатолий Аврутин / Беларусь/, Наталия Крофс / Австралия/, Виктор Шлапак /Украина/, Регина Наумова / Мексика/, Рифат Гумеров /Узбекистан/, Наталия Волкова /Чехия/, Гарри Гаролинский /США/, Марк Луцкий /Израиль/.

Среди регулярно проводимых мероприятий Союза утвердились т.наз. «Литературные среды», привлекающие и представителей болгарских творческих организаций /таких как Союз независимых болгарских писателей, Союз болгарских журналистов, Славянская литературная и артистическая академия/. На заседаниях спонтанно возникают литературные дискуссии, обсуждаются творческие планы, как например начавшаяся подготовка Первого альманаха СРПБ – ознакомительного, который будет распространяться в болгарских библиотеках, в Вузах и школах Болгарии, где изучается русский язык. В Интернете / в Фейсбук / создалась литературная группа, ставшая источником новейшей информации о деятельности СРПБ, о произведениях членов Союза и о предстоящих культурных мероприятиях. Наталия Ерменкова осведомляет о делах Союза через газету «Комсомольская правда» – Балканы и через двуязычную газету «Русия днес – Россия сегодня», признаваемую лучшей из зарубежных газет, связанных с российской тематикой.

Члены Союза уже успели отметить 110-летие детской писательницы Агнии Барто / в РКИЦ и в Русском лицее/, приняли участие в предстоящем юбилее широко известного в Болгарии поэта Евгения Евтушенко / в РКИЦ совместно с Союзом независимых болгарских писателей /, отпраздновали День юмора 1 апреля 2016 года с привлечением творчества самых ярких писателей-юмористов Жванецкого, Мих.Задорнова и др. Участвовали литераторы и в памятном вечере в честь недавно умершего члена Союза поэта и переводчика Сергея Литвиненко.

Вошли в обиход у членов СРПБ посылка материалов за рубеж и поддержание отношений с литературными изданиями Беларуси / минский журнал «Новая Немига литературная»/, Украины /киевский журнал «Ренессанс»/, с Крымом / газета «Литературный Крым»/ и

др., а также переписка с представителями Киргизии, Узбекистана, Греции - почетными членами Союза, основанного в Болгарии.

Один из первых документов, принятых новообразованным Союзом, – МАНИФЕСТ о роли писателя в усилении миролюбивой направленности жизнедеятельности человека.

В Манифесте предлагается ввести в средние и высшие учебные заведения новую общеобразовательную дисциплину – МИРОТВОРЧЕСТВО, которая обладает способностью объединять предметные знания в звенья единой системы и способно сделать слово писателя словом любви, радости и толерантности, бороться за усиление «миролюбивой направленности жизнедеятельности человека». В Манифесте выражается уверенность в том, что творческая интеллигенция всегда была и будет «ответственной за формирование системы взглядов человека на окружающее его мироустройство». Обладает злободневностью призыв: «Пришло время объединять усилия в познании окружающего мира и извлекать блага из миролюбия». Под Манифестом подписались почетные и новопринятые члены Союза.

Неправительственная творческая организация СРПБ ставит одной из своих целей популяризацию русскоязычной литературы в Болгарии и других странах мира, а также развитие контактов с правительственными и неправительственными международными организациями в области русскоязычной литературы, просветительскую деятельность в школах с изучением русского языка и в вузах на факультетах славянской и русской филологии.

Мы, члены СРПБ, верим, что будут размываться расстояния и границы зарубежных стран благодаря нашему Слову, приходящему из Болгарии. Мы радуемся тому, что редколлегия возрожденного в 2015 году русскоязычного журнала «Болгарская русистика» приветствовала основание Союза и выразила готовность в предстоящих номерах журнала вместе с рубрикой «История изучения русского языка в Болгарии» ввести также рубрику «Слово Союза русскоязычных писателей Болгарии».

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В БОЛГАРИИ

Любов Стефанова Мишева
Директор 131 СОУ им. К.А. Тимирязева
София, Болгария

133-Я ШКОЛА ИМ. А.С.ПУШКИНА В СОФИИ

133-я школа им. А.С. Пушкина с преподаванием на русском языке в Софии начала свою деятельность в 1963 году.

Сначала ее директором был Хаим Израель, а несколько месяцев позже директором стала Стефка Христова. Основная школа с 1 по 8 класс находилась на ул.Преспы.

Исторические корни нашей школы начинаются в более ранние времена. В начале XX века в Болгарии создаются русские школы и лицеи, а одна из них появляется в 1924 году на ул. Ополченской – Софийская русская гимназия и Пушкинский детский дом.

С особым авторитетом пользовался лицей имени Кузьмина, который находился на ул. Ивана Вазова д.14 недалеко от здания нашей школы. Основателем лицея была Варвара Павловна Кузьмина, которая эмигрировала из Петербурга в 1918 году. Вместе с преподавательским составом она открывает лицей в Софии. В числе его воспитанников Таня Масалитинова и Валентина Кюркчийева, которая впоследствии становится преподавателем русского языка в СУ им.Климента Охридского.

Официально история 133-ей школы начинается с 1963 года, когда она насчитывает 9 классных комнат, в которых учатся 17 классов и преподают 23 преподавателя. Одними из первых преподавателей являются Тамара Колева, Анна Якова, Зоя Горбатова, Мария Найденова, Валентина Джумалиева, Вера Касаетова, Нинель Караманева, Ольга Чистовская и др.

С августа 1965 по 1973 год директором школы была Радка Македонова. Позднее школа переехала на улицу Шишмана д.1. С 1972 г. под руководством Радки Македоновой был обеспечен учебный процесс с преподаванием на русском языке и улучшена

материальная база школы. По предложению Радки Македоновой в 1968 году школе было присвоено имя Александра Сергеевича Пушкина.

Здание на ул.Шишмана д.1 в 1971 г. насчитывает уже 1200 учеников, 43 класса и 73 преподавателя. Большинству из них присваивают отличительный знак «Отличник МНП» и вручают другие престижные награды за их педагогическую работу. В 1971 году школа принимает учеников с 1 по 12-ый класс и становится 133 ЕСПУ им А.С.Пушкина с преподаванием на русском языке. Во всех классах преподают высококвалифицированные преподаватели.

В 1974 году Радка Македонова была награждена орденом Кирилла и Мефодия I степени за бесспорные заслуги при создании коллектива из высокообразованных профессионалов и за творческую работу при утверждении имени школы.

С 1973 до 1976 г. директором школы стала Роза Караджова, под руководством которой создается экспериментальный кабинет по пению и музыке, являющийся уникальным по замыслу и организации. С 1976 года директорское место занимает Стоянка Ангелова.

Осенью 1977 года рождается идея гимна для 133 ЕСПУ им. А.С. Пушкина. Музыка создает Беню Тотев, а текст написал поэт Матей Шопкин под заголовком «Гнездо радости». Гимн торжественно звучит в Народной опере по случаю 15-ой годовщины со дня основания школы. В 1981 году художник Нено Балкански вручает школе портрет А.С.Пушкина. Эта реликвия до сих пор на стенах учительской комнаты.

С 1982 года школа ассоциируется к ЮНЕСКО. На первый конгресс приезжают гости из Германии, Франции, Чехословакии и России. Ставят эксперимент «Синтез: наука - образование – культура» и для участия и сотрудничества приглашены ученые, художники, артисты, музыканты и композиторы.

Надка Доксанлиева, будучи директором школы с 1976 по 1993 год, направляет свои усилия на улучшение материальной базы и интерьера школы. Утверждается традиция ежегодного чествования и проведения Пушкинских декад.

25-ая годовщина отмечается в Национальном дворце культуры в 1989 году. В честь юбилея школа награждена орденом Кирилла и Мефодия I степени, а большая часть эродированных и высококвалифицированных преподавателей была награждена орденами, медалями и другими наградами.

Несмотря на трудные условия, связанные с социально-общественными изменениями в стране, 133-я школа им. А.С.Пушкина не теряет свой авторитет и продолжает традиционные связи с Россией.

С 1993 года под руководством Любови Мишевой, вступившей в должность директора, осуществляется дальнейшее развитие школы в соответствии с условиями демократизирующегося общества, на принципе новой модели при организации учебной деятельности – пользование образовательного софтуера и информационных ресурсов (**мультимедийный продукт VIFAX, подарок посольства Франции в 1995 году, в результате которого был создан кабинет с новыми компьютерами «Макинтош» и пакетами приложных программ «Claris Works» и «File Marker Pro»**).

Директором школы Л. Мишевой был подписан договор с Институтом им. А.С.Пушкина в Москве для квалификации учителей и проведения языковой практики для учеников 133-ей школы. Было введено интенсивное изучение иностранных языков с 8 класса - английского, французского и русского языков, а также и преподавание части предметов на изучаемом языке. Ученики активно участвуют в разных конкурсах и олимпиадах, как в Пушкинской декаде, а также в викторинах и в празднике Франкафонии, организованном Французским культурным центром. С гордостью можем сказать, что они регулярно занимают призовые места, которые дают им возможность посетить Россию и Францию. С 1997 года ученики, заканчивающие нашу школу, получают диплом, на основании которого их принимают во французские высшие учебные заведения – университеты и институты. Наши ученики не только успешно выступают на конкурсах Французского культурного института, но и бесппроблемно продолжают свое обучение в университетах Франции и Швейцарии (в Париже, Монпелье, Марселии, Тулузе, Женеве, Лозане, США и др.).

В мае 1999 года в зале Св. Софии в связи с 35-ой годовщиной со дня основания школы и 200-летием со дня рождения нашего патрона А.С. Пушкина проводился торжественный концерт.

В настоящее время директором школы является Даниела Борисова, которая продолжает ее традиции. В школе работают высококвалифицированные кадры – из них 2 кандидата (доктора) наук, 4 с второй и 25 с третьей квалификационной степенью. Большая часть учителей являются базовыми преподавателями СУ им. Св. Климента Охридского и Художественной академии.

133-я школа им. А. С. Пушкина существует уже более полвека, и все это время ученики и преподаватели поддерживали и продолжают поддерживать традицию изучения русского языка и защищать имя и место школы не только в столице Болгарии – Софии, но и на международном уровне.

ЮБИЛЕИ

С юбилеем, Ирина Захариева!

Редколлегия журнала «Болгарская русистика»

ИРИНА ЗАХАРИЕВА – ПРОНИЦАТЕЛЬНЫЙ ЛИТЕРАТУРОВЕД И ТАЛАНТЛИВЫЙ УЧЕНЫЙ

Болгарский русист Ирина Захариева – автор свыше двухсот работ, связанных со спецификой развития русской литературы XX века. Человек многосторонний, влюбленный в свое дело, обладающий глубокими познаниями в области теории и методологии литературоведения, она с большой любовью относится к русской культуре, литературу знает и чувствует глубже многих русских ученых. О писателях, которые не были жалованы советским режимом, Захариева отзывалась первая.

Её исследования: «Художественный синтез в русской прозе XX века (20-е – первая половина 50-х г.)» – 1994, «Проблемы советской литературы» (1990), «Русские поэты XX века: феноменальные эстетические структуры» (2007), «Русский роман XX века: авторские опыты спецификации жанра» /2014/ и др. хорошо знают не только в Болгарии, но и в других странах. Она активно печаталась в США, Словакии, Венгрии, Германии, Чехии, Польше, не говоря о Болгарии. В России научная деятельность Ирины Захариевой известна в Москве, Петербурге, Екатеринбурге и других научных центрах.

В последние годы Ирине Захариевой принадлежит постановка научной проблемы формирования канонического облика русской литературы XX века. Рассматривает она данную проблему с позиций русской классической литературы на фоне славянской и мировой литературы. Начало было положено в ее монографии, вышедшей в 2008 году в Софии, «Аспекты формирования канона в русской литературе XX века». В дальнейшем И. Захариева продолжила анализ произведений в серийном издании «Становление русской литературной классики III. Творческие новации писателей XX века» (2012), «Конфликтное самоутверждение русской литературной классики IV. Креативные модели писателей XX века» (2013).

Достоинством выдвинутой Ириной Захариевой концепции является новаторский подход сопряжения «макро- и микромиров великих авторов», обозначенных ею как индивидуальные «творческие коды» в контексте традиций; «совокупность семантических и формальных признаков авторской системы» и

осмысление самой традиции – от В.Брюсова, О.Мандельштама, М.Зенкевича и др. до С.Довлатова, В.Шукшина, Н.Рубцова, В.Распутина Б.Ахмадуллиной, Вен. Ерофеева, А.Синявского-Терца, И.Ефремова, Ю.Нагибина, В.Аксенова, Л.Улицкой, Е.Харитоновой, Ю. Дружникова, А. Галича, А.Тарковского, Ф.Искандера, Б.Окуджавы и др.

Исследователь привлекает и постмодернистскую литературу: поэзию Д. Пригова, прозу Саши Соколова. Проанализированный материал потребовал не только знания текстов, но и серьезного исследовательского подхода. При помощи выработанной концепции Захариевой удалось связать воедино три потока русской литературы: официальную, потаенную и эмигрантскую.

Извлекая доминанты канона из произведений разных писателей, Ирина Захарева создала свое пространство как основу для будущей признанной классики литературы XX века.

Ученый-литературовед, русист Ирина Захарева – страстный полемист, отстаивающий с любовью и принципиальностью позитивный взгляд на наш общий предмет – русскую словесность. По ее мнению, русская литература «развивается мощно и непредсказуемо», дает необходимый материал для развития объективного и пронизательного литературоведения, объединяющего усилия многих ученых.

Свидетельством неутомимой работы и способностей юбиляра явилась только что вышедшая монография «Пятая книга формирования литературной классики XX века: канонизированные формосмыслы, образы и сюжеты русской словесности» (2016), потребовавшая новых поворотов идей пронизательного литературоведа.

Желаю Ирине Захариевой «многая Лета» в жизни и в творчестве!

Нэлли Михайловна Щедрина
Московский государственный областной университет
Москва, Россия

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аврамова Валентина – д-р, проф. кафедры русского языка Шуменского университета им. Еп. Константина Преславского (Шумен, Болгария) valentav@abv.bg

Аликина Елена Вадимовна – к.п.н., доцент, зав. каф. иностр. языков, лингвистики и перевода Пермского национального исследовательского политехнического университета (Пермь, Россия) elenaalikina@yandex.ru

Баско Нина Васильевна – к.ф.н., доц. кафедры русского языка для иностранных учащихся гуманитарных факультетов МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия) ninabasko@mail.ru

Вербицкая Людмила Алексеевна – д.ф.н., проф., ректор СПбГУ, академик РАО, президент Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ) (Москва, Россия)

Гейхман Любовь Кимовна – д.п.н., проф. кафедры иностр. языков, лингвистики и перевода Пермского национального исследовательского политехнического университета (Пермь, Россия) lyubageykhman7@gmail.com

Димитрова Полина Андреева – аспирант кафедры русской филологии Пловдивского университета им. Паисия Хилендарского (Пловдив, Болгария) polina1983_1983@abv.bg

Захаријева Ирина Петровна – д-р, доц. кафедры русской литературы Софийского университета им. Св. Климента Охридского (София, Болгария) irina_zaharieva@abv.bg

Ковалев Геннадий Филипович – д.ф.н., проф. кафедры славянской филологии Воронежского государственного университета (Воронеж, Россия) kovalev@phil.vsu.ru

Кушнина Людмила Вениаминовна – д.ф.н., проф. кафедры иностр. языков, теории и перевода Пермского национального исследовательского политехнического университета (Пермь, Россия) lkushnina@yandex.ru

Лесневска Димитрина Спасова – д-р, доц. кафедры иностранных языков и прикладной лингвистики Университета

национального и мирового хозяйства (София, Болгария)
dimitrina_lesnevska@abv.bg

Маркова Елена Михайловна – д.ф.н., проф. кафедры РКИ и культуры речи Московского государственного областного университета (Москва, Россия); проф. кафедры русистики Университета им. Св. Кирилла и Мефодия (Трнава, Словакия) Elena-m@mail.ru

Методиева Атанаска Симеонова – д-р, Школа внеклассного обучения «Алекс академия» (София, Болгария)
atanaskametodieva@gmail.com

Мишева Любовь Стефанова – директор 131-ой СОУ им. Климента Тимирязева (София, Болгария) sou131@abv.bg

Муллагалиева Лилия Канафова – доц. Башкирского педагогического университета имени М. Акмуллы (Уфа, Россия)
mullagalievalk@rambler.ru

Скуридина Светлана Анатольевна – ст. преп. кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Воронежского государственного архитектурно-строительного университета (Воронеж, Россия) saskuridina@ya.ru

Соловьева Наталья Васильевна – к.ф.н., доцент кафедры русского языка и стилистики Пермского государственного национального исследовательского университета biserova@bk.ru

Сологуб Ольга Павловна – д.ф.н. доцент Национального Тайваньского университета (Тайбэй, Тайвань) olsolpa@mail.ru

Щедрина Нэлли Михайловна – д-р фил. наук, проф. кафедры русской литературы XX века Историко-филологического института МГОУ (Москва, Россия) schedrina@gmail.com

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ

Электронные версии статей следует направлять в виде приложения по электронной почте по адресу редакции: bolgrusistika@gmail.com. В отдельном текстовом документе прилагается справка об авторе: *ФИО (полностью), ученая степень, ученое звание, место работы, должность, город, страна, домашний адрес, контактный телефон, электронный адрес*. К публикации принимаются материалы на русском языке.

ОБЩИЕ ТРЕБОВАНИЯ

Формат: Microsoft Word.

Размер страницы: А4.

Шрифт: Times New Roman, шрифт 12.

Междустрочный интервал: одинарный.

Поля: верхнее и нижнее – 2 см, левое и правое – 2,5 см.

Абзацный отступ: 1 см.

Без нумерации, выравнивание по ширине.

ОФОРМЛЕНИЕ СТАТЕЙ

На русском языке (*данные автора: Имя Отчество Фамилия, Название организации, Город, Страна, заглавие статьи, аннотация, ключевые слова*), а затем на английском языке (*данные автора, заглавие статьи, аннотация, ключевые слова*), напр.:

Вера Иванова Петрова
СУ им. Св. Климента Охридского
София, Болгария
(шрифт 11)

ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТЬ СОВРЕМЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ЯЗЫКА (шрифт 12)

Аннотация: шрифт 11, до 800 знаков с пробелами

Ключевые слова: шрифт 11, не более 10 слов

Vera Ivanova Petrova
Sofia University St. Kliment Ohridski
Sofia, Bulgaria
(шрифт 11)

THE EXPRESSIVENESS OF MODERN POLITICAL LANGUAGE
(шрифт 12)

Abstract: шрифт 11, до 800 знаков с пробелами

Keywords: шрифт 11, не более 10 слов

ОСНОВНОЙ ТЕКСТ СТАТЬИ

Текст на русском языке: шрифт 12, объем: до 20 000 знаков с пробелами.

Сноски — постранично, внизу страницы, с использованием сквозной нумерации, арабские цифры, шрифт 10. Библиографические ссылки – в квадратных скобках [Фамилия автора, год издания, стр.], например: [Петров 2007], [Иванов 2014: 43], [Ефимова 2000: 60–72]. Примеры следует давать курсивом. Используются кавычки типа «елочки». Графики, рисунки и фотографии монтируются в тексте после первого упоминания о них. Название иллюстраций дается под ними после слова «Рис.» с порядковым номером (10 шрифт).

Список литературы – шрифт 11, в конце статьи без нумерации, фамилии авторов в алфавитном порядке (сначала на кириллице, потом на латинице по латинскому алфавиту). Инициалы не разделяются пробелами. Включаются только работы, указанные в ссылках. Литература оформляется следующим образом:

ЛИТЕРАТУРА

Максимов, Голубева 2010 – Русский язык и культура речи. Учебник / Ред. Максимов В.И., Голубева А.В. Санкт-Петербург: Златоуст. – 382 с.

Формановская 2002 – *Формановская Н.И.* Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход. Москва: Русский язык. – 216 с.

Целищев, Карпович, Поляков 1982 – *Целищев В.В., Карпович В.Н., Поляков И.В.* Логика и язык научной теории. Новосибирск: Наука. – 189 с.

Черникова 2011 – *Черникова И.В.* Типология науки в контексте современной философии науки // Вопросы философии. № 11. – С.71–79.

Krier 1979 – *Krier Rob.* Urban space. New York: Rizolli international publications. – 174 p.

После списка литературы следует **резюме статьи** – шрифт 11, до 800 знаков с пробелами на **болгарском языке**, а также, ключевые слова статьи, переведенные с русского на болгарский язык (этот материал составляется редколлегией), напр.:

Вера Иванова Петрова

ИЗРАЗИТЕЛНОСТ НА СЪВРЕМЕННИЯ ПОЛИТИЧЕСКИ ЕЗИК

Резюме

Текст....

Ключови думи:

ОФОРМЛЕНИЕ РЕЦЕНЗИЙ

Рецензия на русском языке – шрифт 12, объем: до 8 000 знаков с пробелами. Заглавие рецензии – точные данные рецензируемого труда. Данные автора помещаются после текста, напр.:

**Елена Андреевна Брызгунова. ЗВУКИ И ИНТОНАЦИЯ
РУССКОЙ РЕЧИ. М.: Русский язык, 1977. – 281 с.**

Текст, текст....

Ирина Иванова Петрова
ЮЗУ им. Неофита Рильского
Благоевград, Болгария

Материалы, не соответствующие вышеуказанным требованиям, не рассматриваются.

Редколлегия

АДРЕС РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА

Дружество на русистите в България
Списание «Болгарская русистика»
ул. Никола Мирчев № 35
София 1113
e-mail: bolgrusistika@gmail.com